

A space shuttle is shown in the process of launching, angled upwards from the bottom left towards the top right. The shuttle is white with black and orange accents. Bright orange and yellow flames and white smoke are visible at the base of the shuttle. The background is a sky with a gradient from blue at the top to orange and yellow at the bottom, suggesting a sunset or sunrise. The overall composition is dynamic and emphasizes the power of the launch.

Левсет
Дарчев

Обожжённые «Бураном»

Современная проза

16+

Левсет Насурович Дарчев

Обожженные «Бураном»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39424125

SelfPub; 2018

Аннотация

Книга посвящена героическому подвигу советских летчиков-испытателей спецотряда Игоря Волка по запуску и посадке многоразового советского корабля "Буран". Мистика и документалистика позволяет прикоснуться к таинственным событиям, которые забирали жизни самых самоотверженных летчиков страны, и поставить вопрос, что же все-таки происходило на самом деле.

Содержание

Часть I	5
Подозрительный тип	5
Встреча с Шеффером на аэродроме	14
Шеффер	21
Владимир Туровец	36
Анатолий Левченко	37
Александр Щукин	38
Игорь Волк – особенная личность	38
Детство и юность	38
Ирак	48
Волк – космонавт	53
Часть II	60
Рожденный летать	60
Детство и шалости	60
Школьная пора заканчивается	73
Училище	79
Тушение пожара	92
Люба в магазине	97
Пьянка	109
В кабинете начальника	113
Первое знакомство с самолетом	123
Отрыв	127
Хороший, плохой сукин сын	134

Беломорканал	136
Прихвостень	136
Залп по коровам	137
Выпуск из училища	139
Строевая часть	142
Железные нервы	144
Часть III	154
Байконур	154
Первая попытка	160
Неожиданная встреча	164
Вторая попытка	176
Старт «Бурана»	176
Ветер против «Бурана»	177
Команда на взлет	180
Постановка задачи на 15 ноября 1988	180
года	
«Массандра»	185
Часть IV	192
Встреча «Бурана»	192
Миллионы людей застыли у экранов	192
телевизоров	
Твой муж больше не придет	206

Левсет Дарчев

Обожжённые «Бураном»

Часть I

Подозрительный тип

В Москве только что прошел осенний дождь, и машина «скорой помощи» неслась по проспекту на полной скорости, прорезая колесами дождевую воду и превращая ее в плотные гребни, которые распылялись по бокам и тут же растворялись в потоки, заливая асфальт. Врачи, осмотревшие пациента и погрузившие безжизненное тело на носилки, которые затем закатили в кузов, были в легком смятении от цвета его лица и тяжести тела, несоизмеримой с его размерами.

– Заметил? – спросил один другого, нарушив молчание.

– Да.

– А что ты заметил?

Второй поднял одну бровь и уставил взгляд на коллегу.

– Это не человек, Дима, – проронил он. – Это какое-то существо. – Он подсознательно протянул руку и коснулся запястья пациента. Тело было холодное как лед.

Через несколько минут они затолкали тележку в двери

приемного покоя и вздохнули с облегчением – они избавились от человека, который нарушил их обычное рабочее внутреннее состояние.

* * *

Врач, женщина средних лет в белом халате и манометром, подвешенном на шее, подошла к кровати, пододвинула табуретку, села и взялась за руку пациента, чтобы измерить давление. Она накачала воздух в систему манометра и устала взгляд на табло – давление упало до нуля. Только потом она странно посмотрела на лицо больного – его странный вид взволновал ее: глаза плотно закрыты, дугой очерчивая шов ресниц, чубчик на лбу треугольным острием ровно по геометрии упирается в середину переносицы на сердцевидном овале необычно бледного лица. Врач откинулась назад и попросила другой манометр.

Результат – тот же. Голова закружилась, она встала и, чтобы привести свои чувства в порядок, направилась к себе в кабинет с дурными предчувствиями, дав указания помощнику сделать укол.

Не прошло и двух минут, как медсестра зашла в кабинет врача и встала на пороге со шприцом в руке и с немым ужасом в глазах.

– Что такое? – спросила врач.

Медсестра не могла вымолвить ответ, а лишь протянула

кусок ваты в сторону врача.

– Смотрите, кровь голубого цвета.

– Не может быть! – проронила врач, вставая с кресла. Она, оттолкнув в сторону застывшую медсестру, протиснулась в коридор, чтобы немедленно попасть в палату, куда поместили необычного пациента. – Кианетик, значит. Чему удивляться! Таких людей в мире насчитывается восемь тысяч, – продолжала тараторить врач на ходу, успокаивая себя. Медсестра, наконец, сдвинулась с места и поплыла вслед за врачом.

Войдя в палату, они обе застыли, перестав дышать и глядя на помятую кровать, на которой они должны были увидеть больного, но там никого не оказалось.

Врачи переглянулись.

– Гуманоид, инопланетянин, – странным голосом вымолвила Ольга. – Надо немедленно сообщить в КЭГЭБэ. Немедленно.

– И не вздумай, – порекомендовала врач.

– Почему?

– Потому что тебе никто не поверит и заберут в психушку, – пробормотала врач Неля Петровна. Она, временно погрузившись в космическое состояние, перестала верить собственным глазам. – А разве это было?

– Петровна, ты что! Ты не веришь тому, что произошло. Нет, ты как хочешь, а чувствую ответственность и должна собрать материал и сообщить об этом, – Ольга говорила пре-

рывисто и эмоционально.

– Поступай, как хочешь, Ольга, но меня, пожалуйста, не впутывай в эту историю, – взмолилась Неля Петровна, – я боюсь.

В Ольге, напротив, начал набирать силу азарт охотника и любознательность: решила докопаться в происшедшем до конца. Она сбросила халат и побежала в приемный покой, чтобы по горячим следам выведать информацию у команды «скорой помощи».

– Алло, – закричала Ольга, набрав телефон дежурной, – вызовите, пожалуйста, кого-нибудь из машины номер пятнадцать!.. Это из больницы!..

Время затянулось.

– Алло, слушаю вас, – раздался мужской голос.

– Скажите, где, в каком месте вы подобрали больного мужчину полчаса назад?

Пауза.

– Ну, в этом... в кафе «Глория» на первом этаже, – сказал доктор. – Ну, началось – я так и знал...

– Спасибо.

Ольга, погруженная в мысли, не заметила, как быстро автобус доехал до кафе, и пришла в себя, когда услышала голос водителя по микрофону, который оповестил название остановки.

Она вошла в вестибюль и поинтересовалась у вахтера.

– Извините, вы были здесь, когда «скорая помощь» заби-

рала больного? Ну, часа два назад, может быть.

Вахтер, больших размеров, в спецформе, с отвислым животом, тяжело развернулся к ней и помотал головой с тупым выражением на лице, давая понять, что ничего не понял. Ольга, судя по тому, как он повернул к ней левое ухо, решила, что он страдает нарушением слуха.

– Я говорю, отсюда забирали больного? – повторила Ольга вопрос погромче.

– Забирали, да, забирали.

– А что с ним было?

– Я не знаю, милая, что там было. Не знаю. Я не помню.

«Лечиться вам надо, – хотела сказать Ольга», – но удержалась от грубости:

– Можно, я зайду?

– Конечно, – быстро произнес вахтер, поспешно открывая входные двери в зал. – Заходите.

«Два слова, которые постоянно у него в обиходе и больше его ничего не интересует, – подумала Ольга. – Большие люди и доброта – синонимы».

Она подошла к одному из официантов. Девушка стояла между двумя столами с подносом на вытянутой руке. Прежде чем ответить, она задумалась.

– Честно сказать, я не видела, как он заходил сюда: заказывал поесть или нет, – было заметно, что девушка в черном переднике с колпаком белого цвета на голове сильно волновалась. Видимо, им досталось. – Он лежал вон там. В углу

возле розетки. Станный какой-то.

– Значит, вы хотите сказать, что никто из вас с ним не общался?

– Нет, нет, – отрицательно покачала головой девушка.

– Здесь все собрались и мы обсуждали это. Он, что умер? – спросила официантка, держа на Ольге неподвижный взгляд.

– Нет, тут – нечто другое, – сказала Ольга и развернулась, чтобы выйти из зала. Она не успела дойти до дверей, как услышала окрик за спиной:

– Подождите!

Работница кафе быстро приближалась к ней, огибая столы. В поднятой руке она держала барсетку темного цвета. Сердце Ольги ёкнуло.

– Извините, – произнесла девушка впопыхах. – Это его. Мы не успели передать ее.

Ольга заволновалась и почувствовала, как у нее по сосудам ускорилось движение крови. Прежде чем прикоснуться к барсетке, ее рука некоторое время висела в воздухе. «Что в ней? – мысли и тревоги смешались. – Что это может быть»? Она вспомнила слова врача: «Не впутывай, пожалуйста, меня в эту историю. Я боюсь».

Ольга взялась за барсетку и с удивлением почувствовала, что ее температура была выше, чем градусы окружающей среды.

– Спасибо, – проронила она, еле слыша свой голос. Она

твердым поддельным шагом выбралась на свежий воздух. С ее дыханием что-то случилось – она потеряла ритм движений, и последовательность мыслей. Она только понимала, что надо добраться домой и там открыть эту сумку. Она не сомневалась, что сделает открытие, и это будет большим подарком уфологам страны. На остановке автобуса она села на лавку, хотя знала, что та грязная. Автобус опаздывал, и она еще раз бросила взгляд на барсетку, которая лежала на коленях. Она прикоснулась к замку застежки и начала открывать. От волнения у нее пересохло в горле. Застежка открылась полностью, она раздвинула подол и, наклонив голову, заглянула внутрь – твердый лист бумаги серо-зеленого цвета. Затем она быстро выхватила лист и удивилась: странные рисунки, каракули и в столбик какие-то цифры. Она дрожащими пальцами запихнула лист обратно в сумку. «Что делать? Домой? Нет – надо в центр уфологии и попросить их расшифровать знаки. Только так. Неужели, это был контакт с иной цивилизацией. Я сделала ему укол. Боже мой – это впервые в истории человечества. Никто не поверит».

Ольга воспрянула духом, мгновенно она стала другой, уверенной, и точно рассчитала план дальнейших действий: сначала в центр, а затем расследование, потом информация в газеты. «Я этот лист никому не покажу, – решила она, – только копию».

Она так и поступила, сделав дубликат и вызвав подозрение у фотографа, который долго тер бумагу между пальцами

и подозрительно посмотрел на Ольгу.

– Что это за бумага? Здесь на ней магнитный слой. Откуда она у вас?

– Много будешь знать – быстрее состаришься, – ляпнула Ольга, расплачиваясь за работу. – До свидания!

Ольга с утра ничего не ела и, хотя в животе урчало, она не обращала на это внимания. Поиски шифровальщика привели ее в Академию наук. Особое здание, где каждый камень дышит цифрами, таинственными уравнениями. Ей пришлось долго ждать, пока женщина с очками на переносице не положила ей под нос расшифровку или перевод каракулей на человеческий язык – ряд цифр, которые ей еще ни о чем не говорили. Выйдя из здания, Ольга, осененная новой мыслью, остановилась: цифры 77, 78 постоянно повторяются. «Это годы, – решила Ольга, – и даты каких-то событий. Точно».

В библиотеке Ольга вооружилась подшивкой газет «Правда». Она несколько часов ломала голову над сопоставлением цифр и нашла закономерность и ужасающую последовательность событий: дни катастроф летчиков-испытателей. Что это? Кому сказать? Ее голова начала раскалываться от потока мыслей, которым не было конца.

– Вам плохо? – Ольга подняла голову и увидела над собой молодую девушку, которая, видимо, пришла ей помочь, заметив ее странный вид.

– Нет. Все нормально, – Ольга не слышала свой голос. Она

стала собираться домой. Глянула на часы и удивилась – она просидела в библиотеке четыре часа. Ужас. – Спасибо.

Голова продолжала думать: последние цифры «29, 10, 1988» означали событие, которое еще не состоялось, но должно состояться.

Ольга знала то, чего никто не знал. Надо было сделать последний шаг – предупредить летчиков о грядущей опасности. Это привело ее к шлагбауму военного аэродрома, где стоял ряд легковушек и не было ни одного военного. Наконец в турникете появился мужчина в летной форме.

– Извините, пожалуйста, вы не могли бы мне помочь, – произнесла Ольга.

– В чем дело? – спросил военный с видом, внушающим доверие.

– Передать эту записку в спецотряд Волка.

Военный зачитал, остолбенел и с минуту не мог открыть рот.

Вернувшись обратно в гостиницу, Юрий Шеффер набрал номер телефона коллеги по отряду Магомед Толбоева.

– Магомед, привет, старик. Ты когда вылетаешь?

– Завтра.

– Я буду ждать тебя. Есть важный разговор.

Встреча с Шеффером на аэродроме

– Нет, ты не поедешь на Байконур. Мне сказали, что там что-то должно произойти, – с ужасом в глазах, с тревогой произнесла Люба.

– Я знаю, – отшучивался Магомед. – Там должен взлететь «Буран», и я его буду сопровождать.

– Глумишься надо мной? – Срывающийся голос. – У тебя трое детей.

– Я знаю, – также холодно и пренебрежительно произнес Магомед. – Будет еще.

Люба сникла.

– Боже мой, – выдавила она. – Сколько можно жить в ожиданиях, тревогах, сомнениях. Я устала. Иногда думаю самой взлететь что ли на истребителе, чтобы пробить твою глухую стену равнодушия, чтобы ты почувствовал, что такое ожидание, тревога.

Маленький Руслан подбежал к отцу и схватил за ноги.

– Папа, меня возьмешь с собой в космос?

– Нет, не возьму, – строго по-военному ответил отец.

– Почему? – обиженно, насупившись, спросил Руслан.

– Потому что ты кашу не поел.

Глаза мальчика забегали.

– Папа, если я съем всю кастрюлю, ты меня сразу заберешишь?

– Конечно.

Руслан в одно мгновение исчез. А мама, забыв про тревоги, побежала вслед за сыном – он важнее всех тревог.

– Подожди, космонавт, – сказала она, догнав его у плиты, куда к горячей кастрюле потянулись тонкие ручонки сына. – Каша еще горячая – обожжешься.

Магомед одел куртку, нахлобучил на голову кепку, попрощался и закрыл за собой дверь – дверь своей крепости, куда он должен вернуться живым и здоровым. «Зачем тогда столько пожеланий и тостов: “Я желаю вам мягкой посадки”. Мама никогда не хотела отпускать меня из дома, но всегда хотела, чтобы я возвращался. В судьбу человек не может вмешиваться никто, а судьба может. Придет домой мой товарищ и скажет: “Вашего мужа больше нет. Твой папа больше не придет, малыш”. Этот путь сродни пути на Голгофу как тяжелейшее испытание без надежды на победу? Я разговаривал с женами погибших товарищей и не хочу, чтобы с кем-нибудь еще это повторилось».

Магомед сжимал в руках ключи от автомобиля. Сейчас он поедет на аэродром. «Стоп. А чего же от меня хочет Юрий Шеффер. “Я буду ждать тебя в кафе, нужно поболтать – тема серьезная”. О чем?»

Осень. Погода изменилась. Люди – тоже: прячутся в куртках, шапках. Интересно, что они одевали, когда еще не придумали ткани – меха, наверное. «Меховая шуба для жены. Бабушка, которая каждое утро провожала меня на скамейке

возле дворового палисадника, тоже испугалась первых заморозков и, видимо, не смогла оторваться от домашнего тепла, так что до весны не услышу ее: “Доброго дня, сынок”».

Он дошел до машины, вставил ключ в замок зажигания и задумался: «Что хочет сказать мне Шеффер? Неужели опять кто-то из отряда погиб? Не верю, хотя небо непредсказуемо и я падал, ломался, выживал», – вспоминал Магомед, пока выруливал со стоянки.

«Помпаж» на СУ-76 – красивое французское слово, а на самом деле – «Бах-бах. Ба-ба-бах». А по инструкции – это поломка в работе турбореактивного двигателя, сопровождающаяся хлопками в воздухозаборнике по причине противотока газов, дымлением выхлопа, резким падением тяги и сильной вибрацией, разрушающей двигатель. Вот так просто – воздух влетает в компрессор, а из турбины вылетает, вращая ее. В камере же сгорания топится смесь керосина и кислорода. А летчик со своими мыслями, до этого витавший где-нибудь в ресторане «Прага» или «Москва» (а в «Национале» чуть похуже...), мгновенно окунается в реальность, где жена в общежитии с двумя детьми ждет его, а тут вдруг: «брах-тарарах» – помпаж двигателя.

«Мысли прочь – я за рули. Что такое? Пернатые? Тогда это проще простого – выключаю двигатель и жду пока лопасти перетрут птицу в фарш и откроется доступ кислорода в смесь. Запускаю двигатель вновь».

Самолет рвануло вперед – газы зажглись и раскрутили

турбину еще сильнее. Потом оглушительный взрыв. Работающее крыло потянуло самолет в виток по окружности. В следующую секунду тяга пропала совсем и самолет пошел туда, откуда взлетел – к земле.

* * *

Самолет круто пошел вниз и, не дотянув до грунтовой полосы безопасности, упал на открытое поле и несколько раз перевернулся. Он видел потом обломки самолета – часть искореженного фюзеляжа, где располагалась кабина, лежала далеко от места падения самолета. Трудно было представить, как можно было выжить с многочисленными переломами грудного отдела позвоночника и переносицы и не остаться инвалидом на всю жизнь.

Он в больнице попросил доктора не сообщать об этом жене: «пусть скажут, что я укатил в командировку». Но не вышло: жена прибежала в один миг. Он тогда впервые задумался, что у его любви есть две совершенно противоположные стороны: любовь к семье и любовь к небу. Как два крыла самолета – если не будет одного из них, то он упадет так же, как упал самолет.

После аварии он впал в депрессию, не находя ответов, почему так случилось, и с нетерпением ждал результатов госкомиссии. Через месяц ему сообщили, что виноват естественный износ двигателя, что также увеличивает риск возникно-

вения помпажа. Из-за перетекания на законцовках лопаток вследствие износа уплотняющего слоя уменьшается степень сжатия компрессора. При резком увеличении режима избыток мощности на турбине превышает потребный и, по этой причине, рост оборотов опережает расчётный – возникают предпосылки для возникновения помпажа. Так и случилось.

Месяц в больнице, затем изнурительные упражнения по восстановлению организма. Иначе его могли списать.

* * *

Другое летное происшествие. В 1977 году в ЦК КПСС и Министерстве обороны наконец обратили внимание на высокую авиационную аварийность в строевых частях – в мирное время десятками теряли классных летчиков. Было принято специальное «Постановление по снижению аварийности». Одним из мероприятий в 5-ой Воздушной армии было показательное катапультирование для летчиков. Передо мной катапультированное кресло с модифицированной конструкцией. Командир стоит рядом и смотрит на меня.

– Ну что, Магомед, справимся? – спрашивает он, давая понять, что это не приказ, а просьба. – Между прочим, тебе известно, кто первым испытал катапульту у нас в стране. – Он смотрит на меня, желая сообщить что-то приятное. Я думаю, что это должен быть кто-то из моих знакомых. Мотаю головой. – Это твой земляк... – начинаю догадываться, о ком

пойдет речь – об Аметхане Султане. – Это легенда советской авиации Аметхан Султан.

Меня пробирает гордость.

– Хорошо, товарищ полковник, – говорю, – я прыгну, что бы ни случилось.

– Не сразу, Магомед, – отвечает командир. – Сначала надо изучить и проверить работу всех механизмов.

В следующие дни кресло разбирали и собирали несколько раз, а прыжок откладывали. В результате из-за нарастающего напряжения и суеты техник после очередного разбора устройства забыл одну маленькую деталь – не докрутил одну гайку.

«Я взлетаю на небольшую высоту, чтобы летчики на земле могли отчетливо видеть весь процесс, нажимаю на кнопку катапульты, слышу, как щелкнул пиропатрон. Вместе с тем мгновенно осознаю, что автомат отделения от кресла не сработал. Высота шестьсот метров. Внизу, задрав головы к небу, летчики ждут показательное мастерское катапультирование опытного летчика. Ничего не происходит. Я лихорадочно начинаю вручную отстыковывать кресло – на это уходит драгоценное время с потерей высоты. В результате на глазах публики мой парашют открывается на высоте двадцать метров. Удар о землю был такой силы, что у меня в глазах засверкали искры. За незначительное упущение я дорого заплатил своим здоровьем – повреждение позвоночника, грыжа, перелом переносицы, гематома и грыжа Шморля восьмого-двенадцати»

того отдела позвоночника. Лежа в больнице, я думал о полковнике и Аметхане Султане».

* * *

До аэродрома он доехал вовремя, как обещал Шефферу за полчаса до вылета на Байконур. В расстегнутой на груди гимнастерке, с шлемом в руке, зашел в кафе. Заказал кофе и сел за стол возле окна, не заметив, как двое с дальнего угла стали сверлить его взглядами. Один из них был его коллега по отряду космонавтов Юрий Шеффер, родом из Челябинска, который попал в отряд второго набора вместе с Магомедом.

Отбор был проблемный, потому что после череды смертей, которую средства информации прозвали «проклятием бурана», многие летчики, особенно суеверные, отказывались. Первый отбор был 500 человек на восемь мест, а второй был послабее: лишь самые уверенные в себе, самые целеустремленные дали согласие. Но и они не были из слабых.

Шеффер

Шеффер летал на тяжелом сверхзвуковом бомбардировщике с изменяемой геометрией крыла Ту-22М2. Как-то раз при посадке этого самолета на военную базу Белая под Иркутском отказал механизм выпуска предкрылков и закрылков. На командном пункте паника и приказ – катапультироваться: самолет с такой неисправностью не может сесть. Психология советского летчика – сколько потеряет страна, и Шеффер как настоящий человек принимает решение посадить самолет, несмотря на опасность для жизни. В итоге он успешно посадил неуправляемый самолет на взлетно-посадочную полосу. Специалисты стали изучать прием посадки и признали, что Шеффер открыл новую страницу в пилотировании тяжелых сверхскоростных бомбардировщиков.

Молодая девушка с белым фартуком с большим карманом отнесла Магомеду кофе и стала возвращаться к стойке. Юрий тихим голосом, приложив палец к губам, позвал:

– Настя!

Настя отклонилась от маршрута и подошла к столу, за которым сидел Юрий.

– Слушаю вас, Юрий Петрович, – элегантно движением руки она убрала повисшую на лбу копну волос за ухо.

– В шутку, милая, – проговорил Юрий. – Возьми, пожалуйста, чашку кофе вон у того молодого человека и принеси

сюда.

Девушка заулыбалась и бросила взгляд на Магомеда, который, не спеша, прикладывал губы к чашке. Она вернула улыбающееся лицо к Юрию, по достоинству оценив предстоящую реакцию хозяина чашки.

– Неприлично как-то, – сказала Настя, все еще улыбаясь.

– Ну, пожалуйста. Он какой-то грустный и непохожий на себя – он друзей не видит. Давай его расшевелим.

Девушка набралась смелости и зашагала к столу Магомеда. Она извинилась и под ошарашенным взглядом Магомеда с тактом подобрала чашку с недопитым кофе и унесла в другом направлении, на линии которого он увидел Шеффера, который улыбался, широко растянув рот. Магомед тоже засмеялся, первый раз с утра, встал и подошел к нему.

– Если Магомед не идет к горе, то гора должна пойти к Магомеду, – сказал Юрий, поднимаясь со стула, чтобы поздороваться. – Знакомься, это журналист из «Красной звезды» – Виктор. Он по собственной инициативе проводит расследование череды катастроф в нашем отряде.

– Толбоев! – воскликнул Виктор, протягивая руку, чтобы поздороваться еще раз. – Много слышал о вас: профессионал по посадке самолетов без двигателя!

– Не только, – вставил Юра, – покоритель неба. Когда он летит, аэродинамика молчит...

На столе пачка сигарет, ручка, бумаги и две рюмки, на дне которых поблескивает остаток водки.

– Не суди, брат, – сказал Юрий, когда увидел, что глаза Магомеда остановились на рюмках. – Устал как черт. Только что прилетел с дальних чужих берегов.

Магомед поднял левую руку и повернул к себе, чтобы посмотреть на часы – до вылета на Байконур у него еще оставались полчаса.

– От меня что нужно, Юрий? – спросил Магомед. – Я так понимаю, что, если расследование, то его должны проводить спецслужбы.

Великодушные морщинки вокруг глаз Юры сгустились – они с Виктором переглянулись.

– Только выслушать меня, говорить буду я, – сообщил Юра. – Тут что-то нечистое, Магомед. Кто-то хочет сорвать нашу программу – программу, на которую потрачены тринадцать лет огромного коллектива. Ты забыл стихотворение Чуговца после смерти Кононенко: «Кто следующий?..». У тебя и у меня есть семьи – я не хочу погибать. – Юрий нервно два раза пальцем ударил по столу.

За столом наступила тишина.

– Говоришь: только что прилетел? – спросил Магомед.

– У меня получилось как в анекдоте, – отшутился Юра и, глядя на Виктора, спросил. – Витя, ты слышал анекдот про летчиков дальней авиации?

– Нет.

– Так вот их поят специальными таблетками, чтобы они двадцать часов не хотели ни спать, ни есть, ни в туалет. А

потом все это настигает одновременно.

Виктор хохотнул.

– Надеюсь, у тебя все это уже позади, – сказал Магомед.

– Конечно, – сказал Юра. – Правда, домой еще не попал.

– Не получится у тебя, как в другом анекдоте про летчика? – спросил Магомед, желая продолжить тему, чтобы остаться на волне юмора.

У Виктора еще не сошла улыбка после первой шутки Юры. – Расскажи! – подбодрил Виктор.

– Жена летчика решила избавиться от гадкой кошки, – начал Магомед, – уложила ее в сумку и отпустила далеко от дома. Не успела прийти домой, а она тут как тут. На следующий день она ее унесла на работу. К вечеру кошка вернулась обратно. Тогда она попросила мужа-летчика отвезти ее далеко за город и спустить с небес. На следующий день жена, убитая тревожными ожиданиями, жалуется соседке: «Переживаю за мужа – кошка прибежала домой, а мужа до сих пор нет».

Трое мужиков в дальнем углу кафе захохотали так, что обратили на себя внимание. Шеффер только и делал вид, что смеялся, а внутри все сжалось от неизбежного ожидания очередной катастрофы.

– Для меня и «вчера» как «сегодня» – время так быстро летит, – произнес Юрий. – У меня такое ощущение, как будто мы только вчера хоронили лучших ребят из отряда, который уже прозвали «Волчьей стаей»: Виктора Букреева, Оле-

га Кононенко. Помнишь, Магомед, как Игорь Волк на поминках Олега сказал: «Извините, ребята: я не знал, что зову вас на смерть». – Юра перевел взгляд на официанта и сделал знак пальцами, что означало – еще чуть-чуть водки. – «Неизбежные потери», – пробубнил Юра. – Какого черта. Сегодня они, а завтра я. Надо что-то делать, но не знаю, что. Вот я изложил мое понимание вопроса – всю ночь не спал, пил кофе, курил сигареты и писал. Виктор, редактируй, корректируй и печатай, когда сможешь. Ценная информация. Когда получишь гонорар – с тебя ящик коньяка. Хорошо?

– Хорошо, – согласился Виктор.

Шеффер сосредоточился, напряг зрение и начал читать:

– «Программа “Энергия – Буран” началась с провокационных действий американцев по «космическим гонкам». В середине семидесятых годов разведка Советского Союза вынюхала некоторые подробности американского супероружия космического базирования “Спейс шаттл”. В техническом описании челнока было написано, что он будет иметь большую возможность маневрирования, что позволит ему сделать над Москвой нырок из космоса и прицельно сбросить ядерную бомбу. Это оказалось не шуткой, и время доказало правильность такой версии: в тысяча девятьсот восемьдесят шестом году в ходе обычного, на первый взгляд, полёта американский “Спейс шаттл”, уйдя с орбиты, совершил точный манёвр: развернувшись на высоте восемьдесят километров, нырнул в атмосферу планеты прямо над Москвой. Офицеры

советского ПВО, наблюдавшие за полетом шаттла, впали в ступор...

– Неужели? – удивленно спросил Устинов, когда ему доложили о возможностях американского шаттла.

– Да, – без эмоций подтвердил его помощник.

– Так он же таким образом может сбросить на наши головы ядерную бомбу, – предположил министр.

– Может, Дмитрий Федорович, – подтвердил помощник. – Может. И ни один наш самолет-перехватчик ничего не сумеет сделать, чтобы помешать ему. К тому же у челнока есть длинный манипулятор, с помощью которого он в состоянии прямо на орбите по кусочкам разобрать любой нужный спутник и, не спрашивая ни у кого разрешения, увезти секретное оборудование общей массой до 14,5 тонны домой в Америку.

Устинов побелел, очки сползли вниз по носу.

– Позови ко мне Максимова. Как мне об этом доложить Брежневу, я не знаю.

Тогда последовала категоричная реакция Леонида Брежнева, у которого не было привычки церемониться, если речь шла о безопасности страны: не дать американцам такого превосходства, хотя они в последнее время стали более мягкими и податливыми на переговорах по снижению градуса международной напряженности. Слова словами, а на деле нельзя давать американцам такое превосходство. Для поддержания мира всегда нужны были веские аргументы. После совещаний в Политбюро, консультаций с военными стратегами и

промышленностью в феврале 1976 года выходит постановление правительства о создании нашей отечественной многогранной космической системы – “Энергия – Буран”. К этой разработке были подключены все ведущие космические организации: более тысячи НИИ, КБ, предприятий промышленности и около 1,5 миллиона человек. По данным печати, на программу “Буран” советский народ выделил в общей сложности 17 млрд. долларов США. Но что случилось дальше? Кто-то, зная, что ничего с программой не сделать, нашел слабое место в этой программе – убирать людей из списка отряда, который вскоре должен был взлететь в космос. Это были самые стойкие и опытные советские летчики, полные уверенности и патриотизма – восемь человек, отобранные по профессиональным и духовным качествам из пятисот кандидатов на место. В первую восьмёрку секретного отряда специального назначения вошли Олег Кононенко, Анатолий Левченко, Римантас Станкявичюс, Александр Щукин, Николай Садовников, Виктор Букреев и Александр Лысенко и, конечно, сам Игорь Волк, который был избран командиром, потому что он был лучшим.

Вскоре началось необъяснимое: список отряда для кого-то стал доступным и началась на них охота: одна за другой стали происходить авиакатастрофы, и начал таять отряд Волка. Комиссия ничего не выяснила, признав, что это был человеческий фактор, и отнесли это к неизбежным потерям. В Комитете государственной безопасности тоже развели ру-

ками – странное совпадение случайностей». – Юра сделал паузу и поднял голову: сначала посмотрел на Магомеда, потом на Виктора. – Правильно написал?

Юра пропустил еще одну рюмочку, чисто по-русски понюхал кусок хлеба и, осмотревшись по сторонам, чтобы никто не подслушал тайную беседу, вернулся к разговору:

– «Первой жертвой стал молодой летчик-испытатель Виктор Букреев, полный жизненных сил и энергии. Он родился 5 апреля 1949 года в городе Каменск-Уральский Свердловской области РСФСР. До службы в Советской Армии работал электрослесарем на заводе. В 1972 году окончил Армавирское высшее военное авиационное училище летчиков противовоздушной обороны. В 1976 году окончил Школу лётчиков-испытателей Лётно-исследовательского института Министерства авиационной промышленности. С июня 1976 года – на лётно-испытательной работе в ЛИИ имени М. М. Громова.

17 мая 1977 года, в солнечный весенний день, когда кругом все так красиво и так хочется радоваться жизни, он совершал на аэродроме в Жуковском тренировочный полет на МиГ-25ПУ. Еще не взлетев, прямо на полосе разбега у самолета сложилась носовая стойка шасси. В результате трения железа о бетон возник пожар. Букреев, сидевший в первой кабине, получил сильные ожоги и умер по дороге в госпиталь, и, что странно, – командир Э. Лебединский остался жив и невредим».

Юра поднял голову.

– Как вам?

– Странно, – ответил Виктор, положил ручку на стол и скрестил руки на груди.

– Следующий, – зачитал Юра. – Александр Лысенко.

«Буквально через месяц смерть нагнала его, опытного и отчаянного летчика-испытателя. Вместе с напарником Геннадием Мамонтовым он на МиГ-23УБ проводил испытание нового пилотажного прибора. Они сорвались в штопор в ненужный момент и ненужном месте – под ними был город, а прыгать нельзя. Через некоторое время, когда остановилось вращение, самолет опустил нос и, разгоняясь с большим углом пикирования, упал на землю за окраиной старого городка Егорьевска. Самолет упал на пустырь возле кирпичного завода на край карьера, откуда завод добывал глину. Недалеко росли русские березы, которых по-есенински любил и воспевал Саша. Напарник, который не имел никакого отношения к “Бурану”, выжил. Еще одна мистическая странность». – Юрий сделал паузу, глядя на Магомеда, который вновь стал напряженным.

Следующий – *Олег Кононенко*, – добавил Юрий. – Хочу на нем остановиться поподробнее и добавить немного лирики, потому что я его хорошо знал. Олег, ученик пятого класса ростовской школы вместе со своим младшим братом Петром сидел на крыше дома и считал бомбардировщиков, пролетающих с определенным интервалом над их головами. «Петя,

как думаешь, откуда они летят?» – поинтересовался Олег у брата, снедаемый желанием попасть на аэродром и коснуться рукой самолета. Это не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Когда они вычислили, что это очень далеко, они поняли, что на это потребуется не один день пешего хода. Они отложили поход на первый день летних каникул.

Через несколько дней братья шальными окрестными тропами добрались до аэродрома, никого не спрашивая, как идти, потому что они боялись раскрыть другим свой секрет. Они все-таки добрались до аэродрома. Олег нашел лазейку в бокс и тихо подошел к самолету – его сердце замерло от восхищения. Механик чистил самолет с тряпкой в руке. А когда увидел рядом мальчуганов, удивился. «А ну брысь отсюда!», – механик пошел в наступление, подняв в воздух обе руки. Олег взмолился: «Дядя, пожалуйста, разрешите нам помочь вам почистить самолет».

Вот так Олег впервые коснулся железного, холодного тела самолета, что окончательно решило будущее мальчика. В 1952 году он поступил в летний техникум, параллельно пошел в аэроклуб, где начал изучать азы летного дела. В двадцать лет он работал инструктором аэроклуба, но желание летать томило его. Выбора нет, и он начинает летать на вертолетах: Ми-2, Ми-4, самолете У-2 «кукурузнике» по сельхозработам – так проходит семь лет. Он, чувствуя в себе талант летчика, хочет избавиться от рутины, но не знает, как. Он вскоре узнает у своего друга Шевченко о существовании

школы летчиков-испытателей. Олегу удалось пройти большой отборочный конкурс и поступить в эту школу. Но вот опять не то – школа оказалась вертолетной. Но ему повезло в том, что инструктором по летному делу оказался известный испытатель Карнаев, специалист по аппаратам вертикального взлета, а рядом шли испытания самолета вертикального взлета Як-36.

Спустя десяток лет, когда конструкторское бюро Яковлева выпустило первый образец палубного штурмовика Як-38, возникла проблема – никто из летчиков не мог держать самолет в воздухе. Долго думали и решили пригласить вертолетчика для испытаний. Так, в 1972 году, первым испытателем этого типа самолетов стал Олег: высокий, чуть сутулый, в демисезонном пальто и кроличьей шапке с опушенными ушами по кличке «студент». На тот момент ему было 34 года. Глядя на него, никто не мог подумать, что в этом человеке по кличке «студент» сидит ас летного искусства. С первого же раза он повис в воздухе как вертолет – конструкторы были счастливы, что оправдались их расчеты. Вот так они встретились: самолет, не похожий на самолет, и летчик, не похожий на летчика. Они заметили в нем талант испытателя, прекрасно разбирающегося в аэродинамике, динамике и управлении самолетом. Вот поэтому вертолетчики только ему доверяли самые сложные программы, такие как отказы двигателей на различных этапах полета, критические режимы при боевом маневрировании, посадки в сложных услови-

ях. Очень важен талант летчика, способность мгновенно реагировать на поведение аппаратов в воздухе. По словам его коллег, Олег отличался наблюдательностью и большой работоспособностью.

Он любил в свободное время писать письма домой, потому что знал, что его все время ждут.

«С работой у меня все нормально. В последнее время начал летать на самолетах. Но все время хочется домой – бегать на корточках по дому с сыном Олегом на спине, попивать чай, вкушать щи, радоваться жизни и смеяться от счастья».

Связь КБ с испытателем крепла, и новая машина шаг за шагом шла к серийности – мечта любого летчика-испытателя, и иногда они к ней идут всю жизнь: взлеты, падения, аварии, переломы, больницы и снова опять по новому кругу – такова безжалостная жизнь летчика-испытателя.

* * *

В Кубинке в 1973 году Брежнев лично с генералитетом присутствовал на демонстрации возможностей Як-38 и был в восторге от мастерства летчика.

– Кто это? – спросил Брежнев маршала Гречко. Брежнев был в белой сорочке без рукавов и галстук, и оттого казался худым, не похожим на настоящего Генсека с экрана телевизора...

– Это Олег Кононенко, – ответил маршал с гордостью. Он

был на голову выше всех. – Настоящий мастер своего дела. Были бы в армии все, такие как он.

– Позовите его ко мне, – приказал Генсек.

Олег Кононенко пожимал руку Генсека и с волнением смотрел в его улыбающиеся глаза, осененные широкими бровями, принимая от него именные часы с тридцатью драгоценными камнями, на которых был выгравировано: «От Брежнева».

* * *

Для увеличения боевой мощи самолета, особенно в южном полушарии, где высокие температуры воздуха убавляли его функциональные возможности, решили использовать короткий разбег по палубе и моментальное включение маршевого двигателя. И как тут опять обойтись без Кононенко – он из «студента» превратился в авторитетного и уверенного в себе учителя. Одно лишь его появление на палубе крейсера у летчиков вызывало восторг. Но к тому времени он был зачислен в отряд космонавтов Игоря Волка.

– Олег, ты никуда не поедешь, – сказал Волк. – Оставь свои опасные шутки. Там достаточно летчиков, чтобы справиться без тебя.

– Не могу, Игорь Петрович, – сказал Олег с грустью. – Раззуют, значит нужен и к тому же я это дело начал и должен довести до конца.

Волк прекрасно понимал Олега: любой летчик-испытатель должен, обязан дошлифовать аппарат и сдать. Он – конечное звено и решающее. Игорь Петрович промолчал и грустно попрощался с Олегом.

Декабрь 1979 года. «Голос Америки»: «сегодня в 13,00 в районе Владивостока потерпел крушение самолет-штурмовик вертикального взлета и посадки палубной авиации Советского Союза. О судьбе летчика ничего не известно...»

Лариса, жена Кононенко, взяла трубку разрывающегося телефона.

– Алло, Лариса, – раздался голос Олега. – Поставь чайник, я скоро буду дома.

Как только Лариса увидела мужа, ее радость исчезла: у Олега под глазом была синяя гематома, а когда он вошел в ванную, она ужаснулась – все тело было в синяках.

– Что с тобой, дорогой? – с ужасом в глазах спросила Лариса.

– Я катапультировался, – с застывшей мимикой произнес Олег. Он опустил голову – жена никогда не видела его таким убитым и растерянным.

В конце августа Олега вызвали на продолжение испытаний. Сын и жена провожали его в аэропорту. Жена на всю жизнь запомнила его открытую ладонь с растопыренными пальцами, прижатую к холодному стеклу с наружной стороны. Он попрощался с семьей, а в уголках глаз были слезы. Он тогда показался маленьким, беспомощным: чувствовал, ка-

ким-то образом знал, что он видит свою семью в последний раз.

8 сентября 1980 года, в 6 часов 13 минут по московскому времени, в Южно-Китайском море при взлете того же самолета с того же корабля при той же операции – отработке методики укороченного взлета на предельных режимах не переложились створки сопла подъемно-маршевого двигателя, самолет «просел», ударившись колесами об ограничительный брус. Выйдя за обрез палубы, самолет стал полого снижаться. Кононенко не катапультировался, до последнего пытаясь спасти самолет. Перед ударом о воду в 150 метрах впереди корабля бурлящими струями воды, поднятыми работающими двигателями, от самолета оторвало закрылок, машину крутануло на 180 градусов. Як-38 с номером 45 на борту еще минуту находился на плаву, но никаких движений в кабине не было. Сочетание боковой и вертикальной перегрузок вызвало у летчика внезапную потерю сознания, и поэтому катапультироваться он не смог. Он погиб и похоронен в Жуковском в одном ряду с товарищами.

* * *

При новом наборе в «волчью стаю» многие летчики отказывались идти в «проклятый “Буран”». Не смогли этого сделать Владимир Туровец, Виктор Заболоцкий, Урал Султанов, Магомед Толбоев, Сергей Тресвятский, Юрий Шеффер

и Юрий Приходько – они по-настоящему, с детства, болели космосом. Суеверие и слухи их не касались.

Обновленный состав отряда впервые собрался вместе на поминках по Олегу Кононенко.

Владимир Туровец

На поминках за небольшим столом в маленькой комнатке у членов отряда были мрачные лица. Волк таинственно молчал – его «стая» продолжала таять на глазах. *Владимир Туровец* развернул исписанный, помятый лист и зачитал стих, заканчивавшийся словами: «Кто будет следующий?» А следующим 8 февраля 1982 года Владимир Туровец оказался сам. Он вместе с Николаем Бессоновым отрабатывали «крайние» режимы посадки вертолета Ми-8. После трех благополучных режимов с обоими выключенными двигателям (на режимах авторотации с «подрывом») планировался режим на «малом газе». Четвертый режим оказался смертельным: вертолет упал с большим углом тангажа, развернулся и вспыхнул как спичка. Туровец погиб в пожаре в 13 часов 40 минут.

После смерти Туровца в отряде все авиакатастрофы вновь расследовала компетентная комиссия и никаких следов вмешательства иностранных спецслужб не нашли. Аварии признали случайностью и возобновили испытания.

Анатолий Левченко

В декабре 1987 года в космос отправился *Анатолий Левченко*. На землю он возвращался с членами экипажа станции «Мир» Юрием Романенко и Александром Александровым. Посадка проходила в сложных погодных условиях: в казахской степи свирепствовал буран. Спускаемый аппарат сильно ударился о землю, все космонавты получили ушибы. Но если Романенко и Александрова немедленно госпитализировали, Анатолию Левченко предстояло выполнить эксперимент по пилотированию самолета. Медики, прибывшие к месту приземления, рекомендуют космонавту прервать эксперимент, поскольку его состояние нестабильно. Но Левченко настоял на продолжении испытаний. Он успешно справляется с программой, которую уже прошел Игорь Волк, и удостоивается почетной награды – звезды Героя Советского Союза.

Но с того злосчастного дня космонавта начинают мучить сильнейшие головные боли. Он не смог долго сопротивляться болезни и умер. Официальная версия – смерть наступила в результате травм, полученных во время неудачной посадки спускаемого аппарата. А я придерживаюсь другой версии, по которой его отравили медикаментами, которые по программе он испытывал на борту космического корабля.

Александр Щукин

Шестым отряд потерял *Александра Щукина*. Он разбился в Жуковском на спортивном Су-26 в августе 1988-го.

На похоронах Щукина традиционный проход в небе над ним сделал Римантас Станкявичюс, который в разговоре со мной недавно признался, что чувствует за собой какую-то слежку...

Игорь Волк – особенная личность

Детство и юность

С двумя удочками из камыша и маленьким ведром для рыбы белобрысый мальчик подошел к пруду и расположился на выступе. Он не остался незамеченным двумя мужиками, которые ловили рыбу с самого утра: рядом с ними на дровах кипел обгоревший пузатый чайник. Через час мужики, надежные большим опытом, заметили, как быстро заполнялось карасем ведро незнакомого мальчика. Им стало интересно, и они, забыв про гордость, подошли к нему, чтобы узнать о чудачестве. Мальчик оторвал взгляд от водной глади, поднял темпераментные глаза и ответил на приветствие.

– Ты откуда, мальчик?

Мальчик подумал, что его могут попросить уйти отсюда, и

он насторожился, сжав кулаки, готовясь отстоять свое место.

– Я из города, – ответил он, дергая за удочки. – Мы недавно переехали сюда с Харькова.

– А как тебя зовут?

– Игорь, – ответил он, затем добавил. – Фамилия – Волк.

– А это что за шарики у тебя?

– Это из манной крупы, – ответил Игорь. – Я их помочил в керосине – рыба тянется на запах.

– Отец научил тебя этому?

– Нет, – отрицательно покачал головой Игорь. – Я искал и нашел одного опытного рыбака. Его зовут дядя Тёма. Он подсказал. – В воздухе послышался гул приближающегося самолета. Мальчик аж подскочил, забыв про удочки. Самолет с красными звездами под крыльями пролетел над их головами. Ошеломленный мальчик еще долго взглядом провожал самолет, пока не скрылся из виду. Он опустил голову.

– Это реактивный истребитель МиГ-15, – сказал он машинально по ходу своих мыслей, затем добавил, – он может летать со скоростью тыща километров в час. – Увидев равнодушие на лицах рыбаков, он умерил свое восхищение и опустил палец, направленный в небо. – Попробуйте керосин и у вас получится.

Мужики, вернувшись на свои места, продолжили обсуждение.

– Из вот таких вырастают герои, – сказал один. – Маленький еще, а уже самостоятельный. Не то, что мой Игорь, ло-

ботряс.

– Может он старше твоего по возрасту, – предположил другой.

Первый поднялся во весь рост, повернулся в сторону мальчика и громко спросил.

– Игорь, а сколько тебе лет?

– Девять.

Мужик взвил вверх брови и сжал губы.

– Слышал? А моему одиннадцать, – с сожалением произнес он. – Из этого, Лева, вырастет настоящий мужчина. Запомни его – Игорь Волк. Наливай!

* * *

Игорь родился 12 апреля 1937 года на Украине в городе Змиев Харьковской области. Его отец Петр был инженером и направлен на работу в Уссурийск Приморского края.

В 1941 году его семья задумала переехать поближе к родственникам, отправив контейнером все домашние вещи. И вдруг неожиданно 22 июня 1941 года – началась война. Контейнер ушел, а семья осталась на месте без личных вещей и домашней утвари – тарелок, чайника, с голыми кроватями, без стола и тумбочки. А отец ушел на фронт. Вот и пришлось Игорю с раннего детства взвалить на себя обязанности старших: рыбачить, собирать грибы, ягоды, чтобы помогать маме и выжить самому – «уличное» детство, которое закалило

его характер, от которого его мир и физическое состояние опередили его возраст.

В начале 50-х годов переехали в Курск. Мама Игоря часто болела, и хозяйство было на Игоре.

* * *

Урок физики заканчивался, когда в двери девятого класса зашли двое в армейской форме. Тот, кто постарше, извинился и попросил у учителя разрешение, чтобы обратиться к ученикам. Он стал ходить вдоль доски туда-сюда, сцепив руки на спине, прежде чем открыть рот.

– Мы из аэроклуба, учим ребят летать, – сказал он. – Мы сейчас формируем новую группу и если среди вас есть мужественные, смелые, которые хотели бы связать себя с авиацией, прошу поднять руки.

Рука Игоря взмыла вверх первой и то, как сильно хотел мальчик поступить в клуб, стало достаточным аргументом при отборе из десятка «смелых».

Игорь прибежал домой, чтобы обрадовать маму и объявить о своем решении: вступить в аэроклуб.

Мама закашляла, и кашель затянулся. Игорь тут же налил теплой воды в стакан и подал ей.

– Игорь. Я не хочу, чтобы ты стал военным, тем более летчиком, – вымолвила мать.

– Почему?

– Ты разве не слышал, как жаловался твой дядя на службу в армии?

– Он танкист и ему надоело нюхать солярку.

– А в самолетах что, не солярка?

– Нет, там керосин.

– Какая разница? Игорь загрустил.

– Запах знакомый, – пробубнил он, недвусмысленно напоминая о своей обязанности с самого детства: следить за керосиновой лампой и заправлять ее.

Мать опустила голову.

– Извини, сынок, – проронила мать, – многое из того, что по дому делаешь ты, должна делать я, но, как видишь, я болею и не в силах...

– Не надо извиняться, мама. Я не об этом.

– Ну, раз хочешь, иди – я не собираюсь всю жизнь напрягать тебя по дому, – сказала мама и тут же залилась новым кашлем. Теплая вода не помогала. Игорь не хотел идти в разрез с решением матери, но и счастливый подвернувшийся случай научиться управлять самолетом не желал упустить. Но воля мамы оказалась сильнее: по семейному совету Игорь направился в Харьковскую артиллерийскую академию имени Сталина. Начались экзамены, казарменная жизнь и строевой шаг. Новые знакомые, среди которых он нашел и единомышленников, которые, как и он, оказались в академии по воле родителей.

– Слава богу, остался один экзамен, – со вздохом произнес

новый знакомый Игоря абитуриент Дима.

Они находились на третьем этаже здания среди казарменной суеты.

– А мне все равно, – сказал Игорь. – Поступлю – плохо, не поступлю – тоже плохо.

– Это почему так?

– Я не хочу быть артиллеристом, если даже поступлю. Если не поступлю, не хочу расстроить маму. Я хочу летать на самолетах, Дима, – он просунул голову в окно и мечтательно глянул на небо. – Хочу парить среди облаков, хочу скользить над верхушками деревьев, хочу купаться в синеве неба. Ты один в небе свободный как птица...

– Я тоже хочу, – вторил ему Дима, вдохновившись гипнотическим притяжением слов. – Я тоже хочу. – Он тоже высунул голову в окно, и в этот момент до них донесся гул самолета. Он стал нарастать, и друзья одновременно увидели сверкающий в лучах солнца самолет, который летел прямо к ним. Через некоторое время самолет исчез над крышей здания и гул прекратился. Друзья с открытыми ртами застыли, глядя друг на друга.

– Все, я решил для себя окончательно, – твердо заявил Игорь. – Я отсюда слиняю.

Недолго разбираясь со своими мыслями, Дима тоже заявил:

– И я с тобой.

Два абитуриента с третьего этажа академии сиганули

вниз, а затем и со двора, ни сколько не думая о последствиях.

Игорь поступил в Курский аэроклуб ДОСААФ, его первый полет состоялся в апреле 1954 года, затем служба в Бакинском округе ПВО, но он хотел большего. Случайно узнав о существовании Школы летчиков-испытателей, воспользовавшись отпуском, он направился в Москву. В справочном бюро он получил на руки записку с домашним адресом Валентины Гризодубовой, начальника НИИ приборостроения, которая занималась подбором молодых летчиков для испытательной работы: Ленинградский проспект, дом 44. Его встречает мать Гризодубовой, пожилая женщина, которая тяжело передвигалась по квартире. Она его накормила, напоила чаем, и только потом спросила: «Какими судьбами?». Гризодубова пришла домой и была удивлена визитом незнакомца, Она, узнав, что ему всего лишь 21 год, сказала, что еще рано для испытательной работы. Но, по прошествии нескольких лет, 23 февраля 1963 года, она вместе с маршалом Савицким уговорила Командующего войсками ПВО демобилизовать Игоря с военной службы. Вот так он попал в ЛИИ. Гризодубова сказала, что она чувствует в Игоре нового Чкалова.

* * *

В здании управления полетами слышны лишь микрофонные механические команды на взлет и посадку. Аметхан раз-

говаривал с Гарнаевым, делясь впечатлениями об отпуске, но его взгляд был подсознательно прикован к взлетно-посадочной полосе, где только что виртуозно приземлился бомбардировщик – непонятный почерк.

– Кто это? – спросил Аметхан Гарнаева. – Красиво сел.

Гарнаев повернулся и, увидев Ил-6, произнес:

– Это новичок, подающий большие надежды. Но в коллектив не вписался.

– Почему? – спросил Аметхан.

– Не знаю, мне тоже интересно. Сейчас он заглянет сюда и обязательно спросит вот эти слова, – он что-то нацарапал на отрезке листа и протянул товарищу.

– Товарищ майор, бесплатные полеты есть?

Аметхан раскрыл лист бумаги, глянул на Гарнаева, растянул тонкие губы, подняв вверх дугообразные брови, и улыбнулся.

Игорь, почувствовав, что попал впросак, покраснел: перед ним сидели легенды советской авиации. Он перевел взгляд на Аметхана.

– Не узнал? – спросил Гарнаев.

– Аметхан? – с восхищением выпалил Игорь. Он сделал два шага и за руку поздоровался с летчиком, который в Великую Отечественную войну сбил 49 самолетов противника. Дважды Герой Советского Союза. Легенда. – Очень рад видеть вас.

– Я тоже, – произнес Аметхан. – Садись к чаю – летать

еще успеешь. Окунулся в работу?

– Да, уже макнули.

Смех.

– И все-таки, за что тебя недолюбливают в коллективе? – с иронией спросил Гарнаев.

Игорь засмеялся.

– Я не знаю.

– А тебя это не задевает?

– Нет.

– Игорь, а тебе самому нравится Игорь Волк? – спросил Гарнаев.

– Нет, – ответил Игорь, помотав головой. – Вечно залетаю в какие-то истории. Вечно хочу чего-то большего. У меня не так, как у других, Юрий Александрович.

Гарнаев рассмеялся и положил свою тяжелую руку на плечо Игоря.

– Всеми хитростями я быстро овладел всеми самолетами, которые у нас есть. У плановика полетов первое, что я спрашиваю, есть ли бесплатные полеты. На эту работу охотников находится мало. Некоторые летчики заваливаются спать, а к сапогам прикрепляют записку: «Меньше 1000 рублей за полет не будить!». И я эти бесплатные полеты забираю себе. Что положено по полетному листу выполняю, а потом отрабатываю то, чего мне не хватало. Через какое-то время мой начальник начинает интересоваться этим вопросом: «Чего это? Что-то подозрительно! Что-то здесь не так. Запре-

тить!».

Но много было таких полетов, когда товарищи летчики утверждали, что этого сделать невозможно. А я считаю, что возможно – дожидаюсь, когда они или выпьют, или насморк схватят, и в этот момент успеваю сделать то, о чем они говорили, что это невозможно.

– Пример можешь привести? – спросил Аметхан.

– Сколько хотите, – сказал Игорь. – Во время испытаний бомбардировщика надо было подлететь к нему на истребителе с кинооператором и произвести съемку с близкого расстояния. В одном месте возникали непонятные вибрации, и на обшивку самолета наклеили ленточки. Надо было зафиксировать, в какую сторону они отклоняются под воздействием потока. Девять полетов были безуспешными, но я это сделал в первом же полете. Или, например, говорили, что на сверхзвуке заправляться в воздухе невозможно. Заправочный конус таскали за Су-7, а для имитатора танкера сделали самый неудачный выбор – Су-15, у которого избыток тяги на этом режиме минимальный. Если подходить к конусу медленно, то, конечно, это было невозможно. Нужно было очень точно, практически мгновенно подойти к конусу. Я это сделал. И что, вы думаете, за это меня полюбили?

– Ты молодец, Игорь, – с восхищением произнес Аметхан. – Я всегда буду на твоей стороне. Продолжай гневать нерадивых – небо любит смелых и трудолюбивых. Вопросы возникнут – подходи, помогу чем смогу. – Игорь видел чер-

ные выразительные глаза, прямой нос и волевой подбородок с ямочкой посередине и думал, что не одинок в большом коллективе испытателей в борьбе за небо – ему хотелось в полетах быть похожим на него: хладнокровным, дерзким и рискованным. – И запомни, – продолжил он, – конструкторы только предполагают, а испытатели – подтверждают и открывают новые возможности для их фантазий. И, к сожалению, это делает наших братьев по крылу расходным материалом. Поэтому, Игорь, я одобряю твое стремление к опыту. Опыт рождает интуицию, а интуиция как сила небесная может спасти нас из любой непредвиденной ситуации. К тому же, потом это может стать правилом для других. Понимаешь?

– Спасибо.

Ирак

– О, Игорь Петрович! Проходите, проходите, – сказал аппаратчик ЦК с лысеющей головой и с лицом кабинетного цвета. – У нас проблема возникла и только ты можешь помочь.

Игорь молча ждал, пока старик скажет, зачем он ему понадобился.

– Вчера в Ираке разбился Су-7, – сказал он скорбным голосом. – Миллиардный контракт в опасности, Игорь, – арабы могут отказаться от наших самолетов. Езжай туда и сделай все возможное, но вернись живым.

– Понятно.

– Кстати, что за проблема была у тебя в парткоме и что за беспилотные посадки?

– Это длинная история, Михаил Иванович, – сказал Игорь со вздохом. – На Су-9 при плохой погоде на аэродроме и хорошей в зоне полетов я испытывал систему автоматического управления в режиме следования рельефу местности. Когда я вышел в зону, то засек, на каком удалении от аэродрома начиналась приемлемая погода. Выполнил полетное задание, но когда набрал высоту, узнаю, что ветер эти облака снес на семьдесят км, и оказалось, что у меня не хватает топлива до аэродрома. Ну, думаю все – приехал: двигатель остановился. Я принял решение все-таки садиться. Вывалившись из облаков на высоте триста метров при вертикальной скорости семьдесят метров в секунду, взял ручку на себя и обнаружил, что сажусь подо мною на правое крыло другого самолета. Нужно было видеть лицо летчика Якова Ильича Верникова, когда он понял, что до катастрофы осталось три секунды. Жалко, фотоаппарата не было. У меня скорости уже нет, даю ручку вправо, ногу вправо, от «Ила» отворачиваю, иду прямо на вышку и вижу, как с нее солдат с ружьем прыгает. Отворачиваю влево, скорости нет, касаюсь правым колесом запасной полосы и на одном колесе больше ста пятидесяти метров качусь. Слава богу, самолет на второе колесо опустился. После полета летчик «Ила» меня расцеловал, но от начальства я получил, что положено, выпил стаканчик

спирта и сам себе сказал: если ты, чудака, на таком самолете и в таких условиях смог совершить посадку без двигателя, то это можно делать сознательно.

Летчики-испытатели по графику обязаны тренироваться посадке без двигателя, но в ясную погоду, когда полоса видна. А я проделывал это в облачную погоду и поставил галочку о том, что произвел посадку с имитацией посадки без двигателя. Меня тут же вызывают на партийное бюро: «Как так, коммунист, летчик Летно-исследовательского института! Посмотрите, какая погода, а он галочку поставил!». Я говорю: «Товарищи члены партийного бюро, у нас есть самолеты с двойным управлением. Пожалуйста, выбирайте самолет, выбирайте погоду, я к вашим услугам!».

Слетал со мной начальничек, говорит: «Это случайно получилось». Но после этого по вредности характера каждый испытательный полет на любом типе самолета я заканчивал имитацией посадки без двигателя. Двигатель не выключал, но достаточно это делать на режиме малого газа, получается почти одно и то же. Я разучился сажать самолеты по инструкции.

На суровом лице партийца засветилась улыбка.

– Счастливо, Игорь Петрович. Берегите себя.

Конфликты с руководителями и представителями фирм Игоря преследовали всю жизнь. Но часто он выходил победителем, так случилось и в Ираке.

Он быстро вернулся в Москву, выполнив задание и оше-

ломив иракцев своим мастерством. В ЦК его встретил тот же старик, которому не терпелось узнать все подробности командировки.

– Я прилетел в Мосул, – начал рассказывать Игорь, – когда температура на градуснике показывала жару пятьдесят шесть градусов в тени. Смотрю – на солнцепеке стоит один самолет, остальные – в капонирах. Я спрашиваю: «Это для меня?» «Йес, мистер, фор ю». Я говорю: «Я знаю причину – несите документы, я сразу подписываю, не летая», – я сразу понял, в чем дело: в кондиционере. У нас кондиционеры в истребителях рассчитаны на максимальную температуру двадцать семь градусов. А тут представьте себе 56 градусов в тени.

Иракцы подвесили на самолет все, что у них было в арсенале. Представители КЭБэ Сухого тут же прибежали и подняли шум: «С таким вооружением взлетать нельзя, самолет неустойчив по перегрузке». Я говорю: «Покажите мне документ, что такой груз вешать нельзя! Мне ЦеКа – разрешил». Дали мне чашечку кофе, с наперсток, но кофе великолепный. Надел шелковое белье, вентиляционный костюм, перчатки, маску и шлем. Посчитал: полосы для взлета не хватает при такой температуре. Смотрю, вся эта публика на «джипах» и «мерседесах» поехала в конец полосы смотреть, как мальчик будет зарываться в песок. Пошел за самолет. Там земля сухая, я отъехал за начало полосы, оттуда начал разбег и оторвался на последней плите.

Задание в полетном листе было пролетать на высоте не выше ста метров и не менее тридцати минут. Не выше ста метров? Хорошо! Я на высоте один метр разворачиваюсь и всю эту публику, которая решила посмотреть, где я буду за-капываться, укладываю в песочек, в котором при такой температуре яйца варятся. Второй раз зашел и еще раз их уложил.

Михаил Иванович громко рассмеялся.

– Пролетал я сорок семь минут, – продолжил Игорь. – Металлический ограничитель ног системы катапультирования так нагрелся, что я через костюм и белье не мог к нему притронуться – обжигает. Кожаной перчаткой за сектор газа не могу держаться – обжигает. В Раменском горно-обога-тельном комбинате есть баня, где я испытывал максималь-ную температуру – сто сорок градусов. Так вот в кабине, по моим оценкам, температура воздуха была за сто шестьдесят, потому что дышать я мог только ртом и мелкими глоточка-ми, как в парилке. Вздохнуть невозможно. За сорок семь ми-нут полета я потерял шесть кг. Из шлемофона текло. После посадки вопрос задали: «Скажите, от этого может быть ка-тастрофа?». Я отвечаю: «Да я же вам сказал, что готов под-писать документы без всякого полета».

«Куда теперь, – подумал Игорь, – в Африку, что ли». Он напрягся и стал с трепетом ждать слов у уст партийца, ко-торый смотрел на него прямо, благоговейно. «Значит, нечто приятное», – думал Волк.

– Куда?

– Руководителем спецотряда космонавтов для полета в космос на многоразовом корабле «Буран», – выдавил Михаил Иванович, наконец, и уставился на обескураженное лицо Игоря.

– Это для меня чужая территория, Михаил Иванович, – проговорил Игорь, обретая дар речи. – Я – летчик-испытатель. И почему именно я?

– Мы долго выбирали. Один из ваших коллег знаешь, что сказал: «Да вы возьмите этого чудака Волка, который уже разучился сажать самолет по инструкции, его хобби – сажать все типы самолетов без двигателя». – Михаил Иванович слегка улыбался.

«У этого старика еще остался заряд, – подумал Игорь, – человек из поколения, закаленного войной».

Аналог «Бурана» по аэродинамическому качеству ничем не отличался от Су-9, никакой проблемы не составляло посадить его, и Игорь согласился.

Волк – космонавт

29 июля 1984 года в казахской степи под Дзезказганом приземлился спускаемый модуль космического корабля «Союз Т-11» с космонавтами – Владимиром Джанибековым, Светланой Савицкой и космонавтом-исследователем Игорем Волком. Продолжительность экспедиции посещения и кос-

мического полёта орбитального комплекса станции составила 11 суток.

Сразу после приземления Владимира Джанибекова и Светлану Савицкую команда спасателей успешно эвакуировали из спускаемого модуля, а Волк застрял. В панике техники никак не могли сосредоточиться и решить, как отвинтить металлический ящик с возвращающим грузом и Игорь, привязанный ремнями, продолжал висеть вниз головой. Через сорок минут, видя беспомощность спасателей, Игорь с опухшим лицом и надутыми венами на шее закричал:

– Вы решили повесить меня – а ну уходите отсюда все. – Он заработал руками, затем туловищем и выпутался из ремней методом выдыхания. Последним усилием привел себя в равновесие, чтобы не удариться головой о металлический отсек.

Репортеры и фотографы облепили его со всех сторон. Игорь сел рядом с космонавтами и, как только сделали официальные снимки, встал, оставив коллег-космонавтов на попечение медиков: у него была другая программа. Игорь встал.

– Ты куда? – спросил один из коллег.

– Обратно, – в шутку среагировал Игорь, – я забыл на станции носки и ботинки.

Корреспондент, поднеся под нос микрофон, спросил:

– У вас есть чувство гордости, что стали космонавтом?

– Нет, – ответил Волк. – У меня есть чувство гордости,

что я летчик-испытатель.

Спасатели, которые в спешке – «время, время...» – растеряли личные вещи Игоря, виновато смеялись, но так и не нашли, что одеть ему на ноги: что найдешь в казахской степи?

– Я не полечу никуда без ботинок, – теперь уже всерьез заговорил Волк.

Кто-то, наконец, раздобыл спортивный костюм и носки из аварийного запаса.

– Время! – грозно прокричал специалист сопровождения. – Время!

Смирившись с судьбой, Игорь нетвердой походкой, в одних носках без ботинок, поплелся к вертолету Ми-8 и завалился в кабину. Дальше – самостоятельный полет до Ахтубинска. Оттуда до Байконура Игорь летел на Ту-154, летающей лаборатории, кабина которого полностью воссоздана по подобию «Бурана». Он взлетел на высоту 11 километров и с выпущенным шасси с углом 20 градусов сел на специальную полосу на Байконуре.

Не давая отдохнуть, его тут же переодевают в высотный костюм и герметичный шлем и хотят посадить за штурвал МиГа-25.

– Мои ботинки! – кричит Игорь. Наверное, уже в шутку, чтобы разрядить обстановку среди суетившихся специалистов, перед которыми поставлена задача: доказать, что Игорь Волк сможет, пробыв месяц на орбите в «Буране», преодолеть на нем твердые атмосферные слои и благополучно сесть

на землю в одной точке.

Волк осуществил на истребителе ночной перелет из Байконура обратно на аэродром в Ахтубинске, тем самым доказав, что Игорь Волк может делать все.

Верилось, что удачный полет командира поставил точку в странной череде смертей. Но оказалось – впереди новые утраты...

* * *

Шеффер закрыл папку, положил руку сверху и посмотрел сначала на Виктора, а потом на Магомеда.

– Ну, как, нравится?

– Неплохо для начинающего писателя, – подтвердил Виктор. – Готовый материал.

Шеффер потянулся к Магомеду.

– Теперь о главном, о самом главном, Магомед, – произнес Юрий, – вчера, когда я заходил на базу, незнакомка остановила меня и сказала такое, что у меня волосы встали дыбом, – он сделал паузу. Глаза Магомеда зажглись. – После того, как я сказал, что я из отряда Волка, она мне показала лист бумаги с датами – даты катастроф наших коллег. Последние цифры... на какое число назначен вылет «Бурана»?

– На двадцать девятое октября, – ответил Магомед.

Юрий застыл, потом опустил взгляд, доставая и разворачивая листок бумаги.

– Так и есть – двадцать девятое октября, – со сникшим голосом прошептал Юрий, уставив немой взгляд на коллегу. – Двадцать девятое октября.

Тишина за столом.

– Бред какой-то, – выговорил Магомед. – И что за девушка?

– Я не знаю, – помотал головой Юрий. – Пока я там приходил в себя, к проходному подъехала машина. Оттуда выскочили двое в гражданской форме и забрали ее. Я возмущался и спросил: «Куда вы ее забираете»? Они ответили: «В психушку». Вот такая история. Всю ночь мне снились кошмары, и только рано утром я вдруг догадался, что ты сегодня улетаешь, и вот хочу, чтобы за тобой присмотрели – не кто-нибудь, а именно представитель из министерства.

– Ты написал целую книгу, Юра, а это насчет экстрасенса ерунда какая-то, – с недоверием произнес Магомед и глянул на часы, – мне пора.

– Я не знаю, кому верить – внутри все горит. Только не думай, что это от водки.

– Ты домой собираешься, нет? – поинтересовался Магомед. – А то Лена не пустит тебя домой.

Расслабуха. Она нужна в этой профессии. Человек меняется, становится нервным и неузнаваемым и оттого жалко их жен, которые по своей судьбе вынуждены делить эти тяготы с мужьями.

Магомед поднялся, положил руку на плечо Юры и попро-

щался.

Магомед сел за штурвал самолета, отдышался и уставил взгляд на бетонку: ветер сдувает снежинки, очищая взлетную полосу, вдаль видны кроны деревьев и как колышутся последние желтоватые листья. Он, по отработанной привычке, осмотрел кабину, приборы, пощупал их, погладил и, наконец, нажал на кнопку запуска двигателей. Этой машине 25 лет, но она как новая, покладистая, послушная и оттого кажется легкой, хотя весит 37 тонн. Шутка ли, эта масса набирает скорость от 380 до 3100 километров в час, развивая на форсаже мощность до 50 000 лошадиных сил.

«Поехали».

Он летал над бескрайними просторами России – под крылом населенные пункты, города, дороги, петляющие между ними, и вечное ощущение свободы.

«Когда этот отрыв состоялся в первый раз в училище, надо было постоянно смотреть вперёд под определённым углом. Вместо этого я смотрел по бокам, чтобы с высоты видеть землю. До меня не доходило, что самолётом управляет инструктор, и, как мальчишка, зыркал по сторонам. Я смотрел на поля, разбитые на разноцветные квадратики: зелёные, коричневые, желтоватые – кругом всё цело. Меня поразила удивительная гамма красок лесов и полей. Чувство полета и свободной птицы. Инструктор что-то говорил мне, объяснял свои действия, а я постоянно смотрел на небо и на землю, растворившись в необъятном пространстве, будора-

жащем сознание в другом измерении. Так длилось до тех пор пока в радиосвязи не прозвучали строгие слова инструктора: “Не отвлекайся, пацан”».

А сегодня у него, пока летит до Байконура под монотонный гул истребителя, много времени и причин, чтобы проанализировать собственную жизнь и расставить события по полочкам – подвести первую черту.

Часть II

Рожденный летать

Детство и шалости

В синеве чистого неба два кучевых облака, гоняемых ветром, плыли друг за другом, чтобы спрятаться за пологой лысой горой серого цвета, на склоне которой муравейником, скучковавшись, сжалось селение Согратль. Здесь кипела жизнь.

На большой перемене школьники резвились как маленькие зверьки, которых только что выпустили из клетки на свободу: мальчики изо всех сил гоняли мяч, сшитый из овечьей шкуры, набитый тряпками. Непривычный гул из-за горы ошеломил их. Гул нарастал и через минуту на небе появился самолет. Все наблюдали, ожидая чуда и задрав головы вверх, как он закружился над селом, выбирая место посадки на ровном плато под горой. Детей со школьного двора смыло как волной. Самолет не успел приземлиться, как ликующая разношерстная толпа бегом стала приближаться к нему.

Один из пилотов в кожанке и шлеме выдвинулся вперед, подняв обе руки вверх ладонями вперед.

– Стойте, – прокричал летчик. – К самолету нельзя приближаться. – Он обратил внимание на мальчика-сорванца лет тринадцати в резиновых галошах и клетчатой рубашке, заправленной в брюки с заплатками – он прибежал первым и остановился перед ним, тяжело дыша и неотрывно глядя на самолет.

– Дядя, можно залезть в кабину? – спросил он, когда старший с пакетом в руке отдалился, направляясь в сельсовет.

– Нет, – категорично ответил пилот. – Его рука прикоснулась к груди мальчика, чтобы преградить его движение вперед, и он почувствовал, как бешено колотилось его сердце. Его искрящиеся озорством зеленые глаза цвета морской волны, осененные длинными ресницами, неотрывно смотрели на чудо техники.

– Дядя, а можно его хоть потрогать, – снова попросился мальчик, глядя на высокого хозяина самолета из-под его руки, прикрывая ладонью глаза от солнца. – Дядя, можно?

Пилот думал и не решался: он не мог нарушить приказ командира.

– А как тебя зовут мальчик?

– Магомед.

– А фамилия как? – пилот тешился, чтобы проводить время.

– Толбоев.

– Ты понимаешь, товарищ Толбоев, у меня приказ никого не подпускать туда. А приказы в Советской Армии не об-

суждают. Понял?

– Так точно! – с улыбкой отчеканил Магомед, приложив руку, согнутую в локте, к виску.

– Молодец! Вот, когда командир придет и разрешит, то я покажу тебе кабину, хорошо?

Магомед с надеждой кивнул головой и стал ждать. Ему не повезло: командир грозно отчитал своего подчиненного.

– Андрей Алексеевич, вы что, с ума сошли: какая экскурсия? Нам надо успеть в аэропорт в Махачкалу.

– Ладно, Магомед, – с сожалением произнес Андрей. – Отойди от толпы вон на ту горку, – шепнул он ему на ухо, – я покачаю тебе крыльями.

Магомед быстро побежал на горку, и самолет, сделав в воздухе разворот, пролетел над его головой. Сердце Магомеда забилося сильнее, когда он увидел, как самолет на прощанье с ним несколько раз качнулся крыльями, и он запомнил это на всю жизнь.

– До свидания!

* * *

Учитель математики Юсуп в конце урока два раза останавливал свой взгляд на Магомед, который отвлеченно смотрел через окно на бескрайнюю пустоту синего неба: учитель понимал, что его ученика сейчас не интересовали уравнения с одним неизвестным – он их щелкал как семечки.

Полет Гагарина в космос и встреча с пилотом «кукурузника» неделю назад ошеломили сердце юноши больше, чем кого-либо другого из его класса.

Все ощущения пространства тринадцатилетнего Магомеда замыкались здесь: школьное окно, дорога домой по узким проходам, луг, где он после уроков пас овец. Но гора продолжала увлекать его мысли еще выше – в небо.

– Есть вопросы? – заканчивая урок, спросил Юсуп, учитель средних лет в очках и с коротко подстриженными волосами с сединой на висках.

Класс зашевелился – все стали собирать сумки.

– Есть, – ответил Магомед с задней парты. Он никуда не торопился. Он встал. – Вот вы прошлый раз сказали, что...

– Подожди, – перебил его Юнус, подняв руку, в которой все еще держал мел. – Если это опять про Циолковского, то можешь не задавать: у нас урок математики, Толбоев, а не космонавтики.

Толбоев переминался с ноги на ногу.

– У меня вопрос не о Циолковском, – парировал Магомед.

– Тогда спрашивай, – повелел учитель.

Магомед выдержал короткую паузу, чтобы собрать мысли и озвучить правильный вопрос, как того все время требовал Юсуп, – «без точности нет математики».

– Я хочу задать вам вопрос о первом законе Кеплера...

Одноклассники заржали. Учитель стал успокаивать класс.

– Подождите, подождите. Дайте ему сказать. – Он поста-

вил мел на подложку доски и потряс руки от пыли. – Говори, Магомед, что там сказал Кеплер, хотя он тоже не математик.

– Можно к доске, – попросился Магомед.

– Конечно, – ответил Юсуп. Затем, обращаясь к классу, добавил:

– Кому интересно, оставайтесь. Если нет, то можете идти.

Все остались на месте, ожидая, чего же выкинет Магомед на этот раз.

Магомед нарисовал Землю и обозначил экватор.

– Вот Земля, – сказал Магомед, обрисовав контур указательным пальцем, затем нарисовал ракету перпендикулярно к Земле. – Если ее запустить, то она по закону Кеплера полетит к орбите не вертикально, а по эллипсу. Так вот у меня вопрос, учитель: не будет легче и быстрее, если ее запустить с нашей горы на порохе, например...

Учитель почесал затылок, раздумывая над тем, где его ученик все эти понятия черпает.

Это был его лучший ученик с пытливым умом и невероятным упорством, он изучал математику старших классов, уверенный, что сможет рассчитать орбиту полета спутника. Он был не такой, как все, и подавал большие надежды. Учитель специально поддерживал и поощрял его фантазии, зная, что из него получится хороший инженер, как минимум.

– Ты где все это черпаешь, Магомед? – спросил учитель.

– А он подружился с заведующим библиотекой, – хихикнув, произнес сосед Магомеда по парте.

В классе посмеялись, потом наступила тишина и дети с открытыми ртами уставились на учителя: что же он скажет на столь умный, понятный только самому Магомеду вопрос.

– Неплохая идея, Толбоев, – произнес Юнус. – Представляешь, какая экзотика и как здорово звучит: «Сегодня запустили спутник с космодрома Согратль». Магомед, ты до сегодняшнего дня мечтал стать космонавтом, а теперь метишь на место Королева, что ли? – шутя и улыбаясь, спросил Юсуп. – Ну, хорошо, а где ты найдешь столько пороха?

Все мальчики класса восприняли эту мысль с воодушевлением.

– Ну, например, собрать по селу все патроны и выпотрошить порох, – предложил другой ученик, помешанный на авантюрах: вчера он с двумя зонтиками прыгнул с крыши своего дома и чуть не сломал ноги.

– Плохая идея, – хмыкнул учитель, – порох имеет свойство взрываться, если неправильно с ним обращаться. – Не на шутку обеспокоившийся учитель захотел предостеречь детей от дурных мыслей. С другой стороны он был рад, что его учениками овладевают творческие мысли. «Но порох – это уже слишком», – подумал Юсуп и решил на всякий случай предупредить отца Магомеда, Омара, чтобы он спрятал патроны от глаз подальше.

Магомед сегодня был в плохом настроении: попытка запустить в воздух самодельную штуку, изготовленную из консервной жести, завершилась несчастным случаем: обжегся младший брат.

– Магомед!.. – Услышав за спиной голос матери, он пришел в замешательство. Мама снимала со спины вязанку хвоста, чтобы зажечь тандыр для выпечки хлеба. На ногах резиновые галоши, платок, сползший на бок, закрыв половину лица, и распашное платье черного цвета.

– А где Тайгиб? – Спросила она встревоженным голосом. – Мне снились плохие сны.

– Дома, – тихо сказал Магомед. – Он спит. – И тут же стал помогать матери снять со спины ношу и распутать веревку. Мама в поведении сына и его голосе уловила нотки виновности.

– Что за время спать? Может, он заболел.

Магомед странно молчал.

– Что-нибудь случилось? – Недоумевала Джамгарат, сердцем почувствовав неладное.

Тайгиб долго не заставил себя ждать: услышав голос матери, выбрался во двор и заревел так, что мама испугалась.

– Что с тобой? – спросила мама.

– Он мне спалил брови, – прорыдал Тайгиб, указывая

пальцем на старшего брата. – Его брови покраснели и припухли без единого волоска.

Мать смотрела то на старшего, то на младшего сына.

– Вы мне можете объяснить, что случилось, – она занервничала.

– Магомед хотел из моих спичек изготовить ракету, – сопя, произнес Тайгиб. – Когда он их поджег, я захотел их потушить, и огонь опалил мое лицо.

– Откуда у тебя спички? – спросила мама.

Тайгиб молчал.

– Отец не успевает их покупать, а вы, оказывается, друг друга поджигаете. Ах, негодники, – она взяла в руки палку, и Тайгиба след простыл вместе с Магомедом.

Через неделю Магомед, нахлобучив кепку на глаза, лежал на зеленой траве, держа в поле зрения своих овец. Рядом с ним жужжала пчела, пытаясь залезть со своим жалом в середину желтого цветка. А в небе гордо и одиноко величественно парил орел. Он думал и возмущался, почему люди не могут летать так же, как они, и, вспомнив рассказ про Икара и Дедала, проникся жалостью к ним.

Он услышал приближающиеся сбоку шаги, но не среагировал, потому что он по шагам почувствовал, что это Тайгиб. Тот остановился возле него, принеся с собой запах другого ветра, и стал ждать, поддевая коленкой плечо старшего брата.

– Иди домой, – приказал Магомед, продолжая таить оби-

ду, – я с предателями не разговариваю.

– Извини, Магомед, – пискляво произнес Тайгиб. – Мне было так больно. – Он толкнул брата коленкой еще раз. – На!

Магомед повернулся и на уровне глаз увидел две новенькие пачки спичек.

– Запускай ракету, – деловито сказал Тайгиб. – Может, на этот раз взлетит.

Магомед рассмеялся.

– Нет, не взлетит, – сказал он. – На этот раз ты спалишь себе ресницы. Ты этого хочешь?

– Я больше не буду дуть, – настаивал Тайгиб.

Магомед встал.

– Спичками не получится, – сказал он. – Нужен порох.

– Принести? – Предложил Тайгиб. – Я знаю, где папа спрятал патроны.

Магомед воспрянул духом.

– А сколько их штук?

– Двадцать, – выпалил Тайгиб.

– Не может быть. А ну-ка, считай вслух.

– Один, два, три, пять, десять, двенадцать, двадцать, – гордо отсчитал Тайгиб.

– Эх, ты, скоро тебе в школу идти, а считать не научился, – сказал Магомед, взял маленькую пухленькую руку брата в свою и, загибая пальцы, стал учить его считать. Тайгиб быстро научился – вышло, что у папы двенадцать патронов.

– Сделаем так, – мечтательно произнес Магомед, и в его

глазах засветился огонек. – Беги домой, найди в моей школьной сумке отрезок камыша и с патронами беги обратно.

Через час все было готово: ракета запровадена, четыре плавающих крыла на гвоздях настроены – осталось только поднести фитиль.

– Ох, что будет, – восхитился Тайгиб.

– Ты представляешь, – начал фантазировать Магомед, – если вот таких собрать штук сто или больше, а самим сесть наверху, можно взлететь в космос. Полетим?

– Нет, – ответил Тайгиб.

– Почему?

– Мама будет плакать, – с грустью ответил Тайгиб.

Прежде чем поднести фитиль к камышу, вертикально установленному на камнях, Магомед отвел брата подальше. Затем, как только огонь коснулся пороха, камыш взлетел в воздух и стал совершать беспорядочные движения и, наконец, перейдя в горизонтальное положение, устремился в сторону домов и исчез.

Братья с секунду стояли в оцепенении, затем помчались в село, сверкая пятками. Они остановились в узком проулке, где несколько человек тушили загоревшееся сено на спине пожилой женщины. Магомед застыл. Он вспомнил тяжелую шершавую руку отца – наказания не избежать.

Омар засунул свои промасленные руки под чугунный умывальник и не успел толкнуть рычаг, как его со всех сторон облепили женщины, которым надо было ехать на животноводческую ферму.

– Омар, ты что, руки моешь, к Джумгарат спешишь? – съязвила бригадир Меседу. Женщина с взбалмошным характером и длинным языком. – Пешком на ферму мы не пойдем ни за что, – добавила она, склонив голову и заглядывая в лицо Омара.

Волна смеха прорезала воздух, и Омар выпрямился.

– Девочки, вам придется чуть подождать, – сказал Омар без настроения. Он обычно не оставлял камень у себя в огороде – обязательно отшучивался. – Меня вызывают в школу на родительское собрание: не знаю, что случилось. – Он пустил воду и с мылом размывал грязь между пальцами.

– Да у тебя отличные дети, – встала Муслимат, – вручат тебе похвальную грамоту и скажет спасибо, а то я вижу, что ты вообще скис.

– Как бы не так! – разочарованно произнес Омар, выпрямляясь и оттряхивая руки. – Этот карбюратор меня уже достал: все время забивается и приходится без конца чистить. Посыльный сказал, что мой старший сын Магомед что-то натворил. Я тут днем и ночью вкалываю, чтобы они людьми

стали, а они...

– Да ты не расстраивайся, Омар, – сказала Меседу. – Он у тебя отличный парень. Я своим его в пример привожу – такой умный, заботливый, обходительный. А как он заботиться о своей сестре Гюльжи: она все время и всюду за ним как хвост. Бедная девочка, ее нельзя вылечить, Омар?

– Нет, не могут – она родилась слабой, – с огорчением сказал Омар. – Да, Магомед о ней заботиться, но это не значит, что с ним все в порядке, раз вызывают в школу. Я ему покажу!..

* * *

Прежде чем начать собрание в ожидании всех приглашенных, директор школы Ибрагим нервно расхаживал перед черной партой, заложив руки на спину. И, наконец, когда все затиснулись в школьные парты, он остановился и окинул взглядом разношерстную аудиторию сельчан.

Омар сел впереди всех, опустив руки на колени. Ему сейчас достанется в первую очередь.

– Дорогие мои, – начал Ибрагим. – Мы с вами делаем общую работу: учим и воспитываем наших детей, чтобы они достойно вступили в большую жизнь и чтобы потом нам не было стыдно за них. Школа для этого делает очень многое, но не все, потому что они больше находятся дома. – Он сделал паузу и опустил глаза на Омара. – Омар, я ничего не мо-

гу сказать на счет учебы твоего сына Магомеда, но вот поведение не нравится. Если вовремя не предпринять меры воспитательного характера, то мы можем упустить его, и у нас вырастет умный, образованный, но недисциплинированный человек.

– Что он натворил, Ибрагим? – уже взвинченный, спросил Омар.

– Он вчера ракетой чуть не убил пожилую женщину.

Омар застыл с открытым ртом.

– Какой ракетой?

– Той, которую ты снабдил порохом, – категорично произнес директор. – А этот недотепа, его учитель по математике Юнус, каждый день снабжает детей теорией о полетах в космос. Тоже мне, Циолковский нашелся... Я этого больше не потреплю!

Омар вышел на школьное крыльцо, зло надел на лысеющую голову кепку и сквозь зубы процедил:

– Я отстегну его палкой.

Магомед, ничего не подозревая, в пиджаке, который уже давно стал ему маленьким, и залатанных штанах из черного сатина горделиво стоял возле грузовика отца, приложив руку на его крыло. Другой рукой он прикрывал глаза от солнца. Он увидел отца и заулыбался. Но, по мере того, как отец приближался, его сердце начало сжиматься: он никогда в своей жизни не видел на его лице столько ярости – он с замиранием сердца отнял руку от металлического крыла грузовика,

но улыбка еще не успела сойти с лица, оставляя ямочки на щеках.

Омар не успел опустить кулак на мальчика и излить свой гнев, как Юнус, который его вовремя догнал, схватился за его руку.

– Омар, и не вздумай обидеть мальчика, – громко и быстро произнес учитель. – У тебя растет замечательный мальчик. Я верю, что он достигнет своей мечты стать космонавтом. – Тяжелая рука Омара повисла в воздухе над головой Магомеда.

Женщины, сидевшие в тени дерева, услышав гул приближающегося грузовика, встали и приготовили свои тряпчатые сумки с припасами для обеда и вновь зашумели.

– Ну что там Омар, – обратилась к нему любознательная Меседу, – наказал мальчика?

– Нет, – странно произнес Омар, – Юнус не позволил.

– Почему?

– Сказал, что мальчик станет космонавтом, – с гордостью произнес Омар.

Школьная пора заканчивается

Изменения сезона года меняло и образ села. Июнь имеет свои особенности, это, прежде всего, полевые работы по уходу за пашнями и садами, где лениво, но росли абрикосы, яблоки, груши. И люди старались выжать из клочка земли

максимум выгоды. У выпускников школы – другие заботы: куда пойти учиться на просторах Советского Союза, где каждый город принимал их как родной, открывая двери самых престижных вузов. Выбор – большой и представлял собой серьезную трудность в выборе. В отличие от других, у Магомеда с этим не было проблем: он с детства определил для себе путь – в небо, в Ейское летное училище.

Накануне отъезда из села, он в школьной библиотеке подобрал нужную литературу и шел домой, подпевая песню и прижимая учебники под мышкой. Его дорога пролегла мимо годекана, где восседали немощные старики в папах из овечьей шкуры и посохами в руке, чтобы балансировать слабеющее тело. Один из них подозвал Магомеда к себе. Это был сосед, дядя Ислам, для которого Магомед всегда оставался маленьким мальчиком.

Магомед пожал его холодную костлявую руку.

– Ты сын Омара? – спросил он, шевеля белой пышной бородой. Его глаза слезились.

– Да, дядя Ислам.

– Это ты собираешься стать космонавтом, сынок?

Магомед хмыкнул и отпустил его руку.

– Хотелось бы.

– Ты знаешь, сколько мне лет? – спросил он. Затем, не дожидаясь ответа, добавил. – Девяносто. И к тому времени, когда ты начнешь летать, меня не будет на земле и... – старик запнулся. Его губы шевелились, но голос не сходил, ви-

димо, он хотел сказать что-то очень личное, может, встречу на небесах, но передумал. – Если ты станешь им, ты прославишь твой род и все село. Ты знаешь, кем был твой прадед Толбой.

– Так, приблизительно, – ответил Магомед.

– Он был настоящим воином, – сказал старик. – Он славил наше село и ты старайся быть достоин его.

– Спасибо, дядя Ислам. Я буду стараться.

– Подожди! – старик полез в карман и достал затянутый тесемкой кисет. Он развязал тесемку и сунул туда два пальца, доставая трёхрублевую купюру. – На, это тебе на дорогу.

Едва Магомед скрылся за поворотом, другой старик, сидевший возле Ислама, пробубнил:

– Ты зря отдал деньги и надеешься на него.

– Ты почему так говоришь Джамбул, – возмутился Ислам. – Откуда это тебе знать?

– Директор школы сказал, – ответил Джамбул. – У моего внука больше шансов.

– Тогда деньги ему отдай ты, – порекомендовал Ислам. – Ты из тех, кто мутит село и молодежь, Джамбул. Ты почему не рад внуку Толбоя, если он станет известным космонавтом – он же будет называться согражданином. Если он станет им, обещаешь снять свою папаху перед ним.

– Обещаю, – сказал Джамбул. – Если нет, то ты снимешь ее перед мною.

Два аксакала ударили по рукам.

Приближаясь к дому, Магомед продолжал размышлять о людях села, его истории, обычаях и отношениях между людьми: почему этот старик отдал мне деньги и пожелал удачи, хотя я ему не сын, не сосед и не родственник – просто односельчанин. Человеческая доброта не имеет границ.

* * *

Магомед плохо спал и встал с постели едва забрезжил рассвет – солнце большим огненным шаром на горизонте вставало, все больше и больше освещая горы. Подъем и закат, потом ночью свет солнца будут отсвечивать миллионы звезд на небосклоне. Скорости и расстояния. Гагарин первым из людей окунулся в пространство без воздуха. Каково там, интересно. «В восемь автобус и я уеду, оставив село, где знаю каждый бугор, каждый камень на тропе, каждый дом и каждого сельчанина. А братья и сестра Гюльжи, которые привыкли ко мне?» Он, сбитый с толку из-за переживаний, вернулся домой, чтобы разбудить Тайгиба.

Магомед делал приготовления к поездке в Ейское летнее училище. У младших братьев и сестры Гюльжи появились другие обязанности. Тайгиб разложил перед собой мамин большой прямоугольный чемодан с никелированными замками и такого же цвета ребрами по углам. Он вытащил оттуда папины кожаные туфли, сорочку и брюки, которые он одевал по особенным праздничным случаям. Он два раза при-

нюхался, с шумом втягивая запах расширявшимися ноздрями, затем поднял вопросительный взгляд на Магомеда.

– Что уставился? – спросил Магомед. – Это запах лекарства от моли. У папы так мало праздников в жизни, что он их так редко одевает. Так что маме пришлось убереечь их от моли.

Магомед украдкой наблюдал за сестрой, которая, сидя на корточках, влажной тряпкой вытирала пыль. Она склонила голову, чтобы спрятать слезы, которые жирными пятнами мочили край чемодана.

Увидев животрепещущую картину, Магомед застыл, потом, подойдя к ней, повернул ее лицо к себе.

– Гюльжи, хм. Ты почему плачешь? – тихо спросил Магомед. – Ты не рада, что твой брат едет поступать учиться?

Гюльжи два раза открыто всхлипнула.

– Махо, я не хочу расставаться с тобой.

Магомед посмотрел на Тайгиба, который со стесненным сердцем продолжал наблюдать за прощальной сценой брата и сестры.

– Ты плачешь, как будто мы прощаемся навсегда, Гюльжи. Тайгиб будет катать тебя на самокате, потом я вернусь и покатаю тебя на самолете. Ты не хочешь?

– Я не знаю, – робким голосом проговорила Гюльжи. – Я боюсь, что больше не... – она вовсе разрыдалась.

Первое июля 1969 года. К обеду пассажиры с шумом занимали места в автобусе, который отходил недалеко от ремонт-но-тракторной станции, где отец Магомеда Омар работал слесарем и шофером одновременно. Магомед не хотел садиться в автобус, не попрощавшись с отцом. Вместо него подошла шумная толпа женщин во главе с Меседу. Она заявила:

– Магомед, отца не ждите. У него машина сломалась, и он попросил пожелать тебе удачи.

– Опять карбюратор, наверное, – предположил Тайгиб. Раздался нервный голос водителя автобуса.

– Давай, Магомед, садись. Поехали!

Автобус заурчал, задымил и тронулся медленно, как бык, за которого зацепили тяжелое бревно. Тайгиб помахал рукой и прокричал:

– Через пять лет бронируй мне тоже место в училище.

Женщины рядом засмеялись и похлопали по плечу всегда веселого Тайгиба, который тоже подавал серьезные надежды.

У Магомеда впереди была дорога в неизвестность, позади детство, переполненное мечтами, и он, сквозь окно автобуса, не мог разбираться с чувствами, которые переполняли его внутренний мир.

Училище

Город Ейск с радушием открыл свои двери перед большой шумной группой абитуриентов из Дагестана численностью шестьдесят человек: погода была теплой, солнечной; люди на вокзале приветливо улыбались.

Когда Магомед вошел во внутренний двор через железные ворота, перед ним предстала вся картина другой жизни – военной: на плацу стояла шеренга ранее прибывших абитуриентов училища, которая получала взбучку от командира по физической подготовке.

– Следующий! – крикнул командир.

Худой, со смешинкой на губах, с кепкой набекрень, пошатнул свои кости в плечах и беспомощно устался на перекладину, никак не решаясь повиснуть.

– Товарищ командир, зачем мне это надо – я в небо хочу.

– Разговорчики!

Он прыгнул и повис – такое ощущение как будто руки оторвутся от плеч. Начал подтягиваться – раз, два, три и сброс.

Командир гневно помотал головой.

– И ты мечтаешь стать летчиком курсантом Ейского училища... Ты кто и откуда?

– Орлов. Я из Ростова.

– Детка, пока не поздно, забирай свои документы и иди домой осваивать колхоз. Понял?

– Нет, не понял, – он смотрел в глаза прапорщика в упор. – Я – чемпион, товарищ прапорщик.

Прапорщик наклонил голову, сведя губы в дудочку. Он остановил взгляд на бицепсах Орлова, подошел и пощупал их.

– Ты чемпион с такими мускулами?

– А что? В шахматах нужна голова, а не сила.

Раскат смеха по шеренге.

Прапорщик сделал шаг в сторону и остановился перед высоким сутуловатым юношей.

– Представься.

– Курсант Соколов.

– Вы что, совсем что ли не с того? – сказал прапорщик и покрутил палец у виска. – Чтобы стать курсантом, надо еще заслужить. Чего горбишься?

– С турника вчера упал.

Прапорщик с минуту размышлял, какая там высота турника для такого длинного верзилы.

– Вниз головой?

– Да.

– Как умудрился?

– Да мне помогли повеситься вниз головой за колена и ушли, – сказал Соколов. – Минут пять выдержал, скрипя зубами, а потом упал.

– Ну и набор в этом году: одни артисты и шахматисты.

Прапорщик заметил, как шеренга одновременно бросила

взгляд за его спину. К турнику приближался молодой парень с чемоданом в руке. Он подошел к турнику и остановился.

– Можно? – он попросился на турник с довольным и уверенным выражением на лице.

– Ну, давай, – согласился капитан. – Покажи.

* * *

С плаца на фоне асфальта и зеленых газонов стеной, извиваясь, поднимались волны тепла. Из-за угла здания появилась фигура начальника училища в генеральских погонах. Он шел на осмотр абитуриентов. Офицер и прапорщик напряглись и подтянули выправку.

* * *

Магомед с секунды стоял, сосредотачиваясь и сделав глубокий вздох, глаза застыли на перекладине. Прыжок, и он неподвижно повис в воздухе, со строго вытянутыми носками. Как у акробата. Затем резко подтянулся и, сманеврировав локтями, вмиг оказался над перекладиной, опираясь на вытянутые руки.

Раздались возгласы. Капитан взмыл вверх брови. Прапорщик помотал головой. Генерал в нескольких шагах от турника остановился...

В следующий момент Магомед, раскачав ноги от туловища, отпрыгнул от перекладины и сходу перешел на «солнце» и, на глазах зачарованной толпы, сделал несколько оборотов вокруг перекладины, которая стала изгибаться под действием центробежных сил.

– Вот так надо всем! – воскликнул капитан.

Генерал осмотрел Магомеда с ног до головы.

Перед ним стоял радостный с сияющей улыбкой молодой парень атлетического телосложения с широкими плечами. Выпуклая грудная клетка, выступающая над узкими бедрами, производила впечатление – настоящий атлет и готовый летчик-испытатель по физической подготовке. Четырехугольный подбородок и выступающие скулы свидетельствовали о силе характера.

– Вылитый Танкаев, – сказал генерал. – Из Дагестана?

– Да, товарищ генерал, – четко и гордо произнес Магомед, с сожалением подумав о том, что не знает никакого Танкаева.

Генерал повелел офицеру взять Магомеда на заметку.

Прапорщик, когда отошел генерал, возмущился:

– Так сразу взять на заметку одного – за театральность, другого – за грубую силу.

– Это не твое дело, – ответил офицер. – Твоя задача сле-

дить за тем, чтобы их быт был налажен, как положено.

Протискиваясь в казарму, Магомеда в дверях прижал Орлов. – Слышишь, земляк, если ты научишь меня так летать на турнике, то я тебе покажу хорошее место в казарме возле меня? – А ты кто, командир?

– Нет пока. Я прибыл сюда раньше вас на два дня, и на правах старика я могу выделить тебе место рядом со мной возле окна. – Он протянул руку. – Андрей.

Вот так Магомед познакомился с человеком, который стал ему другом навсегда – шустрый, веселый, сообразительный и всегда улыбающийся.

Казарма – паркетный блестящий пол, большие и светлые окна, тумбочки возле каждой кровати, полотенце с треугольным штампом, красиво выправленный ряд железных кроватей с хромированными спинками и непрекращающийся шум и возня абитуриентов, без конца снующих взад-вперед.

Магомед присел на тумбочку и вздохнул с облегчением: первый шаг на пути к цели – он в летном училище.

Он раскрыл чемодан: учебники, аккуратно сложенные рубашки и брюки, разделенные районной газетой. Непонятный сверток. Магомед взял его в руки и развернул – там оказался пластмассовый цветок желтого цвета. У него ёкнуло сердце – это могла сделать Гюльжи.

– Что с тобой? – спросил Андрей, увидев растерянный вид Магомеда, но затем, увидев в его руке желтый цветок, спросил:

– Кто тебе его положил?

– Сестра.

– Она болеет?

Магомед хлопнул глазами.

– Почему ты это спрашиваешь?

– Просто. Желтый цветок – это к разлуке.

Магомед отвел взгляд и погрузился в мысли: он на миг представил сестру: «Махо, я не хочу, чтобы ты уезжал. Я не знаю, как я буду жить».

– Да, она болеет, – ответил Магомед. – За ней все время смотрел я. Теперь не знаю, правильно ли я сделал.

– Извини, – с сожалением произнес Андрей. – Он обхватил Магомеда за шею и приложил свой лоб к его лбу. – Все будет хорошо, брат – не горюй. Ты, я вижу, очень серьезный, но надо быть попроще, как я, например. – В казарму вошел прапорщик, как всегда угрюмый и злой. – Хочешь, я сейчас тебя рассмешу?

Он отошел от кровати, направляясь к прапорщику. Встал перед ним, приложил руку к виску и доложил:

– Товарищ, прапорщик, ваше задание выполнено.

Видно было, что прапорщик избегал этого балагана – симпатии капитана мешали ему применять к нему власть.

– Отвали! Рехнулся, что ли? Я тебе никакого задания не давал.

– А я ничего не сделал! – громко произнес Андрей и тут же убежал в глубину казармы. По кубрику раскатился смех.

– Я его когда-нибудь убью, – пробубнил себе под нос прапорщик и медленно потопал дальше, нервно дергая за усы. – Придурок, что будет здесь, если он поступит в училище. Он меня уже достал.

Через минуту Андрей украдкой вернулся к своей кровати, где Магомед все еще возился с вещами.

– Как я его, тебе понравилось?

– Да, – ответил Магомед, расслабляясь от нарисованных самим мрачных мыслей.

– У тебя, я вижу, будут серьезные проблемы, братец, – сказал Андрей, усаживаясь на кровать. – Ты вообще не знаешь русского языка, и я не представляю, как ты будешь сдавать экзамен по русскому языку. Также не представляю, как я буду сдавать экзамен по физической подготовке – там такие дурацкие требования. Так что, нас надо сложить вместе и разделить пополам, – он продолжал улыбаться.

– У нас еще есть время, – утешительно произнес Магомед, – целый месяц. Ты помоги мне, я помогу тебе.

– Ты хочешь сказать, что можешь научить меня крутить «солнце».

– Да, конечно.

Но времени было мало и двое из новобранцев – Магомед и Андрей Орлов решили использовать его сполна: их двоих часто можно было видеть на беговой дорожке и гимнастических снарядах. Наблюдая за ними, через неделю, капитан заметил прапорщику:

– Видишь, как бывает. Мы метким глазом выбрали этих двоих, и они подают надежды. Вот так формируются коллективы и воинское братство. Я уверен из них будут хорошие советские летчики. Главное – дух и желание, а у них это есть.

– Может быть, – с нежеланием согласился прапорщик. У него не наладилось взаимопонимание с Орловым. Психологическое несоответствие: один – шутник, другой – меланхолик.

Прошло несколько дней, и Орлов был доволен результатами тренировок: он уже спокойно подтягивался двадцать раз, но крутиться на перекладине не получалось.

– Вот смотри, – сказал Магомед, держа руку Орлова в своей руке, – у тебя очень слабая кисть, – напряги ее сильно, а я попробую согнуть. Орлов напрягся так, что вены надулись на шее, и Магомед без особых усилий «сломал» его кисть. – Теперь дай мне обе руки и посмотри, как я легко свалю тебя. – Он схватился за обе руки Орлова, сжал и надавил вниз – Орлов с писком присел на землю, не в силах сдерживать боль.

– Ничего себе! – выдавил Орлов. – У тебя не руки, а кузнечные щипцы.

– Хочешь так – слушай меня, – сказал Магомед. – Все время: в строю, в столовой, на кровати – работай над кистью «сжим – отжим» до тех пор, пока не окостенеют кисти, руки и предплечья, понял? И ты увидишь потом, что получится.

Орлов прислушивался и делал это, несмотря на то, что со-

курсники стали обращать на него внимание и подшучивать. Один раз прапорщик после отбоя с удивлением заметил мирно спящего Орлова с руками на одеяле, монотонно отжимающими кисти. Он подошел к изголовью и замер.

– Это еще что такое? – недоуменно спросил он соседа, Магомед, на лице которого засияла улыбка.

– Тренируется, – сказал он, – даже когда спит.

– Орлов! – громыхнул прапорщик. – А ну-ка встать!

Орлов вскочил и, продолжая отжимать руки, отдал честь:

– Слушаюсь, товарищ прапорщик.

Все в кубрике проснулись и засмеялись.

За два дня до экзаменов два друга молча сидели на табуретках, спинами опираясь на ножки кровати. Орлов впервые грустил. Они не заметили, как прапорщик приблизился к ним.

– Извини, Магомед, – сказал он, – ты выполнил свое обещание: я уже мастер на турнике, а я – нет; ты, как не знал русского языка, так и не знаешь. Если я поступлю, а ты – нет, то я, наверное, тоже уйду. Как-то, знаешь, получается нечестно.

– Плохо думаешь, Андрей, – среагировал Магомед. – Я никогда не обижусь на тебя. Тело можно быстро натренировать, а вот мозги – проблема. Надо много, много читать.

– И болтать на русском тоже, – согласился Андрей. – Альтернативы нет.

– А что такое «альтернатива»? – спросил Магомед.

Орлов наморщился и странно молчал, затем повернулся к Магомеду.

– Я этот вопрос задавал отцу, и мы вместе столько смеялись: он работает кузнецом на заводе, но столько анекдотов знает на все случаи жизни. Так вот: ты живешь в городе и для старта просишь пенсию у бабушки и переезжаешь в село. Там покупаешь лоток яиц и выводешь цыплят. Потом, когда они подрастают, они тебе сносят тысячи яиц. И весной в инкубаторе ты выводешь тысячи цыплят. Прикинь – какой ты богатый. Но! Через год в сарай приходит эпидемия идохнут все куры – полный песец! – Орлов замолк.

Магомед продолжал слушать с открытым ртом.

– А где «альтернатива»?

– Утки, брат. Утки!

Они захохотали вместе, и из-за спины к ним присоединился прапорщик.

– Так вот, у меня идея, товарищ прапорщик, – продолжал Орлов. – Что будет, если Магомед на экзамене будет гордиться тем, что знает, что такое «альтернатива».

– Э... братец, не пойдет, – отклонил предложение прапорщик, – а вдруг ему попадет Пушкин. Там надо уже петь, а не анекдоты рассказывать. И что делать?

– Рассказывать анекдот, – не унимался Орлов. – Попадет Лермонтов или Толстой – тоже про «альтернативу». В этом весь трагизм ситуации – ведь и так видно, что Магомед не знает языка, но его попытка любой ценой обойти краеуголь-

ные камни русского языка при помощи юмора – это нечто! Любой экзаменатор на это купится. Они, что, у вас эти экзаменаторы бессердечные, товарищ прапорщик?

Так и вышло: Магомед рассмешил комиссию отличным знанием одного русского анекдота и умением варьировать скудными знаниями языка, чтобы доказать, что у него неплохая логика и упорство, что стало веским аргументом того, что комиссия решила, что языковой барьер он преодолест быстро. Он сдал экзамен и был принят в училище.

Радости друзей не было предела: из 1367 абитуриентов они попали в число 225, которых приняли в училище.

Первый курс: лекции, семинары, строевая подготовка, сапоги, портянки, мозоли на ногах, усталость – вся эта суета изо дня в день ковала курсантов летного училища. Магомед впервые почувствовал, что времени так мало для всестороннего развития и самоподготовки. Все это ему давалось легко и сделал в своей жизни первую ошибку: переоценил свои возможности и перестал заниматься русским языком, и здорово попался на том, что писал лекцию по истории КПСС¹ на аварском языке.

Во время очередной проверки конспектов преподаватель обнаружил странную тетрадь, где все писалось на странном языке, и он пришел в ярость:

– Чья эта тетрадь?

¹ КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза, правила в СССР (ныне – Россия) с ноября 1917 по август 1991 года. – *Прим. ред.*

Магомед встал, еще не подозревая о провале.

Преподаватель еле сдерживал свои эмоции.

– После уроков зайдете в канцелярию, – строго приказал лектор. После уроков Магомед получил первый в жизни выговор за то, что писал лекции на аварском языке.

Вечером того дня он получил первое письмо из дома – почерк Тайгиба. Он на ходу вскрыл конверт и пробежался по строкам, как вдруг у него перехватило дыхание. Время остановилось – остановился и сам, потеряв ориентиры. Увидев краем глаза дерево, которое росло на газоне, он приблизился и оперся одной рукой, чтобы отдышаться. Он поднес строки к глазам еще раз: «...вчера мы похоронили Гюльжи, перед смертью она все время произносила твое имя. Мне кажется, что она умерла от тоски».

Утром, когда выправляли кровати, Орлов заметил на подушке Магомеда большое мокрое пятно и спросил:

– Ты че, братец, плакал что ли? – он держал в руке подушку Магомеда и странно смотрел то на подушку, то на скорбное лицо друга. – И это все из-за несчастного выговора! Я считал тебя...

– Моя сестра умерла, – еле сдерживая слезы, выговорил Магомед.

– Что! Не может быть!

Сокурсники подходили к Магомеду, выражая соболезнования, но от этого ему не стало легче. Он вспомнил слова деда, который успокаивал себя на старости лет: «Все люди

рождаются, чтобы потом умереть».

Тушение пожара

Мать Любы сидела на лавочке с соседкой и обсуждали деревенские сплетни. Кроме деревенских сплетен у Зины была приятная новость для соседки – не всегда же ей гордиться своими детьми.

– Отличный парень, хороший жених, – сказала она. – Инженер и богатый: у него даже машина есть.

– Когда свадьба? – спросила соседка.

– Пока не знаю. Сегодня у них только свидание. Он пригласил Любу в ресторан.

– Мама! – услышала Зина голос дочери из дома. – Иду! – на ходу произнесла она, вставая с лавочки.

Люба нанесла косметику и подводила брови.

– Да. Конечно, я считаю: тебе надо развеяться, дочь – пойти в город, подышать свежим воздухом, потанцевать. Николай неплохой парень, окончил институт, хорошая работа и машина есть, а ты даже ни разу в машину к нему не села.

– Мама, – осекла ее дочь, – ты сколько об этом говоришь? Я же слышала.

– Ну, разве я не права? – возразила мама. – Тебе уже двадцать один, все твои подружки уже замужем, а ты все еще ждешь принца. Тебе мало книги надо читать, а то нарисовала себе сказочного принца, а их нет, милая. Мужики все одинаковы...

– Ма-ма, – протянула Люба, заканчивая прическу. Она никогда не пререкалась с мамой, не повышала голос.

За воротами зазвенел сигнал «Жигули». Приехал Николай: статный парень, красиво одетый, с тонкими манерами поведения и подающий надежды на хороший карьерный рост. Сегодня они первый раз решили вместе поехать по городу, сходить в музей, а вечером в ресторан. Люба не привыкла принимать быстрые решения, – была меланхоликом, а тут мама вмешалась со своими переживаниями.

В легкой блузке, в складчатой юбке и с шиком накрученной прическе Люба выглядела ошеломляюще.

– Красиво выглядишь, – сделал комплимент Николай, трогаясь с места и направляясь в центр города.

– Спасибо, – тихо среагировала Люба. – Тихо! – прокричала она, увидев на дороге котенка, который неуклюже пересекал дорогу.

– Любишь кошек? – спросил Николай, повернув к ней голову.

– Да, – ответила Люба. – У меня их две: Маркиза и Селена.

Как только машина свернула к центру, с поворота они увидели дым и толпу, взывающую о помощи. Горела квартира над магазином, а молодая женщина редела: у нее ребенок остался один в охваченной дымом и огнем квартире. Пожарники опаздывали.

Люба заёрзала на сиденье.

– Остановись, надо помочь.

Николай принял влево и, прижавшись к тротуару, остановил машину.

Люба в отчаянии посмотрела на Николая.

– Надо помочь! – прокричала она.

– Как? – Люба застыла, глядя в его пустые глаза и полное равнодушие. – Мы же не пожарники.

Еще одно мгновение Люба сдерживалась, держа палец на крючке дверей. Но затем резко дернула за ручку и выбежала на улицу, чтобы сделать что-нибудь.

Шум и паника усиливались, толпа становилась больше, но никто толком не соображал, что надо делать. Женщина беспомощно редела и призывала спасти ребенка.

Люба дернула за руку мужика среднего возраста:

– Помогите! – закричала Люба.

– Как? – с возмущением ответил мужик.

– Залезьте туда! Потом через окно в квартиру, – Люба строила планы, не понимая, как это сделать.

– Давайте, помогите мне залезть на навес, и я вытащу ребенка, – согласился мужик.

– Как? – спросила Люба. – Я не могу.

Квартира была на втором этаже над гастрономом, отделенная широким бетонным навесом. Но как туда залезть, где взять лестницы? Время шло.

– Я тоже не могу, – сказал мужик, озираясь по сторонам.

Мать продолжала реветь.

Вдруг, откуда ни возьмись, в толпу забежал молодой па-

рень спортивного телосложения. Он растолкал людей и встал возле навеса, осматриваясь по сторонам и принимая решение.

– Сюда! – приказал он мужику, с которым только что разговаривала Люба, – нагнуться. – Потом быстро вычислил самого высокого мужчину в толпе и остановил его впереди другого на полный рост. – Я сейчас пробежусь по вашей спине и через его плечи попробую залезть туда.

Все были готовы повиноваться ему, потому что поверили, что все получится. Он отошел и с разбега как акробат, как рысь, вскочил на плечи впереди стоящего и руками зацепился за острый край бетона. Невероятно: он вмиг подтянулся и залез на крышу. Толпа с одобрением закричала.

– В каком месте ребенок? – он спросил громко и хотел быстрого ответа.

– В той комнате, – срывающимся голосом крикнула мама и указала в крайнюю комнату. – Он – там, в детской кровати, в правом углу. Пожалуйста, помогите!

Люба подошла и стала успокаивать женщину, взяв ее за локоть. – Все будет хорошо! Все будет хорошо!

Парень, перепрыгнув через перила, исчез в облаке черного дыма. Секунды затянулись. Все ждали чуда – шум прекратился, кроме потрескивания огня. Еще секунда. Раздался лязг ломающегося оконного стекла и опять томительная тишина.

И вдруг из-за занавеса черного дыма, подгоняемый язы-

ками пламени, с ребенком в руке появился Он. Весь черный, из руки течет кровь, сорочка по спине в клочьях и дымит. «Железный человек, – успела подумать Люба, видя его руки и предплечья. – Спасибо тебе!»

Она машинально повернула голову в сторону тротуара, и с отвращением остановила взгляд на ухажере, который так и стоял со скрещенными на груди руками и спиной, облачиваясь на свою машину.

Все стало происходить, как в замедленном кадре. Ребенок пришел в себя и заплакал, а мама замолкла и стала терять сознание. Люба ее придерживала и из-за спины услышала вой сирены пожарной машины. Потом она, вместе с сочувствующими, помогла герою-спасителю промыть рану и перевязать руку: кто-то подал бинт, кто-то принес новую рубашку. Она запомнила касания к холодной коже его руки.

* * *

Мама сидела на лавочке перед калиткой дома и с вдохновением продолжала рассказывать соседке о будущем зяте, о его образованности и хороших нравах, как вдруг боковым зрением вдалеке заметила силуэт, который по тротуару приближался к ним. «Прямо, как Люба», – подсказывало материнское сердце и не ошиблось: через минуту Люба стояла перед мамой с растерянной улыбкой.

– Что случилось? – тревожно спросила мать. – Успели по-

ругаться?

Соседка засмеялась.

– Нет, мама, – я нашла другого принца.

– А где он?

– Не знаю, кто он, откуда он, – произнесла Люба. – Появился раз и исчез.

Люба в магазине

Магазин «Военторг» при гарнизоне работал с перерывом в один час и за это время продавщицы Люба и Катя успевали пообедать и поболтать о том, о сем. Сегодня на Любу напал молчун, а Катя, затаив обиду, пыталась разобраться в своих отношениях к коллеге.

– Ты мне не нравишься, – сказала Катя, храня холодный взгляд светлых глаз. – Я, когда у меня что-то происходит, все время тебе рассказываю, а ты?

Люба встрепенулась и отложила чайную ложку, с помощью которой выковыривала кусочки мяса из консервной банки.

– Что случилось? Катя скривилась.

– Ничего. Ты меня, наверное, дурой считаешь, да?

– Ка-тя! Что с тобой, милая?

Катя вздохнула и перевела взгляд на стенку. Там на нее смотрела большая цветная фотография Высоцкого, вырезанная из журнала «Смена».

– Я тебе больше никогда ничего не буду рассказывать, – категорично заявила Катя. Было видно, что женская психология взбунтовала не на шутку. – Никогда.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Катя наставила на подругу решительный взгляд.

– Где твой богатый хохол на красной машине?

У Любы прорвался громкий смех.

– Ты чего смеешься! Я тебе рассказываю и былицы и небылицы, а ты покрываешь себя тайнами.

– Красной машины нету, как и ее хозяина, душенька моя, – пролепетала Люба. – Уже как месяц я поставила точку над моими сомнениями.

Катя разинула рот от удивления.

– А почему ты молчала?

– Меня все это время мучили сомнения: правильно я сделала или нет.

Люба вкратце рассказала случай о пожаре.

Катя, глубоко тронутая событием, наглухо замолкла и с минуту в помещении подсобки стояла гробовая тишина. Назойливая муха, брюзжа, атаковала тыльную сторону руки Кати, где она вынюхала жирное пятно, оставленное бумажной салфеткой. Она дернула рукой.

– Прямо герой какой-то, – выдавила из себя Катя. – И в газете смотрела?

– Да.

– А как он выглядит, может, я его знаю, – предположила

Катя, желая вытащить подругу из депрессии.

– Ну... – Люба устремила взгляд под потолок, – такой сбитый, среднего роста. Глаза... не помню, какого цвета. Руки жилистые, тело атлетическое. Одним словом...

– Кавказец, – предположила Катя.

– Да, – подтвердила Люба, возвращая взгляд с потолка на землю.

– Значит, не судьба, – с горечью пробубнила Катя. – А этого с «Жигулями» мне жалко.

* * *

Через несколько дней в магазин ворвалась толпа курсантов летного училища. Девочки обрадовались, потому что в такие дни их касса пополнялась до максимума. К тому же, общение с курсантами добавляло им настроения.

– Девочки! – прокричал первый, кто ворвался в магазин. Было такое ощущение, как будто кто-то за ним гонится. – Гуталин есть?

– Конечно, – ответила Катя.

– Срочно уберите с прилавка, – скомандовал Орлов. – Сейчас за ним придет прапорщик. Просьба летчика: скажите, что у вас ее нет.

– Почему? – спросила в недоумении Катя.

– Потому что, он уже нас задолбал с сапогами, – проговорил Орлов. – Надоело их заблескивать.

Продавщицы переглянулись.

– Ладно, как скажете, – согласились девчата.

Вошел статный прапорщик, огляделся, кашлянул, прочистив горло, и спросил:

– Гуталин есть? – внезапно, увидев Орлова, добавил. – А то у меня курсанты окончательно потеряли нюх.

– Нету, – последовал ответ Кати. – Закончился.

Прапорщик застыл с открытым ртом.

– То есть!?

– Нету, товарищ прапорщик, – подтвердила Катя.

– Что я вам говорил, товарищ прапорщик? – с укоризной сказал Орлов.

Прапорщик долго держал растерянный взгляд на Орлове и подозрительно почесал подбородок: он чувствовал, что проигрывает ситуацию своему курсанту. Еще вчера он повздорил с ним.

– Почему сапоги не чищены, товарищ курсант? – придрался он к Орлову, уверенный, что перекрыл все выходы для ответа: до сапог явно его рука не дотрагивалась как минимум два дня. Творческая личность и ленивая.

– Это вас не должно волновать, товарищ прапорщик, – с сарказмом проговорил Орлов.

В казарме все напряглись в ожидании очередного эпизода противостояния Орлова и прапорщика: наряды не могли выбить из курсанта спесь.

– Отставить разговоры, – с возмущением отреагировал

прапорщик. – Почему сапоги не чищены. Два наряда без очереди.

– Не виноват, нет гуталина! – прокричал Орлов. – Я еще не вышел из наряда.

– Это меня не волнует, – сказал прапорщик.

– Это я и говорю, что вас это не волнует, товарищ прапорщик.

Смех в кубрике и очередная победа курсанта. Прапорщик к этому привык, и он знал, что его самый продвинутый курсант за словом не полезет в карман. Он снова пожалел, что прикололся к нему.

Прапорщик повернулся к продавщице.

– А мазь есть?

Катя на глазах прапорщика бросила взгляд на Орлова – ей нужен был ответ. Орлов стал корчить лицо и выдал себя.

Катя рассмеялась. «Так это прапор...»

– Да, мазь есть.

– Дайте одну, – сказал прапорщик.

– Банку?

– Нет, упаковку, – выпалил прапорщик.

Это уже был запас на месяц. Орлов закрыл глаза и от возмущения выдвинул нижнюю челюсть.

Прапорщик взял упаковку под мышку и вышел со словами:

– Ты попробуй еще раз ходить в грязных сапогах.

В магазине наступила тишина и только тогда продавщицы

осмотрели разношерстную толпу курсантов, которая рассыпалась по магазину и вдруг Люба пришла в оцепенение – она увидела того парня на пожаре. У нее перехватило дыхание – она сомневалась и осмотрела его с ног до головы. Курсант как курсант, сапоги блестят, гимнастерка выглажена, волосы по вискам аккуратно подрезаны. Квадратный подбородок красиво подчеркивает профиль лица.

Катя заметила на лице подружки смятение и несколько секунд держала взгляд на ней.

– Эй... Люба, – проговорила она, пытаясь вывести ее из оцепенения. – Влюбилась, что ли?

Орлов заметил происходящее. Магомед, как ни в чем не бывало, продолжал рассматривать новый кожаный ремень, поглаживая пальцами звезду на бляшке. Орлов подошел к нему и толкнул плечом.

– Парень, открой глаза и посмотри, кто тобой любит.

Люба, смутившись, «спустилась на землю» и стала волнительно обслуживать покупателей.

После того, как толпа рассосалась, Катя подошла к Любе и, навалившись боком на прилавок, глядя в лицо Любы, бесцеремонно спросила:

– Это он?

Люба с минуту молчала.

– Не знаю, Катя, – выговорила Люба тихим голосом, – не знаю.

– Так надо было спросить, – сетовала Катя, – вот так-то,

так-то. Неплохой парень, я тебе скажу – стройный, сильный, за спиной которого можно стоять всю жизнь...

* * *

Вечером того дня Магомед, лежа на кровати и приподняв над подушкой голову, продолжал осмысливать то, что произошло в магазине. Он не думал знакомиться или жениться до окончания учебы, к тому же родители должны одобрить его решение. Но он начинал понимать значение поговорки «сердцу не прикажешь». Он старался вспомнить цвет ее глаз, форму лица, нотки голоса, но тщетно – память ее портрет не закрепила. Он помнил одно – лицо красивое, а голос нежный. Надо еще раз пойти туда и вместе с тем он сомневался: что, если это все подстроил Орлов – ему ничего не стоит это сделать: талант общения, магнит, который притягивает всех. Время покажет.

Утром после подъема и утренней пробежки перед завтраком все находились в «умывальнике». Орлов уже растирался полотенцем и что-то бубнил себе под нос. Кто мог его обидеть с утра, было непонятно.

– Чем недовольный? – спросил Магомед. Воду он еще не успел вытереть полотенцем и капли воды текли с бровей, носа, по щекам.

– Письмо получил, – пробормотал Андрей. – Радоваться надо, а я...

– Радуйся! – посоветовал Магомед, заканчивая обтирание. – Он тер голову, которая ходила ходуном под полотенцем. Выпрямился – волосы все еще мокрые. – Радуйся.

– Тебе легко сказать, нашел себе красивую казачку и довольный, – произнес Андрей. – А вот моя девушка написала, что выходит замуж.

Магомед перестал двигаться.

– Эта та, которая нас встретила у тебя в деревне? Настя?

– Да. Дура. Другого нашла.

– И что теперь будешь делать? – спросил Магомед.

– Как что! Завтракать – у нас сегодня праздничный стол: масло ешь, сколько хочешь, мяса – сколько лезет, – мечтательно говорил Андрей, и это на фоне потери любимой выглядело странно.

– Я имею в виду не завтрак, – проговорил Магомед.

– Я тоже имею в виду не Настю, – грустно произнес Андрей. – В мире много красивых девушек, а я один у мамы: переживу.

Сидя в столовой и глядя в глаза Орлова, Магомед думал. Андрей все время смотрел куда-то в сторону, тембр голоса упал, брови опущены. Магомеду хотелось прикоснуться к нему и выразить свое сочувствие.

– Андрей, ты грозился уплетать масло и съесть мясо до отвала, – сказал Магомед, чтобы прощупать состояние его души, – а ничего не поел.

– Что-то аппетит пропал, – отвлеченно произнес Андрей.

– Ты не переживай, я, как обещал, схожу с тобой в воен-
торг.

– Я не об этом, Андрей. Я о тебе.

– Кстати. Какого черта в военторг, – опомнился Андрей. –
Завтра же суббота. Вот я и приглашу девочек на танцы. Хотя
ты не любишь танцы.

Магомед зашевелился.

– Почему? Я люблю танцы.

У Андрея первый раз с утра прорезался смех.

– С каких это пор?

– Прямо с этой минуты.

– Хочешь сказать, что и танцевать научился?

– У меня еще двадцать пять часов времени, парень, – по-
шутил Магомед. – За это время запросто можно «лезгинку»
перекатать в вальс или еще на что-то.

– Зачем? – Андрей оживился. – Знаешь, что сделаем? По-
середине танцев, в самый разгар, я останавливаю музыку и
объявляю конкурс на лучший танец. У тебя с «лезгинкой»
есть все шансы победить и произвести впечатление. И то-
гда... и тогда сердце любой девушки растает как северный
лед. Усёк?

* * *

Вечер начался. Самодеятельная группа, состоящая из кур-
сантов училища, с энтузиазмом заиграли на барабане и гита-

ре, перекрывая шум смеха и громких торжествующих разговоров в заполненном зале. Андрей был в самой гуще событий: он, заливая всех смехом, подходил то к одной группе, то к другой – его стихия. Магомед все еще продолжал стоять возле барной стойки, не решаясь влиться в толпу: локтем упирался в столешницу бара, одна нога согнута в колене и закинута на другую. Он смотрел в зал, вытянув шею, и глазами рыскал по залу, чтобы увидеть ту девушку с военторга. А ее нет, и он заскучал.

– Ты чего здесь стоишь? – услышал он сзади голос друга и вздрогнул.

У Магомеда на лице было растерянное выражение.

– А что делать – ее нет, – с грустью произнес Магомед.

– Плохо смотришь, братец, – сказал Андрей, хватая его за локоть и разворачивая в другую сторону. – Смотри!

Магомед увидел двух улыбающихся девушек в нарядных платьях в дальнем углу зала. Одна из них была та, о которой он думал уже целую неделю, рисуя себе замечательные картины будущего. Его сердце заликовало.

– Как к ней подойти и что сказать, я не знаю, – признался он Андрею.

– Подойди, представься и пригласи на танец, – посоветовал Андрей. – Девушки любят настойчивых и смелых.

Через час Андрей увидел друга в отличном настроении: он стоял там же – возле барной стойки. Андрей пробрался к нему, чтобы поинтересоваться, все ли в порядке.

– Ну, что? – спросил он Магомеда.

Довольная улыбка не собиралась сползать с лица Магомеда – оно торжествовало.

– Все нормально, – выпалил Магомед. – Я познакомился с ней – ее зовут Люба.

– Ты не стой здесь. Не выпускай ее из виду. Находишься рядом. Тут знаешь, сколько здесь охотников за женскими сердцами, тем более за такой красавицей как Люба...

К концу вечера запыхавшийся Андрей еще издали заметил обескураженное лицо друга.

– Что случилось, Магомед, – Андрей смотрел в глаза Магомеда, в которых погас огонь.

– Она ушла, – трагическим голосом проронил Магомед. – Даже не попрощалась.

– Почему? Ты что-нибудь ляпнул не в такт?

– Нет, – отрицательно покачал головой Магомед. – Ничего такого не говорил. Она сказала: «Спасибо, что спасли ребенка из горящего дома». Я удивился: какой пожар, какой ребенок и сказал, что я не спасал никакого ребенка. «Значит, это был не Вы?» – спросила она недоуменно. Я сказал: «Нет». Тогда она отняла руку с моего плеча, позвала свою подругу и ушла. Даже не попрощалась.

– Ну, ты даешь! Ты не мог сказать, что это ты?

– Андрей, ну это же будет обманом.

– Ну и что! Потом бы признался после того, как вы станете друзьями.

– Я так не могу.

– Тогда терпи и страдай, пусть другие вешают на ее уши лапшу. Ты пойми, для девушек главное – романтика. Каждая из них думает, что выберут себе принца из детской сказки. Сама судьба преподнесла тебе фею, а ты все испортил. Ну, сказал бы, что это ты.

Магомед вернулся в казарму убитый, с комком в груди. Андрей пришел позже и был слегка пьян.

Пьянка

Утро. Строй. Капитан Анисимов, заложив руки за спину, шел сначала в один конец строя, затем в другой. Было видно, что он готовится толкать неприятную речь. Но никто, даже прапорщик, не мог знать, что случилось. Он остановился напротив курсанта Жильцова, который единственный носил усы. Это уже не первый раз командир доставал Жильцова по этому поводу.

– Усы сбрить! – зло прокричал он и зашагал дальше до конца строя, потом вернулся обратно к Жильцову и стал смотреть ему в упор. Сегодня командир явно встал не с той ноги.

Смех. Для кого-то разрядка, а для Жильцова очередное испытание: за непослушание могли уволить запросто.

– Никак нет, товарищ капитан, – с гордо поднятой головой ответил Жильцов. – У меня в военном билете фотография с усами.

– Ну, что за маньяк! – не унимался командир. – Ты видел на аллее славы хотя бы одного летчика героя с усами? Ты не хочешь стать героем?

– А Будённый, товарищ капитан?

– Эх, пехота! Слабак. – Капитан продолжал смотреть в упор в глаза Жильцова. – Ну, чего тебе стоит! Сбрей их! И напиши там – «усы».

– Никак нет, товарищ капитан.

Уже никто не мог удержаться от смеха, и даже суровый прапорщик.

Командир молча прошел в середину и встал – все почувствовали, что теперь начнется самое страшное. Кто-то в строю уже чувствовал и знал причину психотерапии, к которой сейчас прибегнет командир.

– Я сейчас вам сообщу новость и вы все у меня заплачете, – произнес капитан с видом отца, который хочет погонять своих сыновей. – Неси сюда! – Он сделал знак дежурному курсанту, который стоял возле столовой в ожидании команды.

На плац перед командиром лег пакет со стеклянными бутылками из-под водки.

– Толбоев, выйти из строя! – приказал командир.

Магомед остолбенел, но, молча, сделал два шага из строя и развернулся.

– Котов, принесите фотоаппарат! – повелел он фотографу на добровольных началах. – Товарищ прапорщик, отдайте эти бутылки ему в руки!

Толбоеву начал доходить смысл затеи.

– А я при чем, товарищ капитан? – возмутился Магомед.

– А при том, что я сейчас тебя сфотографирую с бутылками водки и пошлю твоим родителям с сопроводительным письмом. Ты этого хочешь?

Магомед молчал.

– Я водку не пил и не пью, товарищ капитан, – выдавил Магомед, продолжая стоять, пока не щелкнул фотоаппарат.

– Но ты знаешь, кто вчера пил на территории училища? – спросил командир. – Вы даете себе отчет в том, что находитесь на территории летного военного училища. Это вам не детский сад, а передовой фронт обороны нашей страны, где куются ее лучшие кадры. Водка здесь не пройдет, товарищи курсанты. Толбоев, вы мне так и не ответили на вопрос. Вы знаете, кто вчера после танцев пил водку?

– Да! – честно ответил Магомед.

По сути, за пройденный этап можно было сказать, что коллектив сформировался: все хорошо знали друг друга. Кто на что способен. Ответ Магомеда ошеломил многих, а это со слов командира пахло отчислением прямо сейчас. Среди них был и Орлов. Все сейчас, затаив дыхание, ждали следующего вопроса командира: «Кто?».

Командир приблизился к Магомеду и, глядя в лицо, спросил:

– Кто?

Наступил момент истины. В голове у Магомеда пронеслись тысячи мыслей одна хуже другой. Его лицо побагровело, губы сомкнулись и началась внутренняя борьба. Его поставили перед выбором: либо – либо. Но, сколько бы ни копался Магомед в дебрях своих мыслей, он знал, что ответ лежит наверху: он ни при каких обстоятельствах не стал бы предавать друзей. Не долго думая, он ответил:

– Нет. Я не скажу.

Капитан застыл, затем медленно повернувшись к курсантам, объявил:

– Я сейчас же подам рапорт на отчисление Толбоева и пусть это будет на совести тех, кто это сделал. – Он поднял голову еще выше и скомандовал. – Разойтись!

Все разошлись, а Магомед остался стоять один на плацу как вкопанный. У Орлова от чувства вины отнялась речь, и он тоже ушел. В столовой все «алкоголики» собрались за одним столом, где кроме компота не было ничего – еда не шла в горло. Орлов сжал руку в кулак и ударил об краешек стола:

– Всё! Больше ни капли в рот на территории училища, – грозно произнес и, недолго думая, добавил, – в городе тоже. На дни рождения – торт и песочные пирожные.

– А лимонад можно? – спросил Дмитрий, держа в руке кружку с компотом.

Орлов медленно повернул голову к нему:

– Тебе и компот запрещаю.

Дима изобразил испуганный вид и вернул кружку на стол.

– Хватит шуток, – сказал Орлов. – Сейчас все встаем и идем к начальнику училища. Признаемся и извинимся. Если посчитает нужным, пусть отчисляет. А Магомед один не должен за нас отдуваться. Он же не пил и его не было с нами, хотя ему ничего не стоило защитить свою шкуру – горцы так не поступают.

В кабинете начальника

В кабинете начальника училища была полная тишина, если не учитывать монотонное тиканье громоздких часов, висевших на стене возле знамени части. Генерал, восьмидесяти лет, знаменитый военный летчик, сбивший во время войны не один десяток вражеских самолетов, перелистывал бумаги.

Адъютант вошел и, молча, стал ожидать внимания генерала и, как только он поднял голову, доложил:

– Товарищ генерал, группа курсантов с первого курса просит приема.

– Пусть заходят!

«Алкоголики» зашли тихо один за другим с полуопущенными головами.

– Присаживайтесь, – вежливо предложил генерал, что вызвало у курсантов полное недоумение.

Они протиснулись по левой стороне большого стола под окнами, завешанными дорогими занавесками, и сели, спрятав руки под стол. Стеснительность, вызванная недостойным поступком. Орлов первым нарушил молчание:

– Товарищ генерал, мы...

– Подожди, Орлов, – он поднял руку, – сначала говорить буду я. А где Толбоев?..

– Он в казарме, – ответил Орлов. – Собирает свои вещи.

– Позовите его сюда, – сказал генерал и свел руки вместе,

скрестив пальцы, потом опустил голову до упора глазниц на оттопыренные большие пальцы обеих рук. Седая голова за-светилась, и старческая фигура беспомощно сжалась, свер-кая золотыми погонами.

«Наша судьба в его руках, – подумал Орлов. – Интересно, о чем сейчас он думает: в училище вроде все хорошо, кроме попойки. Может, по дому, по детям или внукам».

Вошел Толбоев – на нем лица нет. Он стал докладывать:

– Товарищ генерал, курсант Толбоев...

– Садитесь! – перебил его генерал, подняв голову.

Магомед сел по другую сторону стола: это означало, что в семье возникла ссора.

Психологический момент, на которое, наверное, началь-ник обратил внимание.

– Я сижу в этом кресле не для того, чтобы проводить свою старость, – начал генерал вкрадчивым голосом, – а для того, чтобы подготавливать стране сто пятьдесят летчиков в год. Не получается, и за это меня часто ругают: стены училища покидают меньше выпускников, чем требуется. Вас сейчас двести двадцать пять человек, а окончат от силы сто трид-цать. Это уже закономерность, с которым я примирился. – Он сделал паузу, налил себе стакан воды из хрустального гра-фина – все услышали, как заурчала струя воды, пригубил и продолжил. – Для того чтобы стать хорошим военным лет-чиком нужны три вещи – высокое мастерство, высокий мо-ральный дух и, – он сделал акцент, – железная дисциплина.

Если тут есть пробел, то лучше не испытывать свою судьбу и отложить свои мечты о небе в сторону, чтобы жизнь ваша не прошла даром.

Толбоев молчал, склонив голову и упершись на побелевшие суставы скрюченных пальцев. Его мысли не хотели уходить за училище. Завеса тумана. Два раза его взгляд пересекался с Орловым. Начальник продолжал тем же тоном:

– Я учился в Тушинском училище и по окончании сразу же – на Балтику, в пятый истребительный полк. Мне повезло воевать рядом с такой легендой, как Костылев Георгий Дмитриевич, героем Советского Союза. Он подбивал вражеские «мессершмидты» пачками за один бой и общее количество составило пятьдесят четыре самолета. Может быть, кто-нибудь из вас читал повесть Николая Чуковского «Балтийское небо». Лунин – это о нем, об асе, для которого небо стало родной стихией: когда он устраивал показательные выступления, мы смотрели на него, как на бога. В бою рядом с ним, все чувствовали себя как за каменной стеной.

Толбоеву показалась интересным рассказ генерала – он чуть приподнял голову, повернув в сторону генерала. За спиной – портрет Ленина и горка со множеством вымпелов, грамот и сувениров. На одной полке – макет истребителя в золотом обрамлении. Он с огорчением подумал, что это его уже не касается.

– Один раз мы взлетели в пасмурный день, – продолжал

генерал, – был густой туман и моросил дождь. Вскоре мы ввязались в бой, фашистов было больше, и они решили атаковать с малой высоты. Я быстро разгадал их замысел и пошел на атаку, но, – он развел руками, – обнаружил, что у меня кончились боеприпасы, и я оказался мишенью – вскоре у меня на хвосте повис противник. И я отчетливо видел, как Костылев бросился наперерез фашисту и услышал, как застрочил его пулемет. Это было высокое мастерство и взаимная выручка. Плененные немецкие летчики признавались: «...русские, несмотря на опасность, всегда помогают поверженному другу уходить, а парашютиста, кружась, сопровождают до земли».

Толбоев расслабился, но не переставал ожидать поворота речи начальника на тех, кто сейчас слушал его, называя имена и поступки. Он скажет: «Уходите, вы не достойны называться советскими летчиками».

– Немного лирики, – продолжал генерал, – шло заседание комиссии по приему Костылева в партию, когда зазвенела сирена тревоги. Он, никому ничего не сказав, сорвался с места, как угорелый, быстро выскочил на полосу и взлетел. Он приземлился через полчаса, и как ни в чем ни бывало, зашел в комнату, где продолжала заседание комиссия и заявил с иронией: «Летают гады, когда надо и не надо. Сбил я его».

Курсанты тихо засмеялись.

– Но с Костылевым случилась неприятность, – сказал генерал. – Когда его отпустили в отпуск, он поехал к матери

в Ленинград и стал свидетелем страшной картины: в полном окружении люди испытывали муки и голодали. Он там, уже Герой Советского Союза, познакомился с одним майором службы тыла. И у него в гостях, увидев роскошный стол с мясом и колбасой, не выдержал: пропустил лишнюю рюмку водки и избил его, пустив в ход табуретку.

Генерал, увидев легкий смешок на губах курсантов, сказал:

– Это не смешно, друзья мои. Он за это поплатился штрафбатом. Он вернулся в строй лишь после наших многочисленных обращений по инстанциям. Всего лишь какое-то мгновение слабости и все коту под хвост – он нарушил дисциплину, которая, как я вам уже сказал, должна быть железной не только в какой-то удобный, выборочный момент, но всегда и несмотря ни на что. – Он смолк. – И только так можно с гордостью носить имя советского летчика. Вы меня понимаете?

Все хором одобрительно:

– Да, товарищ генерал.

* * *

Капитан Анисимов все это время находился в приемной, нервно расхаживая из угла в угол. На лице – мина, готовая взорваться в любой момент. Двери распахнулись и начали появляться головы курсантов. И, судя по выражению их лиц,

он не мог предположить, чем закончилась затянувшаяся беседа у руководителя. Толбоев, который пребывал в полной прострации, вышел последним. Проходя мимо капитана, он сверкнул на него глазами и влился в толпу, которая вскоре исчезла, закрыв за собой двери.

Увидев на его лице капитана растерянность, адъютант спросил:

– Зайдете, товарищ капитан?

– Думаю, товарищ лейтенант, – трагически произнес капитан. – Если я знал, кто пил, а наказал невиновного Толбоева, то, по логике вещей, получается, что он сейчас накажет меня. Зайду, а что делать.

– А по какому вопросу?

Капитан хмыкнул.

– По вопросу пьянства, – укоризненно произнес капитан. – А что, вы не знали?

– Нет, а кто пил?

– Вы не видели этих балбесов, которые, как герои, только что вышли из этого кабинета?

Лейтенант выпучил глаза.

– Это же чрезвычайное происшествие, – странно произнес лейтенант. – Выходит: он их погладил по голове. Я что-то не пойму.

– Я тоже, – солидарно сказал капитан, хватаясь за ручку двери.

Генерал набирал номер телефона, удерживая трубку меж-

ду ухом и приподнятым плечом, а руками ковырялся в документах. Увидев капитана, он отстранил бумаги и повесил трубку на рычаг.

– Я знаю, Николай, какой у тебя вопрос, – произнес генерал. – Почему я их не наказал?

– Ну, да, – стесненно выдавил капитан. – Безнаказанность порождает вседозволенность.

– А ты знаешь, какие бывают самые большие ошибки у человека?

– Поступки, которые они совершают по пьянке?

– Я понимаю тебя: никак из капитанов не выберешься в майоры, – генерал улыбнулся. – Нет! Это ошибки, которые человек уже не может исправить, а рядом нет другого, который бы помог это сделать. – Он замолк и отвел взгляд на большое окно с раздвинутыми шторками, за которым было видно, как на плацу маршируют курсанты, оттачивая строевую подготовку. – Я не зная, что на меня нашло сегодня – слишком много воспоминаний. Я вырос в деревушке на Волге в семье, где было одиннадцать детей, и я был самым старшим. Трудное было время: не доедали, не досыпали, одежды не доставало – все в заплатках, но были счастливые. Однажды в самый разгар сезона ловли рыбы с отцом пошли на пирс рыбачить. К концу дня большой тазик был полон сазанами – отец был радостный. Я все время баловался, несмотря на его замечания, и кончилось тем, что я случайно опрокинул тазик в воду вместе с рыбой. Отец так и стоял, отча-

янно глядя то на меня, то на тазик, которого уносило течение. Он даже словом меня не обидел. Спустя много лет, когда я его об этом спросил, он, знаешь, что мне сказал? Он сказал: «Боль от палки проходит быстро, сынок, а осознание вины залегает в душу на всю жизнь». Он мне тогда позволил осознать эту вину, почему мои маленькие братья и сестры остались без рыбы. Понимаете?

– Да, мудрый был дядя Тимофей.

Генерал достал носовой платок и почистил заслезившиеся глаза.

– Так вот, я сегодня позволил этим курсантам осознать свою вину, – продолжал Григорий Тимофеевич как бы с самим собой. – У каждого у них в руке был свернутый листок: это мог быть или рапорт об отчислении либо рапорт о раскаянии. Скорее всего – рапорт об отчислении, так как, – он демонстративно притянул к себе лист бумаги и, держа пальцами над столом, порвал пополам, – так как вы написали рапорт на курсанта Толбоева, хотя его вины нет. Я увидел их солидарность и то, как зарождается летное братство. – Он сделал паузу. – Я дал им возможность осознать свою вину и уверен, товарищ капитан, что это будет нашим лучшим выпуском училища за все время.

– Откуда у вас такая уверенность?

– Интуиция. Интуиция!

Через несколько дней Магомед по заданию замполита занимался оформлением красного уголка ко дню училища, когда за спиной услышал голос Орлова.

– Магомед, есть две новости... – начал было Орлов, но, видя, как Магомед резко на стуле повернулся к нему, подкачал и чуть не грохнулся со стула, он осекся.

– Оставь меня в покое!.. – громко прокричал Магомед, сверкнув глазами. – Не хочу от тебя ни хорошего, ни плохого. Отстань. – Магомед тяжело переживал то, как он так из-за ничего оказался на грани судьбы. Тяжелый осадок продолжал его мучить. Отношения в группе обострились. Зная это, Андрей предпринимал несколько попыток вернуться в прежний мир, но Магомед был тверд как скала и ушел в себя. Сюда прибавилось еще не начавшееся знакомство с продавщицей военторга.

– Тогда только хорошее, – Андрея не покидало чувство вины перед другом, и он старался растопить лед – тебе не надоело играть в обиды.

Магомед спустился со стула, сделал шаг навстречу Андрею и спросил.

– Ну что ты ко мне пристал? – зло проговорил Магомед. – Новости хорошие, новости плохие. Ты уже сделал один раз хорошее...

– Я видел Любу, – сообщил Андрей, прерывая монолог друга, – я ей сказал, что пожарником был именно ты.

Магомед смяк в одно мгновение, почесал подбородок: в нем вновь забурили чувства.

– И... и что?

– Ничего, – ответил Саша. – Она поверила.

Первое знакомство с самолетом

«Здравствуй, Л-39», – про себя сказал Магомед, изучая и глядя металлическую обшивку учебно-тренировочного самолета. На фюзеляже табличка с надписью: На нем летал летчик-космонавт Комаров.²

Известные имена придавали чувство причастности к космосу. «Но для меня он так далек. Еще не известно – доучусь или нет». У него было необъяснимое чувство: облачиться в металл и покорить воздушную пустоту, летать быстрее и выше всех.

* * *

– Теперь слушайте меня и запоминайте, – начал летный курс капитан Злобин, выпускник училища предыдущих лет, приступая к кропотливой работе по подъему курсантов «на крыло». – Все прыгали с парашютом на базовом аэродроме училища? Довольны?

– Нет, товарищ майор, – сострил Орлов, пытаясь сходу познакомиться с новым командиром. Он шутил без разбора, хотя на этом он обжигался не один раз. Что поделаешь,

² Комаров Владимир Михайлович (1927–1967), летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза (второй раз звание присвоено посмертно). – *Прим. ред.*

человек рожден, чтобы сеять смех и радушие. – Я прыгнул только один раз.

– А почему?

– Парашют не раскрылся.

Лицо офицера вытянулось в недоразумении.

– Запасным приземлился?

– Нет.

В рядах курсантов оживление, готовясь взорваться смехом.

– А как выжил, товарищ курсант?

– Это, что, жизнь, что ли – пить нельзя, кругом колючая проволока, строевой шаг и вечные учения...

Хохот оглушил воздух.

Злобин с непривычки растерялся, но шутку оценил.

– Отставить смех! – скомандовал неискушенный капитан. – Это вам не театр и не кино. – А ты, курсант, зайдешь ко мне после полетов. Мне кажется, тебя надо погладить по голове... Еще вопрос. Катапультирование прошли все. Но этот восторг оставьте лучше в запасе на всю жизнь, потому что после трагического катапультирования карьера летчика заканчивается. Непонятно, почему? Травмы могут быть несовместимы с летными требованиями. Самолет вы должны чувствовать, прислушаться и привыкнуть к шуму двигателя. Облетать его конструкцию, влиться с ним в единое целое и прочувствовать всеми органами то, как он разрезает воздух, таким образом, чтобы вы могли улавливать по его

поведению неисправности, неожиданные нештатные ситуации и мгновенно реагировать. Потерянные секунды могут стоить очень дорого. Запомните: летчик – это особая профессия, самая опасная, самая престижная в нашей стране, потому что в сегодняшней войне решительные действия проходят не на земле, а в воздухе. Поэтому, дорогие мои, прошу отнестись к тренировочным полетам вместе с инструктором очень серьезно. – Он повернул голову и наставил палец на курсанта. – Как фамилия?

– Орлов, товарищ майор, – ответил Андрей.

– Слова на счет серьезности особенно относятся к тебе, артист, – добавил майор. – Есть вопросы?

– Есть, – ответил Орлов. – А почему, товарищ майор, вы так настроены против катапульты. Вот, например, летчик Краснов – тоже майор – спас людей при аварии автомобиля.

Магомед локтем толкнул Андрея, чтобы прекратил комедию. Но это не возымело действия.

– Хм, – хмыкнул майор, – а при чем здесь автомобиль?

– А при том, что майор Краснов любит катапультироваться и однажды, когда ехал в такси, полным пассажирами, предотвратил катастрофу.

– Как это? – недоумевал майор.

– У водителя отказали тормоза и, когда до столкновения с деревом оставались доли секунды, Краснов потянул ручник. Все удивились и благодарные пассажиры спросили: «Как это у вас получилось?». Краснов ответил: «Да у меня рука на-

тренированная: я летчик, а рычаг автомобиля похож на рычаг катапульти».

Все снова засмеялись: им было хорошо с Орловым, потому что он относился к вещам с другой позиции. «Жизнь – это суета, – любил он говорить. – Раз так, то суетиться лучше со смехом, потому что так легче жить».

Отрыв

За день до первого самостоятельного полета Магомед заметил, что Орлов заныл. Они с первого дня в училище были вместе, сдружились и могли узнавать настроение другого по лицу. Он видел, что с ним что-то происходит и решил узнать об этом, наставив на него вопросительный взгляд.

– Чего на меня так смотришь? – спросил Андрей.

– Ты мне не нравишься.

– Я же не баба, чтобы понравиться, – проронил Андрей, залезая в карман за сигаретой. – Ты не замечаешь, что что-то должно произойти? – спросил он, засовывая сигарету в зубы.

– Я вижу: с тобой это уже случилось, – ответил Магомед. – Я тебя никогда не видел таким убитым.

– Завтра у нас первый самостоятельный отрыв без инструктора, друг мой, – пролепетал Андрей, – и завтра все будут смеяться надо мной.

Магомед повернулся к нему. «А завтра все будут смеяться надо мной».

– Да, к сожалению, это правда, – добавил Андрей. Ни в голосе, ни на лице не было иронии.

– Ты можешь по-человечески объяснить, что случилось – я твой язык не понимаю, – открыто сказал Магомед.

– Есть опасения, жгущие меня изнутри.

– Какие?

Андрей встал со скамейки, где они сидели, и швырнул камешек через дорожку в палисадник. «Он за три года учебы сильно окреп», – подумал Магомед, глядя на его высоту с сидящего положения: веса прибавилось, подружился с турником, стал самым успешным курсантом, которого уже прочили в большие генералы.

– Глаза, – громко сказал Андрей, приложив пальцы к глазам. – Они у меня не видят. Я... я не вижу полосу приземления.

Магомед замер.

– Ты же летал, Андрей. Ты же садился.

– Это было с инструктором. Сначала я думал, что это из-за боязни неба, но я не боюсь. Все время думал над этим, и все время боялся приближения этого дня самостоятельного полета.

– А инструктор, что, не видел этого?

– Видел и молчал.

Магомед в недоумении хмыкнул.

– Есть одна притча про слепого, – сказал Андрей. – Рассказать? Может, ты слышал?

К скамейке торопливо приближался Сергей Морозов. В руке у него был железный прибор. Он остановился.

– Ну, давай, – поддержал Магомед. – Сережа, подожди.

– Однажды утром слепой мальчик сидел на улице в тени дерева, положив возле себя пустую шляпу с запиской: «Помогите – я слепой». Элегантно одетый мужчина, увидев

мальчика, подошел и прочитал записку, затем перевернул ее и сделал другую запись. К концу дня, когда он возвращался обратно, он увидел шляпу полную деньгами. Мальчик, интуитивно почувствовав того незнакомца, спросил: «Я вам так благодарен. Что вы написали на бумаге?» Незнакомец написал: «Я знаю, что сегодня весна, но я ее не вижу». – Андрей с минуту молчал. – Я точно также тронул за живое инструктора Суханова. Я написал в его журнале: «Виктор Степанович, я – слепой. Но очень, очень хочу летать». Вместе думали, что все, может быть, наладится, но, увы.

– На, – сказал Сергей и протянул прибор Андрею.

– Что это? – поинтересовался Магомед.

– Полуоптический, полуводяной, полупроводниковый прибор, при помощи которого он собирается посадить самолет на полосу, – сказал Сергей. – Вместе и скрытно разрабатывали. Посмотрим, что получится.

Магомед плохо спал. Утро было прекрасное: чистое небо без облаков и ветра. Счастье омрачал лишь переживания за друга, для которого этот день может быть последним в училище. «Как трудно находим друзей и как легко их теряем...» На летной площадке торжественная обстановка – приехало много гостей и офицеров, в курилке на столике по старому обычаю сигареты «Столичные», дабы соблюсти советские летные традиции: не стричься перед стартом, не ходить вокруг борта против часовой стрелки, избегать тринадцатого числа. «Зачем? Я читал про советскую подлодку за номером

тринадцать – она потопила особо охраняемый немецкий корабль, который перевозил тысячу триста подводников вермахта. Имя капитана забыл. Потом подумая».

Орлов был грустным, его сомкнутые губы и растерянный вид производили жалкое впечатление. Магомед сомневался, взлетит он или нет. И советовать ему, как поступить, он не мог. Было видно, что он в полной прострации ведет внутреннюю борьбу. Сложная ситуация – он, видимо, решил тянуть и оставаться летчиком как можно дольше.

– Орлов! На вылет! – прозвучал голос руководителя полетами.

Орлов вышел из строя и зашагал совсем в том направлении. Он приблизился к начальнику училища.

– Извините, товарищ генерал, – сказал он. – Я не буду летать. Офицеры переглянулись от неожиданности. Наступила тишина.

Генерал всех обвел взглядом, потом выругался себе под нос.

– Почему? Что случилось?

– Я не вижу полосы, товарищ генерал.

Генерал склонил голову с застывшим взглядом.

– А как ты сажал самолет с инструктором? – он перевел взгляд на Суханова и со злостью спросил его. – лейтенант, ты знал об этом?

Суханов медлил с ответом.

– Суханов, я тебя спрашиваю, ты знал, о том, что твой

курсант слепой? – начальник закричал. – Как это он не будет летать! Я на него потратил три года, и он отказывается летать! Курсанта отчислить! Суханова отстранить от работы.

Заведующий кафедрой радиотехники подошел к начальнику и ему на ухо что-то нашептал. Начальник наставил взгляд на Орлова и смяк.

– Что за прибор ты изобрел?

– Это для беспилотной посадки летательных аппаратов.

Лицо начальника посветлело. Он вмиг просчитал перспективу самой идеи.

– Завтра зайдешь ко мне, – сказал он Орлову, потом приказал через плечо. – Суханову написать объяснительное.

– Толбоев, на вылет!

Магомед ловит взглядом Орлова, который собирается покинуть площадку, а может и училище, хочет подойти и обнять его, понимая чувство человека, в котором убили цель всей жизни.

У Магомеда от волнения перехватило дыхание. И он начал сосредотачиваться: главное делать все по инструкции и заповедям. Он, поглаживая рукой обшивку машины, обошел ее по часовой стрелке, поднялся и сел в кабину.

Запустив двигатель, он окинул взглядом кабину изнутри, посмотрел на приборы, бросил взгляд на трибуну и помахал рукой механику: от винта!

Перед стартом от стоянки прислушался к работе двигателя – монотонный гул, готовый взорвать воздух при акселе-

ризации, бросил взгляд на оборудование – всё нормально.

– Разрешите взлет, – голос уверенный. – Начал проверку тормозов, затем отпустил их, одновременно набирая обороты двигателя. Пошла чуть вправо из-за действия воздушного винта – он надавил на руль влево. Линия предварительного старта. Нет помех ни впереди, ни по бокам.

– Разрешите взлет!

– Разрешаю! – прозвучал механический голос командира.

Техник закрывает фонарь и убирает колодки...

Магомед двинул машину метров на пятнадцать, чтобы поставить переднее колесо на линию взлета.

Двигатель загудел, он отпустил тормоза и начался разбег. Скорость 60 км в час. Середина разбега. 90 км час – отрыв. Ручку управления до начала подъема держал в нейтральном положении. 120 км час – ручку управления потянул на себя и оторвал переднее колесо от земли сантиметров на 15 и так держал до полного отрыва.

«Не торопись!» – успокаивал себя Магомед, заглушая волнение.

120 км и полный отрыв. Взгляд на землю.

«Неужели?»

Под ним дороги, поля и люди, как муравьи.

«Я хозяин неба!»

170 км час Высота 500 метров.

«Убрать шасси».

Задание самое простое: совершить самостоятельный по-

лет по кругу. Значит – взлет, набор высоты, разворот, подъем до 500 метров, горизонтальный полет до очередного разворота, далее – снижение и четвертый, самый ответственный разворот, который определяет успешную посадку. Радости нет предела. Он смотрел на поля, разбитые на разноцветные квадратики: зелёные, коричневые, чуть желтоватые – очевидно, цвели какие-то растения. Его поразила удивительная гамма красок лесов и полей.

* * *

«Инструктор что-то говорил мне, объяснял свои действия, а я постоянно смотрел на небо и на землю и сравнивал живительные краски природы, которые открылись передо мной во всём своём многообразии и так взбудоражили моё сознание, что молчаливому восторгу не было предела. Пока меня не возвратила к жизни резкая фраза инструктора: “Держись ровно!”»

Когда этот отрыв состоялся, надо было постоянно смотреть вперёд под определённым углом. Вместо этого я посмотрел вбок, где только и можно было увидеть землю, а затем устремил свой взор вниз, что совершенно нельзя было делать с точки зрения лётной безопасности. Я даже не понимал, что самолётом управляет инструктор, и, как мальчишка, следил за действием, которое разворачивалось внизу. “Где аэродром? Куда надо лететь?”»

Он даже оглянулся – нет ли в задней кабине инструктора и что-то прокричал ему по внутренней связи, чтобы окончательно убедиться, что кабина свободна. На приземлении руководитель полетов: «Магомед, задержи ручку». Понял, что рано радоваться – полет еще не закончен... Наконец, колеса коснулись земли.

Он выполнил контрольный полёт, где должен был производить положенные действия. Но всё внутри его кипело от радости, а, может, и от непонимания того, что происходит. Внутри него творилось что-то невообразимое!

По традиции он после первого вылета «выпал» из кабины в руки товарищей. Его подбросили и несколько раз с размаху стали прикладывать пятой точкой к борту самолета.

Личный состав собирался для торжественного построения. Парни с горящими глазами, полными восторга и счастья, реализовали свою мечту. Кроме одного – Андрея Орлова. Он ушел с опущенной головой и даже не оглянулся.

Когда начались самостоятельные полеты, произошло много незабываемых курьезных событий.

Хороший, плохой сукин сын

Буквально через неделю потерпел крушение и сгорел Ан-

тон Соболев, другой замечательный и отчаянный курсант. Его самолет упал в десяти километрах от аэродрома на опушке лесного массива. Когда команда спасения прибыла к месту катастрофы, самолет догорал, пилот сгорел, не выходя из кабины. От самолета назад шел шлейф оторванных деталей его конструкции. В наступившей тишине прапорщик, снимая головной убор, в глубокой скорби выронил: «Прощай, Антон – ты был лучший сукин сын». В коллективе первая потеря и траур: на тумбочке курсанта Соболева стоит фотография в черном обрамлении и такого же цвета ленте. Смех и шутки в казарме исчезли, задумчивость бросается в глаза на лицах сразу повзрослевших начинающих летчиков: каждый понимал, что на его месте мог быть любой из них. Скрепя сердцем, многие стали осознавать, что небо таит в себе не только романтику, но и опасность. Но никто не вздрогнул – полеты продолжались с такой же интенсивностью. О причинах аварии пока никто ничего не знал.

Через два дня из окна учебного класса преподаватель заметил на плацу человека в летной оборванной в клочья форме. Он заметно прихрамывал. Офицер вытянул шею, затем подошел к окну и тихо пробормотал:

– Соболев, что ли...

Весь класс выбежал на плац. У Андрея на щеке было рассечение с иссохшей кровью, под глазами синяки, вид помятый, а на лице виноватая улыбка. Травмированы руки, плечи и голова. Один день он пролежал в амбулатории близлежа-

щего поселка, потом сбежал.

Андрей рассказал, как у него на высоте 500 метров отказал двигатель и загорелся в воздухе. После жесткой посадки он долго не мог выбраться из кабины, а огонь уже охватывал его со спины и, сделав последние усилия, выполз как улитка и упал на землю. До взрыва горящего самолета ему удалось отползти за деревья. Он в ступоре наблюдал между стволами берез за эвакуацией самолета, но, будучи в шоке, не смог издать ни единого звука. Прапорщик не выдержал и обнял Андрея первым со словами: «Я знал, что ты самый плохой сукин сын».

Беломорканал

Гена Ткач тоже учудил. Его позывной был «Беломор». В полете впервые справился со штопором, в голове у него все спуталось и, потеряв пространственную ориентацию, стал кричать в радиопередатчик: «Беломорканал, Беломорканал, дайте курс». Это стало анекдотом в части и эта кличка прикрепились к нему.

Прихвостень

А Сергей Лукин, взлетев по программе облетов, вернулся не один – за ним мирно прилетел и приземлился Ан-2 с пассажирами на борту. В диспетчерском пункте разразил-

ся скандал. Выяснилось: после удачного выполнения задания Сергей возвращался на аэродром, его полет проходил рядом с воздушным коридором, где он догнал Ан-2. Он решил повыпендриваться и показать себя: сел ему на хвост, чуждя со скоростью. Поэтому самолет то опускался, то поднимался, но всеми силами держался на хвосте. Удовлетворив свои детские амбиции, он оставил «кукурузник» и стал возвращаться на свой аэродром. Но в один момент он обнаружил, что теперь уже «кукурузник» сидел у него на хвосте. Он испугался не на шутку и пошел на снижение, «кукурузник» тоже. Он сел на аэродром и направил машину на стоянку. «Кукурузник» тоже. Сергей понимал всю трагичность ситуации и испугался, что пилот может быть психом и драки не избежать. Ошарашенный руководитель полетов выслушивал аргументы летчика «кукурузника»: «Он долго заигрывался у меня на хвосте, потом вылетел вперед меня, помахал крыльями и улетел влево». Это на летном языке означает: «Следуй за мной». «И я пошел за ним, – рассерженно прокричал пилот, – а ему, видите ли, захотелось поиграться со мной. Идиот».

Залп по коровам

Гена Видяев отличился во время боевых стрельб. При выполнении маневра и стрельбы по наземным целям при пикировании преждевременно откинул предохранительную

планку и дал залповый огонь из всех орудий. Трассеры быстро нашли цели на колхозном поле, где мирно пощипывало траву многочисленное стадо коров. Дремлющие пастухи пришли в себя мгновенно. Они – в шоке и не поймут, что происходит – война давно отгремела. а тут... несколько колхозных воров были рассечены в клочья. Курсант в результате переговоров по взаимозачету потерь с колхозом избежал наказания, зато в течение целого месяца мяса в столовой было вдоволь. К тому же, все наглядно усвоили один урок: предохранительную скобу снимать только на боевом курсе и только находясь в устойчивом пикировании.

Выпуск из училища

День выпуска из училища наступил незаметно и стал большим праздником. Погода ясная, такая же, как когда сюда шагнул в первый раз. Позади четыре года учебы. В проведении этого мероприятия принимал участие весь личный состав: курсанты, в заранее приготовленной офицерской парадной форме, выстроились перед зданием штаба училища. Знаменная группа под звуки духового оркестра вынесли знамя. Среди них и прапорщик, который с трудом держит шаг: он заметно постарел за эти годы. Столько нервов и потрясений, чтобы выполнить долг – обучить, воспитать, закалить и выпустить в свободный полет следующую сотню курсантов.

Соколов локтем поддел Магомеда и, продолжая держать голову смирно, шепотом произнес:

– У меня такое чувство, сейчас что-то будет. Посмотри на прапорщика.

Прапорщик шел изо всех сил, с трудом держа строевой шаг. Его парадный кортик болтался в ножнах, видимо, коническая латунная втулка выскочила из замка. Он на эту мелочь не обращает внимания. Разворот и стоп напротив начальника. Он для чести неуклюже подносит правую руку к виску, задевает кепку, она падает, и он делает резкое движение, чтобы подхватить ее и наклоняется. Как он ни старался, в следующую секунду все его доблести – клинок и фуражка

– оказались на плацу у его ног.

Генерал принял его доклад, не обратив внимания на маленький курьез, зато рассмешил новоиспеченный лейтенантский корпус.

Затем зачитали приказ Министра обороны о присвоении офицерского звания, и начальник училища вручил каждому выпускнику диплом. После этого молодые лейтенанты последний раз прошли торжественным маршем перед руководящим составом училища. День выпуска закончился праздничным обедом. А утром следующего дня у всех на лицах грусть и досада от осознания того, что вместе со звездами на погонах пришла взрослая самостоятельная жизнь. Все разбегутся по строевым частям необъятной страны, чтобы с достоинством подменить уходящее поколение летчиков. Преемственность поколений. Прощание с друзьями, учителями, может быть, навсегда. Целый день перед глазами Магомеда маячил образ Орлова, вместе с которым три года мечтал об этом дне. Было досадно, что для него этот день настал, а для Орлова остался несбывшейся мечтой детства. «Интересно, где он, увидимся ли еще когда-нибудь», – думал Магомед.

Последние напутственные слова: «Помните нас, дорогие мои, – тех, кто дал вам ключи от неба и берегите честь нашего училища. Вы не знали – мы научили, вы не хотели – мы заставили, чтобы вы стали достойным пополнением золотого фонда авиации страны. И мы не забудем вас».

Немного грустно, немного досадно, что все так быстро

пролетело, потому что каждый по прошествии многих лет скажет: «Это были лучшие годы нашей жизни».

Строевая часть

Направление в Одесскую пятую воздушную армию. В полку приняли хорошо и разместили в семейном общежитии. Тепло, уютно, красиво. За новое пополнение взялись строго и профессионально: командир дал распоряжение не включать в наряды и не отвлекать на разные мероприятия. Все внимание – на летную подготовку. Микроклимат в коллективе хороший, хотя все ново – и самолеты и район полетов, зато коллектив хороший, все старшие командиры вели себя как наставники. Была надежда на то, что новую программу освоят быстро. Она включала в себя полеты на предельно малой высоте, на сверхзвуке, воздушный бой с имитацией уничтожения истребителя противника, дежурство в системе ПВО, полеты на воздушную разведку. Нанесение бомбовых ударов, отработка наземных целей. Сложная программа. Все началось с изучения района предстоящих полетов. В полку заметили Ейскую молодую эскадрилью, которая летала как одержимая, а, вернувшись с полета, высокомерно и задорно улыбалась. Через месяц начали летать в парах и в рекордные сроки прошли программу подготовки на второй класс.

Не все было гладко, бывали и неприятные моменты, когда в полете ни с того, ни сего останавливался двигатель, отказывала гидравлическая система, что вызывало потерю управления самолетом. К особым случаям относятся поломка ге-

нератора, компаса радиосвязи и попадание в опасные метеос- условия с грозой и обледенением. А иллюзия, которая имеет свойство появляться при полетах в облаках в дневное время, как необычное воздействие воздушной среды на человека, в результате которого он перестает доверять показаниям при- боров? Заповедь: «Пилотируй только по приборам».

Руководство полка незначительные ошибки молодых лет- чиков оставляло без внимания, но время шло, менялись ма- шины, люди и «молодежь» втягивалась в армейские будни год за годом, не замечая, как они постепенно теряли статус молодых. Со временем росла требовательность и ответствен- ность самих летчиков.

* * *

Мечта о космосе никогда не покидало Магомед, и это чувство обострялось в нем в моменты, когда по телеviso- ру сообщалось об очередном полете советских космонавтов. Он отчетливо понимал, что в отряд космонавтов не попадает никто, не пройдя этап летчика-испытателя. Но дорога была закрытой по разным причинам. Он писал заявление за заяв- лением в летний институт с просьбой принять в коллектив, но ответ во всех случаях был один: «Пока не имеем возмож- ности».

Железные нервы

И вот в один из ясных дней осени в полк прибыла делегация конструкторского бюро Сухого. Они хотели, чтобы летчики продемонстрировали полеты на максимальных режимах. Бесперывный взлет и посадка самолетов подняли градус напряженности на аэродроме. В послеобеденное время Магомед выполнил программу проверки нового устройства и шел на посадку, имея в баках 500 литров керосина.

– Готов к посадке, – на диспетчерском пункте прозвучал голос Магомеда, – хорошо вижу полосу.

Вдруг Магомед слышит голос друга Стаса.

– Магомед, я сзади тебя километров шесть. Уступи, пожалуйста, иду на аварийную посадку. Топливо на нуле.

Магомед никогда ни в чем не отказывал, когда просили коллеги по работе: значит надо. И он, не колеблясь, освободил для Стаса коридор, и он наблюдал, как он пошел на посадку в самом начале бетонки, хотя мог дать шанс другому, пролетев еще метров двести-триста. Руководитель полетов:

– Магомед, уходи на полкруга.

Глаза прикованы к топливному указателю. Двести литров на прямом маршруте вполне достаточно для приземления. Но, увы! Станным образом стрелка уровня топлива пошла на нуль. Магомед приблизился к бетонке и решил впервые попробовать «короткую посадку», о которой так много слы-

шал и которой все боялись. Он все внимание сосредоточил на расстоянии до земли – мозг, как счетчик, отсчитывал метры, чтобы выпустить тормозной парашют. Нервы и внимание на пределе. На диспетчерском пункте полный ступор и все наблюдали, затаив дыхание.

«Скорость нельзя терять, – думал Магомед, – и надо висеть в воздухе как можно дольше». Его рука быстрыми, но уверенными движениями оперировала с силовыми механизмами. Главное – не упасть. В следующую секунду он шестым чувством, наработанным инстинктом, почувствовал что-то неладное, поднял взгляд – и оцепенел: по сторонам от кабины над его головой висели шасси другого самолета. Магомед на мгновение растерялся, но быстро интуитивно сообразил, что надо принять влево на запасную полосу, потому что дотянуть до первых плит уже не получится.

Ему удастся опустить машину на носовое колесо по слишком крутой глиссаде, – тормоза и тут же убрал закрылки. И вот она – «короткая посадка», при которой время сжалось или растянулось на порядок дольше. Магомед почувствовал, как пот потек по спине, нервы отпустили дыхание. Он приходил в себя еще минуту, потом выбрался из кабины, и ему так захотелось узнать этого самоубийцу.

С диспетчерского пункта, молча следили за тем, что может произойти на площадке.

Магомед размеренной походкой, размахивая шлем-маской, приближался к бедолаге летчику тяжелого «Су», кото-

рый растерянно расхаживал вокруг самолета: он знал, что ему попадет – если не от Магомеда, то от начальства точно.

– Ты что наделал? – процедил Магомед. – Ты меня чуть не убил.

Летчик молчал, слова не выходили с уст от волнения и осознания того, что случилось.

– Извини, брат, – пробормотал он. – Я сам не пойму от чего фонарь сорвался...

– При чем здесь фонарь? Ты что, никогда не учился летать без фонаря?

От дальнейшего разбирательства Магомед удержался, храня на лице свирепый взгляд: что толку, если в человека вселяется страх, то ничего хорошего не жди. На диспетчерском пункте, когда туда зашел Магомед, стояла гробовая тишина. Диспетчер открывал ладони и закрывал, как будто разговаривал сам с собой.

– Вы не видели? – со злостью спросил Магомед. – Я был на грани катастрофы.

Руководитель полетов что-то бубнил себе под нос и не мог от шока объяснить вразумительное: мастерство летчика и искусная посадка самолета спасли его от тюрьмы.

– Спасибо, Магомед, – наконец, проронил он. – Я не знаю, что бы мы сейчас делали, окажись на твоём месте кто-нибудь другой.

Только представители КБ Сухого были в восторге от увиденного.

– Можете, товарищ лейтенант, сейчас же написать заявление на летчика-испытателя: мы вас принимаем на работу. Железные нервы.

– Просто повезло, – произнес Магомед.

– Легко сказать, да еще при такой капризной погоде, – подтвердил свои слова представитель КБ.

* * *

Командир части долго рассматривал заявление Магомеда на увольнение в связи с переходом в часть летчиков-испытателей.

– Не подпишу, – произнес он строгим военным голосом. – Ты мне нужен здесь.

– Товарищ полковник, – начал говорить Магомед вкрадчивым голосом, – вы же мне подписывали прошлый раз.

– В прошлый раз я знал, что выше меня у тебя шансов нет.

– А сейчас у меня есть шансы? – с нотками гордости произнес Магомед.

Полковник улыбнулся и ничего не сказал.

Перед Магомедом встал непреодолимый вопрос: как уволиться из Советской Армии? Он много думал, но решение пришло само по себе.

В Западной группе войск шли учения по спасению летчика после катапультирования, отработывалось взаимодействие местных властей и спасательных служб 17-ой воздуш-

ной армии советских войск в Германии. После прыжка с парашютом из-за сильного ветра Магомед оказался далеко от намеченного места приземления. Он собрал парашют и осмотрелся – странное и охраняемое место. Прибегает сержант и спрашивает:

– Как вы здесь оказались?

– С неба, – с иронией ответил Магомед, – ты не видел?

Сержант поднял голову к небу, потом помотал головой.

– Вам нельзя здесь находиться. Это зона отдыха высокопоставленных лиц Варшавского Договора.

Магомед с минуту молчал, думая: «Что могло быть, если бы я попал прямо к ним».

– Интересно, кого я мог разгневаться, если бы я приземлился прямо к их обеденному столу? – спросил Магомед.

– Генерал-полковника Танкаева, – ответил сержант, затем увидев погоны летчика, добавил, – заместитель командующего объединенных сил Варшавского Договора, товарищ майор.

– Что? – Магомед остолбенел. Он издали слышал гул приближающегося УАЗика, видимо, из службы спасения. – Ты уверен, что там Танкаев?

– Да, – ответил солдат. – Там еще много генералов.

УАЗик остановился у ног Магомеда. Оттуда выпрыгнул запыхавшийся начальник службы спасения подполковник Романов. Увидев озадаченное лицо Магомеда, он спросил:

– Что случилось? Все нормально?

Магомед перевел взгляд с сержанта на подполковника.

– Ты езжай, Саша, – сказал Магомед. – Я остаюсь.

Романов удивился и поднял одну бровь.

– Как это, остаешься?

– Здесь Танкаев, я попытаюсь попасть к нему.

Романов округлил глаза.

– И не вздумай.

– Почему?

– Я точно могу сказать, что тебя за это по голове не погладят – у этого генерала тяжелый нрав. Он хоть твой земляк – как минимум – арест и гауптвахта. Ты этого хочешь?

– Попробую.

– Смотри, потом не жалуйся – я тебя предупредил.

Магомед обратился к сержанту:

– Отпуск хочешь?

Сержант зашевелился, на губах появилась улыбка.

– Кто не хочет в отпуск! – радостно сообщил сержант.

– Тогда, давай завязывай мне руки на спине и доставь туда. Скажешь – поймал шпиона.

Романов засмеялся.

– Ты хочешь и сержанта с собой на губу? – сказал Романов.

– Ладно... Вы как хотите, а мне по службе. – Он прыгну в машину и укатил прочь.

Сержант стоял и долго не решался.

– Товарищ майор, а зачем вам это надо? – наконец заго-

ворил он.

Магомед рассказал ему о своей проблеме по переходу в школу летчиков-испытателей: словно чувствовал, что это шанс, спущенный с небес вместе с парашютом.

Сержант сочувственно улыбнулся:

– А когда станете космонавтом, вы меня хоть вспомните?

– Конечно.

* * *

За низкими железными воротами зеленого цвета с гравированными звездами посередине узкая асфальтированная дорожка петляла между деревьями. Погода прекрасная с легким ветерком. На душе Магомеда клубок сомнений: «как я предстану перед генералами?». Личное обращение не по Уставу. По мере того как расстояние до беседки сокращалось, уверенность Магомеда таяла, как весенний снег с горных вершин.

Сержант шел впереди. С беседки слышны громкие голоса и смех – среди них, наверное, и голос Танкаева с аварским акцентом. Угол здания, центральный вход и вот она беседка, где «тусуются» генералы вокруг самовара. Их первая реакция на неожиданное появление незнакомого летчика в летной форме – все оглянулись, Танкаев с тремя золотыми звездами на погонах в одну линию отложил чашку и повернул голову, поймав в фокус лицо с кавказской внешностью.

– Товарищ генерал, – начал сержант докладывать с вытянутой ладонью у виска, – разрешите вам представить...

Танкаев махнул рукой и остановил монолог сержанта.

– Кто такой? – спросил он, наставив на летчика суровый взгляд. – И что привело вас ко мне?

Магомед отдал честь.

– Майор авиационного полка Магомед Толбоев.

– Дагестанец?

– Так точно.

– Откуда именно?

– Согратль. Гунибский район.

Генерал Виноградов, его заместитель, сидевший рядом с ним, заёрзал на стуле.

Черты лица Танкаева смягчились, и он предложил ему к столу за чай. Виноградов продолжал странно смотреть на летчика, желая что-то спросить у него.

– Не может быть, – проронил он, – ну этого просто не может быть, – продолжал он изливать пророчества.

Танкаева начало мучить любопытство.

– Ты о чем, Виктор Сергеевич?

Виноградов проглотил комок. Толбоев – в полной про-
страции и не понимает, что происходит. Виноградов закрыл
глаза и прикрыл их ладонью – он усиленно что-то воспомина-
ет, затем, отняв руку от глаз, спросил Толбоева.

– В тысяча девятьсот шестьдесят третьем году, в октябре
месяце, на окраине вашего села садился кукурузник?

Глаза у Толбоева загорелись и он вспомнил. Дальше все происходило без инсценировки по ходу чувств и памяти.

Танкаев с открытым ртом наблюдал, как его взрослый коллега, пошатываясь, встал из-за стола и направился к молодому летчику с распростертыми объятиями, абсолютно уверенный в том, что не ошибся – перед ним стоял тот мальчик из прошлого, которого еле сдерживал от самолета, когда он работал в Дагестане. Старый генерал обнял молодого летчика как сына.

У сержанта замерло дыхание, жена Танкаева, которая наливала чай в чашку, остановилась, наставив непонятный взгляд на мужа, у других присутствующих за столом в голове пронесся вихрь мыслей и догадок.

Успокоившись, Виноградов в деталях рассказал о его встрече с мальчиком из Согратля, которому помахал крыльями самолета, и о том, что эта картина часто всплывала в его памяти, и хотелось даже поинтересоваться о судьбе этого мальчика. Все потому, что у него не было сомнений в том, что мальчик за взмахом крыла потянется в авиацию. Так и случилось.

* * *

Покидая зону отдыха высокого начальства, Магомед радовался как ребенок счастливому повороту судьбы.

Командир части, подписывая заявление Магомеда на

увольнение, чтобы следом поступить в Летный институт испытателей, спросил в недоумении:

– Кем тебе приходится Виноградов?

– Настоящим командиром Советской Армии, – с сарказмом произнес Магомед.

– А если серьезно?

– А если серьезно – человеком, который оставляет после себя хорошие дела.

Командир части больше не задал вопроса, хотя так и не понял, кем приходится русский генерал Виноградов Сергей аварцу майору Толбоеву Магомеду.

Часть III

Байконур

Чем ближе подлетал Магомед к Байконуру, тем больше рокотало в нем волнение. Гул двигателей МиГ-25 убаюкивал, и было чувство дерзкой мощи: истребитель поддавался любой команде. За спиной десять лет летного стажа. Вот-вот в суровой казахской пустыне Кызылкум на округлившимся горизонте Земли зарисуетя Байконур, откуда в далеком 1961-м стартовал первый космонавт планеты Юрий Гагарин. Ощущение причастности к программе «Энергия – Буран» придавало чувство гордости и внутреннего удовлетворения: цель близка, и он через, может быть, год взлетит в космос командиром корабля «Буран». Мечта детства и всей жизни. И вот, через несколько минут, он идет на снижение на широкую взлетно-посадочную полосу, специально построенную для «Бурана», длиной 4,5 км и шириной 85 метров. Теперь предстоят интенсивные тренировки по сопровождению Ту-154, имитирующего «Буран».

Дежурный или комендант в гражданской форме, который представился Владимиром, вежливо и с улыбкой встретил Магомеда, потом провел его в гостиницу – простое убранство, кровать, тумбочка.

– Ну, как впечатления? – спросил он. – Как посадка? Понравилась взлетно-посадочная полоса?

– Классно.

– Еще бы, – сказал Владимир, – руководитель проекта Глеб Лозино-Лозинский лично принимал полосу. Проверять качество покрытия он весьма необычным способом: на приборную панель служебной «Волги» ставил стакан с водой. Машина разгонялась до скорости 100 километров в час, и в том месте, где вода проливалась, бетонные плиты фрезеровали до абсолютно ровного состояния. Любая извилина представляет опасность для «Бурана» – у него высокая скорость посадки.

– Мне понравилось, – ответил Магомед, разглаживая шерстяной плед на кровати. – Далековато, правда.

– Ничего не поделаешь. Было бы хорошо, конечно, если бы комиссия в то время поддержала твою родину – Дагестан, как место для космодрома.

– Разве? – удивился Магомед. – Я даже не знал об этом.

– Было, было. А здесь с точки зрения климата этот район для стартов ракет благоприятен – более трехсот солнечных дней в году, осадков почти нет, низкая влажность, короткая зима. Но для людей это ужасно. Летом жара до сорока пяти градусов, зимой сорок градусов мороза. Летом песчаные сушеи, зимой снежные бураны. Грунты засоленные, подземные воды агрессивные...

– А как вы узнали, что я с Дагестана? – спросил Магомед.

– Я присутствовал на беседе вашего командира Волка с генералом Максимовым, начальником Главного управления космических сил, – начал Владимир. – Когда он спросил, на кого из твоей команды можно положиться при сопровождении «Бурана», Волк, не раздумывая ни секунды, ответил: «На Толбоева». Максимов некоторое время молчал, а потом спросил: «Почему так сразу именно Толбоев?». Волк с присущим ему искренностью заявил: «Товарищ генерал армии, Толбоев – один из лучших советских летчиков-испытателей: у него самая высокая результативность перехватов – девять из десяти». – Владимир с неподдельным интересом продолжал смотреть на Магомед. – У меня особенное отношение к спецам своего дела, Магомед.

– Приятно слышать, – произнес Магомед. – Спасибо за комплимент.

– Знаешь сколько здесь элиты приехало – тысячи: от генералов до секретарей ЦК. С ними запросто можно столкнуться лицом к лицу прямо в столовой. Здесь статус должности не имеет значения – было бы и в жизни так. В монтажно-испытательном корпусе работают две тысячи человек. Хм... Размеры корпуса впечатляют. Двести сорок на сто девяносто метров с высотой сорок семь метров. Имеется также уникальное здание стенда для динамических испытаний ракетносителя высотой сто метров... Казарма для системы «Энергия – Буран» рассчитана на двадцать тысяч постоянно проживающих и приезжающих в командировки на годы впе-

ред. Для приема самолетов «Антей» с «Бураном» на загрузке и посадок «Бурана» построена взлетно-посадочная полоса длиной четыре целых шестьдесят пять сотых километра, шириной восемьдесят четыре метра и толщиной покрытия ноль целых пять десятых метра. Люди добираются из Ленинска до «Центра» космодрома на пригородном поезде, который тут называют мотовозом. Но для поездки нужно иметь пропуск... Вот вам пропуск.

– Для чего все это мне рассказываете?

– Как же! Гласность и перестройка, – с сарказмом добавил Владимир. – Я тут раньше боялся лишней раз высовываться, а теперь хожу с фотоаппаратом. Никаких секретов. Ох. Не случайно случаются случайности. Не знаю радоваться или огорчаться. Вообще, друг, меня приставили к тебе – за тебя отвечаю головой.

Магомед хранил молчание.

– Не догадываешься, почему?

– Хм. Догадываюсь, – сказал Магомед. – Я еще перед вылетом от Шеффера получил подробный инструктаж. – Он улыбнулся.

– Вот и хорошо, – сказал Владимир. – Ваш отряд преследует злой рок, – более серьезным тоном добавил его собеседник. – Так что твоя безопасность стоит на повестке дня неслучайно. – Он отвернулся. – Я входил в состав комиссии по расследованию катастрофы двух летчиков – Кононенко и Букреева. Официальная версия одна. А на самом деле со-

всем другое.

Магомед насторожился. – Что вы имеете в виду?

– Хм... Сказали: «Человеческий фактор», – с горечью произнес Владимир. – Попробуй, докажи обратное.

– А у вас другое мнение? – спросил Магомед.

Владимир медлил с ответом – от волнения он что-то жевал, сомкнув губы.

– Я тебе верю, Магомед и доверяю, – сказал Владимир, глядя в глаза. – И я не собираюсь молчать и забирать мое знание в могилу. Это было убийство. – Он смолк и, ожидая реакции Магомеда, впился в него глазами. – Это была диверсия.

Магомед на секунду вспомнил жену, детей. Он встряхнул голову и вернулся к Владимиру.

– Что я должен делать, Владимир? – спросил Магомед. Он был старше лет на пять или шесть, он не назвал свое отчество. Простая фамильярность, но важная, когда разговариваешь с незнакомым человеком. Интеллигентная внешность внушает доверие.

– Спать, – коротко произнес Владимир. – Пока отдохайте. Тренировки с Ту-154-ым, имитирующим «Буран», начнем завтра. До свидания. – Он отвернулся, чтобы выйти из комнаты.

– А вы кем работаете?

– Моя фамилия Волоконский. Работаю в ЦУПе и уже как месяц живу на полигоне. Готовим корабль по системе Мина-

виапрома. – Он, наконец, ушел, тихо закрыв за собой дверь.

«Да, интересный и общительный мужик», – подумал Магомед, откидываясь на кровать и прикладывая голову к мягкой подушке – глаза медленно ушли в сон, а мозг продолжал думать, что же это за диверсия... Через минуту его черты – волевой подбородок, выступающие скулы, ровные надбровные дуги – застыли. Он уснул, и выпуклая грудная клетка стала вздыматься и опускаться в такт дыханию натренированных легких, как гладиатор накануне смертельного сражения.

Первая попытка

29 октября 1988 года. Суббота. Стоит прекрасная погода как в сказке – огненное яркое притягивающее солнце, безоблачное голубое заманивающее небо. Ветерок легкий, ласковый. Идеальные условия для выполнения задания против допустимых: высота нижней границы облачности – 200 метров, дальность видимости не менее 2000 метров, и отсутствие облачности на высотах более 1000 метров. На горизонте виднеется стартовый комплекс, который пока держит «Буран» в уздах, но тот через час растворится в синеве неба, оставив на земле облака ядовитого газа и тысячи людей, сделавших все, что от них зависит для его отрыва от притяжения земли. Магомеду хотелось быть там – внутри за пультом управления ракетой и сказать гагаринские «Поехали!» и внести свою лепту в космическую эпопею, но это лишь вопрос времени. И то, случится это или нет, полностью зависит от сегодняшнего дня. Оптико-телевизионное сопровождение объекта на старте – важное технологическое мероприятие: надо зафиксировать отстыковку четырех пусковых двигателей, чтобы сделать их многоразовыми. «Только в этом случае наш корабль будет иметь преимущество перед конкурентами и будет экономически целесообразным», – слова Председателя комиссии Бакланова.

В 9.00 на площадке появляется мотовоз со специалиста-

ми из Ленинска. Построение боевого расчета и короткие инструкции. Основной расчет по запуску уже на местах с приборами, отвертками.

В 10.00 – на площадке полная тишина. Владимир в 12 километрах от стартовой площадки, вооружившись биноклем, укрылся в щель. Строго в расчетное время на глазах тысячи людей оторвался от земли самолет Магомеда. Такое ощущение, как будто это его день и его полет. Владимир переводит взгляд на стартовую площадку – полная тишина. Он опускает бинокли и говорит соседу, прапорщику Седышеву:

– Всё. Приехали. Наверное, отбой.

Все сомнения Владимира ушли прочь, когда на горизонте появился самолет Магомеда, который шел на посадку. Он вбегает в аппаратную, связывается со старшим оператором РП и слышит в микрофон:

– Всё, Володя, на сегодня отбой.

Владимир заныл – столько чувств, столько переживаний и ожидания чуда. Он сел на автобус и, молча, уехал в Ленинск. Проходя по улице, он краем уха слышал разговоры людей – все говорили об отказе запуска: «Этот Горбач³ со своей перестройкой до добра не доведет». Он оглянулся – за ним следом шли рабочие с рулонами проводов, накинутыми на плечи. «Черт знает что. Может и правда, диверсия. Максимову – конец. Надо еще поболтать с Магомедом – хороший, доб-

³ Имеется в виду Горбачев Михаил Сергеевич, генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985–1991 гг., президент СССР в 1990–1991 гг. – *Прим. ред.*

рый, отзывчивый парень, и где-то лежит грань, за которой все это монолитом превращается в воинственность. А какой летчик! Это моя страна – в ней живут много разных людей и народов. Я люблю их всех. Мы делаем общее дело».

* * *

Магомед вечером после ужина играл бильярд с новым знакомым, тоже приводил свои чувства в порядок после срыва. Отказ от запуска на всех повлиял. Люди мрачные, с траурными лицами, мало разговаривают, мало смеются. Но Владимир, похоже, быстро пришел в себя: сильные люди имеют дополнительные источники энергии.

– Магомед, тебе на этот раз надо сдаться и признать поражение, – с улыбкой предложил Владимир.

– Ни за что! – ответил Магомед. Он, вытянувшись над столом, прицеливался в центральный шар. – Пока я впереди, но этот удар будет решающим, Володя...

После игры они ушли в кафе, заказали кофе.

– Как вел себя самолет? – Спросил Владимир. – Все штатно?

– Нет, – отрицательно покачал голову Магомед. – Я почувствовал провал в доли секунды. И я отметил это в бортовой книге.

Владимир задумался.

– Здесь работает группа программистов из бюро Пилюги-

на. Завтра попрошу, чтобы проверили программы на самолете. – Владимир смотрел прямо в глаза – признак прямолинейности. – Там работает один корифей твоего возраста. Парень просто молодец. Это он будет сажать «Буран» в беспилотном режиме. Это он проверял корабль после срыва запуска. Знаешь, что он сказал? Было вмешательство в программу. Как? Кто? Зачем? Много вопросов – ответ один: есть силы, которые не хотят отпустить «Буран» в небо. Спасибо Андрею – он вовремя остановил подъем ракеты. Вовремя. А то можешь представить величину разрушений и количество жертв?

– Да. Представляю.

– Опять говорят, что это случайность, – продолжил Владимир. – Случайности бывают не случайно, Магомед. И ты не знаешь, сколько потребовалось усилий Бакланову, чтобы убедить госкомиссию, что «Буран» надо посадить, а не сбросить в Тихий океан. Это политика, Магомед. Там что-то не так. Я хочу, чтобы ты знал величие момента – мы должны его посадить и утереть нос всем, кто против «Бурана». Это будет свидетельствовать о том, что мы в космосе впереди планеты всей лет на десять, а то и больше. Ты понимаешь?

– Конечно, понимаю.

Неожиданная встреча

На следующий день Магомед вместе с механиком работал на площадке. Он еще издали узнал Владимира с техником, который нес чемодан с приборами. В тот же момент он заметил, как мужчина в гражданской форме бегом вырвался из дверей здания и устремился по направлению к самолету. Магомед насторожился. Через несколько секунд незнакомец обогнал Владимира и стал приближаться к нему. Стоп! Знакомое лицо. Боже мой! Это же Орлов. Магомед сделал несколько шагов навстречу и обнял его.

– Глазам не верю, – сказал Магомед, оттолкнув от себя друга на вытянутые руки. – Орлов! Ты откуда свалился?

Владимир дошел до Магомеда и странно стал наблюдать за трогательной сценой – как будто обнимались два фронтовика.

– Вы что знакомы? – Спросил Владимир Андрея Орлова в недоумении.

– Конечно. Ейское летное училище, – сказал Орлов с гордостью. – Когда я слышал фамилию Магомеда, не придавал никакого значения, только потом постепенно стало доходить... Голова забита с этой аварией.

– Магомед, это я о нем тебе рассказывал, – вмешался Владимир, тронутый отношениями однокурсников. – У вас, наконец, есть что вспомнить – поселю я вас в одну комнату.

К вечеру, вернувшись в свой номер, Магомед заметил на соседней койке чужой саквояж. «Андрей был здесь», – подумал он и, проведя время перед телевизором, стал ждать. В десять часов ночи, не дождавшись друга, Магомед уснул. Утром в шесть будильник разбудил его, и сквозь все еще сонные глаза он заметил на соседней кровати свернувшегося калачиком Орлова – его обычная поза еще с училища. На тумбочке заканчивающаяся пачка сигарет и коробок спички. Магомед опустил ноги в тапочки, но не решился на шуточный подъем друга – годы установили между ними расстояние, и он не был уверен, остался ли Андрей таким же шепутным, как и раньше. Он встал, напялил спортивку и вышел на утреннюю пробежку. Воздух был сырой и холодный; люди, уставшие от напряженного труда над объектом, еще спали. Погода напомнила ему родное село, лица его детства; мать, вечно занятую по дому; сестру, которая умерла «от тоски». Он вспомнил учителя по физике, который был уверен, что «когда-то моя нога вступит на Байконур. Вот, я здесь». Он сравнялся с бегуном в капюшоне, который приветливо ему улыбнулся и поздоровался:

– Доброе...

Магомед, продолжая размеренный бег, подсознательно повернул голову вслед за добрым человеком, которого не знал. Кто он? Секретарь ЦК, министр, диспетчер, генерал или монтажный рабочий? Здесь люди не отличаются по рангам – у всех одинаковый статус. Было бы так и в обыденной

жизни, а то в другом месте они не достигаемы друг для друга, отделенные высокими кабинетами, охраной, секретарями... «Интересно, Андрей еще спит?.. “Скажи, кто твой друг, а я скажу, кто ты”, Расул Гамзатов...» Юрий Шеффер что-то наплел про экстрасенса и 28 октября, а сегодня, какое число – 13 ноября. Может, он ошибся и надо опасаться 15 ноября – дня намеченного старта корабля? «Интересно, успокоилась ли моя жена, начал ли мой сын есть кашу по утрам?»

К семи он вернулся в номер – Андрей все еще спал, не меняя позы. Что ему снится? Он смахнул полотенце с хромированной головной ножки кровати, бесшумно залез в тумбочку, достал гигиенические принадлежности и ушел в душевую, тихо прикрыв за собой дверь. От прикосновения к горячей воде мышцы моментально расслабились, и он долго наслаждал тело под душем, а мысли витали вокруг «Бурана» и его следующего старта.

Он вернулся в номер и обнаружил пустую заправленную кровать. Андрей ушел и захватил свои сигареты. Неужели? Магомед быстро вышел в коридор, огляделся и в конце коридора перед приоткрытым окном заметил силуэт Андрея и клубок сизого дыма вокруг головы – его взгляд обращен на стартовую площадку, где величественно стоит «Буран» в нервном ожидании подъема в холодную, безжизненную пустоту.

Андрей, услышав за спиной шаги, повернулся.

– Привет.

– Доброе утро, Андрей. Ты спал, как убитый.

– Храпел?

– Нет.

– А ты храпел.

– Неужели? Я что-то не слышал.

Оба засмеялись.

– Чашка чая и сигарета – твой завтрак?

– Да, к сожалению. Без них мозги не начинают работать, – сказал Андрей, сделав последний глоток. – А ты?

– Я много ем, потому что имею дело с большими физическими нагрузками. Иногда думаю: съел бы целого барана.

– Из тех, что пас по склонам Согратля?

– Точно.

– Магомед, тебе не кажется, что все хорошее у нас позади? «Что за вопрос? У него любимая работа, – думал Магомед.

– Проблемы в семейной жизни?»

– Конечно, самое впечатлительное, самое раннее познание осталось там, в детстве. У нас с тобой – в училище.

– Общаешься с кем-нибудь?

– К сожалению, нет.

– Интересно, как там Шиндер, Видяев.

Магомед засмеялся, упершись спиной на холодную стену.

– Почему смеешься?

– Ты не слышал про Шиндера?

– Нет, что он натворил?

– Я служил в Германии, когда получили директиву: «Опыт

ведения боя по низколетящим целям», – сказал Магомед. – Шиндер служил в ПВО на иранской границе, когда наземное слежение обнаружило две низколетящие цели. На перехват отправили одного капитана. Он, в условиях сильного тумана, приблизиться к цели близко не посмел и, сообщив о том, что вертолеты наши, вернулся обратно. Командир сомневался, и поднял на МиГ-23 другого летчика, которому верил как себе. Им оказался Шиндер. Он подлетел так близко, что увидел знаки Имперских ВВС Ирана – иранские «Чинуки». Он мгновенно докладывает об этом в часть, но там временное замешательство. И что Шиндер делает: выключает радиоприем с диспетчером, чтобы не мешал, и идет на штурм. Самонаводящимися ракетами он сбивает первый вертолет, потом вдогонку разрядил пушку, выпустив семьдесят снарядов в другой вертолет, который совершил посадку на нашей территории. В итоге – прецедент: первый опыт боя на самолете с изменяемой геометрией крылом по низколетящим целям и два сбитых вертолета.

– Молодец! Авантюра была чертой его характера, в нем было прекрасное сочетание дерзости и расчета. – Андрей изменился в лице, переключая тему. – Люба нашла пожарника?

Магомед засмеялся.

– Ей уже некогда об этом думать – трое детей. Расскажи о себе, Андрей: как семья, работа...

– Пойдем в номер, а то стало холодно. Поболтаем.

Время оставило отпечаток на лице Андрея: лицо вытянулось, что отражает негативную жизненную установку. «Он пережил что-то нехорошее», – подумал Магомед.

Орлов сел на кровать и вздохнул.

– Вот бы остановить время, лечь и уснуть. Я очень устал. Временами голова вообще не соображает.

– Это из-за «Бурана»?

– Да, конечно. Скорости, спешка, – Андрей откинулся к стенке, подперев корпус согнутыми локтями и спустив ноги на пол. – Нас сильно торопят – я не знаю, зачем. Я уверен, что ты не знаешь причину сбоя запуска ракеты...

– Рукав заклинил?

– Нет. Старт отменила наша команда. Мы обнаружили вмешательство в систему жизнеобеспечения «Бурана». О последствиях я даже не хочу говорить.

– Я иногда слышу, что там многое скопировано от американского челнока. Это правда?

– Магомед, ну что ты, – быстро среагировал Андрей. – Внешне – да. Аэродинамика и в Африке та же. Поэтому здесь не спорю. А вот начинка – дело совсем другое. Например, система управления «Бурана» – это мощнейший цифровой вычислительный комплекс с уникальным программным обеспечением. Более шести тысяч команд и трех тысяч алгоритмов управления бортовыми системами. В ходе подготовки к полету контролируется более пяти тысяч параметров. Не надо быть специалистом в этой области, чтобы понять, прочув-

ствовать объем работ, проделанных разработчиками нашей фирмы под руководством Николая Алексеевича Пилюгина. Вот, например, три тысячи алгоритмов – это три тысячи вариантов работы системы управления с момента начала предстартовых работ и до остановки корабля на посадочной полосе после возвращения. Туда входит уникальная программа защиты от всевозможных отказов и аварийных ситуаций. Я могу, если хочешь, сделать сравнительный анализ американского аппарата и нашего.

– Говори.

– Ладно, терпи и слушай. Наш аппарат способен вывести на орбиту не только корабль, но и дополнительные грузы массой до ста тонн, а также до десяти человек экипажа против семи у шаттла. Продолжительность полета «Бурана» тридцати суток против семнадцати у шаттла.

В «Буране» предусмотрена система экстренного спасения экипажа. На малых высотах работает катапульта для первых двух пилотов, на достаточной высоте, а в случае нештатной ситуации, «Буранин» способен отделиться от ракеты-носителя и совершить экстренную посадку.

Все возможные неисправности под контролем и есть возможность перевода на резервный режим. Учти: это сделано впервые в ракетостроении.

Впервые в ракетостроении на космическом аппарате была использована система диагностики, охватывающая все системы корабля, подключающая резервные комплекты оборудо-

дования или осуществляющая переход на резервный режим работы в случае возможных неисправностей.

Система автоматического управления «Бурана» настолько совершенна, что при будущих полетах экипаж корабля в этой системе рассматривается лишь как звено, которое дублирует автоматику. В этом было принципиальное отличие «Бурана» от американских шаттлов – наш «Буран» мог весь полёт выполнить в автоматическом беспилотном режиме. Посадка же американских шаттлов осуществляется полностью на ручном управлении при неработающих двигателях.

Система теплозащиты допускает многоразовое использование материалов с диапазоном работы от минус ста тридцати до плюс тысячи шестисот градусов по Цельсию. Прецедент. Разработанная специалистами Всесоюзного института авиационных материалов теплозащита «Бурана» состоит из отдельных элементов – плиток из теплозащитного материала из особоочистых кварцевых волокон с наружным стекло-видным покрытием, которые приклеиваются к корпусу «Бурана» через демпфирующую фетровую подложку, которая, в свою очередь, приклеивалась к плитке с помощью нового эластичного клея. Тоже новшество. Фактически коллектив этого института создал тридцать девять принципиально новых материалов и двести тридцать технологий, но главное – это создание теплозащитных материалов, которые по своим характеристикам превосходили американские.

И наконец «Спейс шаттл» – это монолитный блок, кото-

рый предназначен только для подъема космического челнока. Космический самолет «Буран» стартовал на самой мощной в мире ракете «Энергия», которую можно использовать самостоятельно для любых грузов. Другими словами, система «Энергия – Буран» состоит из двух независимых составляющих. Двигатели «Энергии» работали на жидком кислородно-керосиновом и на кислородно-водородном топливе, – у американцев же первая ступень, погубившая «Челленджер», работала на твердом топливе. Ступени «Энергии» включаются поочередно, у американцев же все вспыхивает с первой секунды – возможно, этот факт и стал причиной гибели их команды.

В проекте «Энергия – Буран» разработано шестьсот пятьдесят технологий. И они уйдут на гражданку и в авиацию, – Андрей оттолкнулся от стенки и сел, выпрямившись. – Вот и всё.

– Впечатляет, – произнес Магомед искренне. – Я горжусь тобой.

– А почему не спрашиваешь, с чего всё началось?

Магомед сморщил лоб.

– С той коробки, при помощи которой ты собирался посадить самолет?

– Я заболел этой идеей в радиотехническом институте, куда мне помог устроиться начальник училища. Помнишь его?

– Еще бы! Он умер через два года после нашего выпуска.

– Земля ему пухом. Так вот, после окончания института я

попал в бюро Пилюгина. К тому времени эта идея оброслась математикой и физикой. Когда я ознакомил начальника бюро с проектом, он долго молчал, потом схватил меня за плечи: «Да это же уникальная идея». Вот так вот.

– Молодец. А личная жизнь как?

– Женат, имею одного четырехлетнего мальчика по имени Никола – моя радость и надежда.

– Поздравляю.

Уголки губ Андрея опустились.

– Женат второй раз, – добавил Андрей после непродолжительной паузы.

– Почему?

– Первая умерла, – сказал Андрей и отвел глаза в сторону. – Ее звали Ангелина. Она училась на параллельном курсе и увлекалась теорией Теслы. Она надеялась, что найдет источник космической энергии и лазейку в параллельный мир. Мы вместе считали звезды и решили, что это миф, капкан для человеческого разума: он будет вечно искать и никогда не найдет. Мы решили, что Эйнштейн обманул науку, построив свою теорию относительности на гипотезе о том, что безвоздушное пространство – это мертвая зона. А на самом деле – это эфир и исходный материал, из которого состоит физическое тело. Мы решили, что человеческая мысль материальна и она обладает энергией, то есть силой – так что телепортация – не миф, а реальность. Она знала, когда умрет – за месяц – и попросила назвать сына по имени Теслы – Ни-

кола. Но, к сожалению, умер и мальчик. Но у меня родился мальчик от другой женщины, и его назвал Николой, – Андрей замолк. Его глаза выглядели устало, как будто погасла жизнь. Его рука потянулась к пачке сигарет, затем остановилась. – Дурная привычка – курить, хотя и знаешь, что от нее умирают.

– Кури, если хочешь, Андрей – не надо выходить в коридор.

Тяжелый выдох.

– Спасибо, друг. Нет, я лучше воздержусь, – он крутил сигарету между пальцами. – Мы создали аппарат, который умеет думать, считать, сравнивать, видеть и действовать. Мы создали аппарат, который способен решать вопросы создания колоний вне Земли. Для чего? Для того чтобы подготовить почву для миграции разума. Что это такое? Это то, что принадлежит Земле, а не человеку: он лишь на время подключается к этому разуму как физическое тело. Меня предупреждали, что я «опережаю время». Ладно, пора остановиться.

– Говори, очень интересно.

– Нет, хватит. Я устаю об этом думать. Есть вещи, которые опасны для гравитации Земли. Взрыв ядерного оружия в космосе или же бесконтрольное изменение массы Земли недопустимы. Законы физики могут перестать действовать, и тогда конец единственной зеленой планете в галактике. Мы существуем для того, чтобы это предотвратить. «Буран» ну-

жен для человека, чтобы у него в нужное время была возможность балансировать на грани возможного и невозможного и чувствовать хозяином своей солнечной системы, перемещая грузы по космосу тысячами тонн и создавая свои колонии. – Андрей замолк, моргая глазами. Разговор вслух с самим собой. В наступившей тишине Магомед начинал осознавать разницу между собой и другом. Философия, мистика, теория и глубокие физические расчеты. Андрей работал над собой и достиг ошеломительных высот в деле, которому он посвятил свою жизнь. Магомед вспомнил слова Шеффера и не хотел погружаться в мир, которого он не знал.

– Андрей, как ты думаешь, то, что происходит в нашем отряде – это мистика или спецслужбы или?..

– Трудно сказать, – ответил Андрей, – но не сомневаюсь, что есть силы, которые не хотят, чтобы мы заработали по программе «Энергия – Буран». – Он встал и задумался. – Еще. Я ведь могу забыть и не предупредить тебя – для истребителя сопровождения есть один опасный момент. Будь осторожен при перехвате «Бурана» при спуске и сопровождении перед глиссадой. «Буран» будет видеть тебя, и он в любой момент может совершить непредвиденный маневр, не предусмотренный по регламенту, ну, типа воздушного боя. Не расслабляйся и близко не приближайся. Хорошо?

– Хорошо, Андрей.

Вторая попытка

Старт «Бурана»

Старт корабля был назначен на 15 ноября местного времени. Владимир, зная, что выехать из Ленинска и сделать все дела к 6:00 к запуску «Бурана» не успеет, остался ночевать на полигоне.

Многие остались на объединенном командно-диспетчерском пункте, собравшись в зале «телевизионщиков», с замиранием сердца наблюдая за процессом заправки носителя компонентами топлива на стартовом комплексе. Ракету, наполняемую жидким кислородом и водородом, начало обтекать парами от испарений. Владимир вспомнил, как несколько лет назад от избытка кислорода в воздухе заживо сгорели солдаты, которые стали играть, поджигая веревки. Когда загорелась синим пламенем их одежда, даже пожарные не смогли помочь им.

Напряжение растет. Владимир перебрался в диспетчерский пункт, где на единственном диване перед взлетом досыпал полковник Попов, начальник авиационной группы Космических войск. Он убедился, что вся линия воздушного пространства над полигоном перекрыта. Рядовые Красильников и Анопко энергично следили за посадкой и взлетом

летательных аппаратов в районе аэродрома. В соответствии с режимом полетов там мог находиться и летать только один самолет – МиГ-25 Магомеда Толбоева.

В голове у Владимира чувства причастности к событию запуска нового корабля перемешались с сомнениями: что, если опять не получится? Он еще не свет вышел вниз на площадку и зашагал по магистральной рулежной дорожке, остановился и бросил взгляд на шестиэтажное диспетчерское здание – оно светилось, как новогодняя елка, внутри вовсю кипит работа. Волнение нарастает. Он посмотрел на горизонт и увидел в свете ослепительных огней прожекторов обращенный в небо величественный корабль – «Буран». А в сплошных низких облаках огромное тусклое пятно отраженного света рисовал замысловатый рисунок – такое ощущение как будто небо и облака не хотят отпускать корабль в небо. Только большой коллектив не сдаётся и не спит. «Неужели, опять не получится? – рассуждал Владимир. – Надо запустить любой ценой и это произведет фурор в мировых средствах информации, близкий к полету первого человека в космос...».

Ветер против «Бурана»

Ветер сильный и, буйствуя, метет все по пустыне и несет в себе песок, забивая глаза вперемешку со снежной крупой. Он грохочет в железном настиле и давит на стекла окон,

пытаясь вырваться внутрь. Сплошная низкая облачность. Солнце взошло, но его не видно.

Начальник полетов Корсак сцепил руки за шеей и закрыл глаза. Все с нетерпением ждут его решение, за которое, если что, ему придется отвечать головой. Метеоусловия против инструкции по запуску. Но Бакланов! Зачем он торопит? Политика сегодня впереди телеги. Корсак со вздохом опускает руки: «Всё! Взлетаем». Это его личное обдуманное и мужественное решение. Люди понимают – всю ответственность он взял на себя.

– Соедините меня с Чилингаровым... Артур, дайте согласие на запуск. Я решил запустить корабль.

Молчание.

– Запустить «Буран» в буран?

– Так точно.

Ожидание.

– Ветер еще не затихнул, Василий Дмитриевич, Он может только усилится. Но если так, тогда давайте все вместе. Лично я подписываюсь.

– И я уже собрал пятьсот подписей от всех служб и специалистов.

– А вы не подумали о самолете наблюдения?

– Я о нем забыл.

– Я с ним поговорю, – сказал Артур.

– Магомед! – механический голос Артура по радиосвязи.

– Я слушаю Вас.

– Магомед, смотри сюда, – сказал Чилингаров, – скорость ветра сто двадцать километров в час, низкая сплошная облачность, видимость минимальная. Ты готов в таких метеоусловиях взлететь? – В нотках его голоса звучала просьба.

– Готов, – коротко отчеканил Магомед, не оставляя для себя мостов для отступления. – Я готов.

– Ты подумал о посадке? Ветер не утихнет, наоборот усилится.

– Я готов.

Владимир, стоявший рядом с Магомедом, изучал его лицо, пытаясь понять, чем он аргументирует свое решение – ведь одного мастерства против стихии может оказаться недостаточным. Он почувствовал, что в этом молодом летчике есть сила, которая может убеждать других.

Такое ощущение, как будто и небеса настроены против «Бурана». И только коллектив не сдается, не спит и не отдыхает. На совещании главный конструктор Лозино-Лозинский больше молчал с опущенной головой, думая о чем-то о своем, и лишь в конце сказал:

– Прделана огромная работа, товарищи. Накануне пуска всем нужно успокоиться и привести свои чувства и нервы в

порядок, чуть-чуть отдохнуть, не расслабляясь до конца.

Такое чувство, как будто он знает то, о чем никто не догадывается. Но что?

Команда на взлет

Постановка задачи на 15 ноября 1988 года

Владимир, устав стоять за спинами операторов, ушел в комнату, где продолжал отдыхать Толбоев. Как-то, примостившись на стуле, он задремал, но вскоре его разбудил голос дежурного офицера, который дал команду Толбоеву готовиться к вылету.

*** * ***

Утром в 6.00.

– Пятьдесят пятый!.. Пятьдесят пятый!.. – прозвучал сигнал с командного пункта. Магомед, услышав свой позывной, быстро отреагировал.

– Девятьсот пятьдесят пятый на связи.

– Готовьтесь к взлету!

– Есть!

Магомед начал одеваться в летный скафандр. Лямка запуталась, и Владимир подошел и помог с узлами, внутри се-

бя желая удачного полета. Многое будет зависеть от того, как поведут себя четыре спускаемых двигателя, без которых, если их в будущем не спускать парашютами для многократного использования, программа может стать неподъемной для страны. Это понимали все.

* * *

Время старта неумолимо приближается. Ветер не стихает. При низкой облачности серый горизонт кажется предательским, заставляя людей волноваться и переживать. А какое было небо чистое и радушное 29 октября! Почему тогда не получилось!

Владимир заходит на диспетчерский пункт и, мысленно посчитав скорость звука и движение ударной волны, дает команду операторам:

– Если увидите вспышку, – язык не поворачивается сказать «катастрофа», – всем лечь возле стены и не шевелиться...

Он видит Толбоева, приближающегося к самолету – такое ощущение, как будто вместе с «Бураном» взлетает именно он.

МиГ разбегается и уходит в облака. Владимир выбежал на балкон пятого этажа: он должен успеть заметить и зафиксировать.

Владимир отсчитывает секунды до 6:00. Он тяжело ды-

шит, еле сдерживая волнение. И вот он – пуск, которого ждали столько лет.

Ровно в 6:00 свет прожекторов начинает отступать под надвигающимися облаками выхлопных газов, и через несколько секунд это огромное бурлящее огненным красным светом творение медленно приходит в движение. За спинами операторов все руководство из Москвы затаило дыхание. Тысячи глаз в разных концах полигона приковали свои взгляды к кораблю и ожидают чуда.

Медленный ход неистовой силы, окутанной огнем и черными газами, впечатляет до слез. Через секунду сзади вырисовывается кометный мерцающий хвост. В воздухе стоит рокочущий гул, смешанный с непрекращающимся завыванием небывалого ветра.

Еще через секунду свинцовые облака полностью проглотили корабль, сделанный человеком, который по воле Земли все больше и больше втягивается в изучение других планет. У человечества, как и у человека, есть своя судьба. Оно сегодня сделало еще один шаг.

Все опустили головы, задравные к небу, и с облегчением вздохнули, жалея о том, что все так быстро закончилось, завидуя лишь двоим, кому посчастливилось наблюдать за дальнейшим подъемом «Бурана» – это были летчик Магомед Толбоев и бортоператор Сергей Жадовский.

Они парили над облаками, с напряжением ожидая появления «Бурана».

Голос радиосвязи оператора Корсака.

– Пошла! Курс?

– Девяносто, – отвечает 955-й, позывной Толбоева.

– Берите влево тридцать.

– Тридцать, – отвечает 955-й.

– Наблюдаете?

– Пока нет, – с волнением произносит Магомед. – Наверное, проскочили.

Доносится взволнованный голос руководителя полетов:

– Девятьсот пятьдесят пятый... Наблюдаете?..

– Нет пока, – у Магомеда сердце колотится. – Проскочили, наверное.

– Сзади посмотри. С каким курсом?

– Проскочили, наверное. – У Магомеда тихо начинается паника.

«Не дай бог провал. Столько надежд: “Толбоев – лучший...”», – едкая ирония проскользнула в голове, вспомнились слова Владимира.

– Вправо бери... Курс девяносто!.. Наблюдаешь, пятьдесят пятый?.. – голос оператора.

– Да!.. Вижу! – Вдохновенно. Сердце Магомеда заликова-

ло. – *Пошла! Хорошо идет! Мощно! Очень устойчиво! Хорошо! Ложится на горизонт по тангажу.*

Секундой позже Магомед продолжает:

– Четко видно, как горит. Боковики еще не видны... А вот, видны боковики по курсу. Ракурс хороший.

Ракета вырвалась из облаков. Ее толкает мощный огненный хвост. Законы физики. Солнце отсвечивалось. От одного вида у Магомеда перехватило дыхание и странно, что он еще мог говорить и докладывать. Глаза с восхищением смотрели на чудо – произведение человеческих рук, их детище, их коллективный мозг и разум, воплощенные в металл и конструкцию. Молодцы! На Марсе две станции, на Венере две, в днях уступили американцам. Гонка на выживание. Кто первый? Конечно, мы.

Секундой позже:

– Режим работы двигателей меняется. Курс сто восемьдесят. Подходим. Вот уже лег на горизонт. Боковики отошли. Пошли к земле! Устойчиво-параллельно падают!.. Вошли в тропопаузу. Отойду на километров тридцать-сорок, сделаю разведку погоды в этом районе.

Руководитель полетов:

– Пятьдесят пятый, наблюдаешь?..

– А он уже все – *ушел!* – с удовлетворением доложил Магомед. – *«Буран» ушел за горизонт!*

«Массандра»

Механик Василий, которого все звали «скрипаль»,⁴ только что вернулся с задания по очистке площадки по обслуживанию истребителя и рухнул на лавку за стол, где угрюмо продолжал сидеть его непосредственный начальник технико-эксплуатационной службы средних лет, с седеющими по вискам волосами, Степан Попов, которого он просто звал, с его позволения, «батей». А тот звал его просто «сынок». Степан курил сигарету за сигаретой, вдавливая окурки в железную банку с острыми краями из-под мясных консервов. Затем он вытягивал руку и смотрел на часы.

– Это была тряпка, – сказал Вася, оттряхивая руки от пыли. – Откуда она взялась там, я не знаю. – Он смотрел в упор на шефа, который молчал с того момента, как истребитель взлетел перед самым стартом «Бурана». – Что, батя, волнуетесь?

– А ты нет? – ответил Степан. – У меня никогда еще не было столь ответственного момента в жизни – вся страна в ожидании. Напряжение как на войне.

– Воевали?

– Да.

– Кем?

– Испытателем.

⁴ Скрипач (укр.). – Прим. ред.

Василий знал, что Степан был хорошим специалистом по МиГам и классным рассказчиком былиц и небылиц и, пользуясь кажущейся наивностью молодого помощника, часто брехал о несусветных курьезах своей профессии. Он вчера хладнокровно рассказывал, что присутствовал на Байконуре при запуске Гагарина, хотя цифры и даты не сходились, а Микоян лично советовался с ним по вопросам конструкции МиГа-25.

– Испытателем чего?

– Нервов, – ляпнул Степан и уставил свой тяжелый взгляд на помощника. – Если сейчас Магомед промахнется или что-то случится, то я буду чувствовать себя виноватым.

– Не волнуйтесь – Толбоев справится.

– Я верю – он мне напоминает Александра Бажевца.

– Кто такой?

Выражение лица шефа меняется, переходя в ехидную усмешку.

– Учился на техника МиГа, а его историю ни черта не знаешь.

– Батя, я же вам говорил, что учился на туполевские бомбардировщики.

– Так и скажи, – заметил шеф с гордостью. – Миг-25-ый – это легенда, сынок, его нельзя ни с чем сравнивать. – Он почесал затылок.

«Подготовка к очередной басне», – подумал Вася. Неуверенно подошел инженер регламентной службы:

– Извините, Степан Викторович, – начал он волнительно. – В бокс заходил какой-то тип, интересовался о вас...

– Прогони прочь! Сюда никому нельзя заходить. Меня нету.

– После смерти Сталина, – начал Степан рассказывать, – американцы задумали новый план по ядерному удару по СССР и развернули работы по созданию супербомбардировщика В-70 с названием «Валькирия» с дальностью полета одиннадцать тысяч километров при максимальной скорости. Перед Анастасом Микояном поставили задачу: сделать истребитель, способный перехватить стаю «Валькирий», которая будет лететь на Советский Союз со стороны Северного полюса. Сказано – сделано, хотя задача оказалась непростой. Только преодолели звуковой барьер, а тут – новый проект: увеличить скорость в три раза. Сделали и в итоге – американцы, затратив на их производство миллиарды долларов, передумали летать к нам в гости через Северный полюс и свернули проект.

– Да, круто, батя.

– И сегодня рекорд Федотова по высоте – 37 650 метров – никто не побил.

– Давно работаете с этим самолетом?

– Да. Этот истребитель появился на нашем аэродроме в тыща девятьсот шестьдесят восьмом году. Его взлет и посадка не оставляли равнодушными никого, хотя кругом полно всякой техники: гигантские транспортные самолеты,

стратегические бомбардировщики, штурмовики, фронтовые истребители, вертолеты. Их оглушительный рев сотрясал все вокруг. С большим хвостом форсажного пламени позади они исчезали в небе в считанные секунды. А посадка! Они приземлялись всегда парами. Из облаков беззвучно на огромной скорости вылетали две стрелы, по необычной глиссаде опускались на землю и плавно касались колесами посадочной полосы, выпустив тормозные парашюты. В его сопла свободно мог залезть человек в полный рост. Без следов заклепок, с неправдоподобными тонкими крыльями и мощностью он казался чудом. Разговоры были только о нем, потому что только с этого самолета сливали 200 литров «массандры» – сорокаградусного водно-спиртового раствора, заслужившего всенародную любовь техников и специалистов аэродрома за универсальность применения – настоящая водка с привкусом резины. Пей – не хочу. Для чего она, летчики, одетые в противоперегрузочные высотные костюмы хранили молчание. Может, они не знали. А я знал.

На губах Василия появилась усмешка.

– О чем?

– Спирта было море: сорок пять литров от РЛС бокового обзора, двести литров «массандры» для охлаждения генераторов в момент преодоления сверхзвука и где-то литров 20 у радистов для охлаждения аппаратуры радиостанции – при работе передатчиков в атмосферу выбрасывался стакан чистого спирта в минуту. Кроме этого, был у нас «си-

рневый день», когда включалась станция постановки помех «Сирень». Вообще, за смену списывали литров шестьдесят. Водка казалась компотом по сравнению с ним. А распределение было справедливое: основными потребителями чистого спирта были летуны. Далее техническое руководство эскадрильи, остатки по рангам ниже и тем, кто бегали с протянутыми кружками. Все были счастливы. Спирт стал второй валютой. Но, к счастью, это длилось недолго. Когда к нам пришел новый командир части – не помню, как его звали, он, столкнувшись с проблемой, не растерялся: никого не ругал, ни на кого не кричал, не проводил совещанию по перерасходу спирта, а просто, молча, пару дней, проводил эксперименты, потом взял и налил чуть-чуть керосина в спирт. Какая находчивость. В один день все прекратилось, и многие его возненавидели. А те, кто был на грани, отнеслись с пониманием, в том числе и я. Какой я был дурак – увлекся этим ядом и чуть печень не погубил. Надо признать: мы с Магомедом с аппаратуры нашего самолета не сливали ни одного грамма: там все было чик-чик, всегда держался уровень и пломбы были целы. К тому же, я не пил отработку – я знал, что туда попадают элементы радиоактивности и пил только чистый.

– А в «Буране», интересно, сколько спирта!

– И не мечтай. За «Буран» могут казнить.

– Батя, а этот, как его... ну, вы сказали, на кого похож

Магомед.

– А-а, Бажовец, что ли?

– Да.

– Это связано с войной на Ближнем востоке. Я вижу: ты и с историей не дружишь. Это было давно, в семидесятые годы, когда разразился конфликт на Ближнем Востоке. В Израиле активно обсуждали операцию о воздушном ударе по Асуанской плотине в Египте, которого прозвали «восьмым чудом света». Ее построили мы на реке Нил. До сих пор ее считают уникальным сооружением: высота – сто десять метров, длина четыре километра, удерживает бетонными блоками сто шестьдесят миллиардов кубических метров воды. Ее разрушение вызвало бы волны высотой сто метров и смыло бы все города Египта в море. Человечество встало на грань ядерной войны и в Москве пошли слухи о возможном ответном ядерном ударе по Израилю. Но, чтобы избежать подобное развитие событий, в Москве решили предупредить противника и дать понять, что это возможно. Вот так с аэродрома под Каиром я отпустил МиГ-25 с летчиком Бажовцом. На нем стояла сложнейшая аппаратура прицельного бомбометания из стратосферы на сверхзвуковой скорости – «Пеленг-2» с бомбовой нагрузкой до пяти тонн с тандемной подвеской. Но Бажовец вылетел без вооружений. Он через несколько минут на высоте двадцати двух километров парил над Тель-Авивом. Мгновенно навстречу ему взлетели несколько «Фантомов» и «Хаки». Но ни самолеты, ни их ракеты не долетали до нашего истребителя. Бажовец с издевкой включил фото-

камеру и заснял весь огненный фейерверк и город под его крыльями. Ему было сказано сделать один круг и вернуться обратно, но он демонстративно сделал шесть кругов над городом, приводя в ужас и холодный пот горячие головы военных ястребов. Президент Америки Никсон тут же позвонил Брежневу и сказал: «Слушай, Леонид, давай возьмем большую палку и, как следует, зададим нашим друзьям в Каире и Тель-Авиве». Вот так МиГ-25 спас мир от апокалипсиса. А пилоту дали Звезду Героя. Заслуженно, потому что ни он и никто другой не знал возможности ПВО противника.

Через минуту они услышали рев.

– Это Толбоев уже садится! – с восторгом произнес Степан. – Пошли встречать. Потом я тебе расскажу другую историю про охоту шпионов за этим самолетом...

Часть IV

Встреча «Бурана»

Миллионы людей застыли у экранов телевизоров

«Не торопиться! – предупреждал председатель Государственной комиссии Виталий Хуссейнович Догужиев. – Прежде всего, безопасность!».

Миллионы людей застыли у экранов телевизоров. Идет прямой репортаж – напряжение на Байконуре на пределе.

Через восемь минут произошло выключение двигателей второй ступени и отделение от основного блока, выход на орбиту с высотой 154 километра. Управление «Бураном» передается с Байконура в Подмосковский ЦУП. В зале на Байконуре полная тишина. По приказу руководителя полетов Губанова все остаются на своих местах. У ракетчиков горят глаза – их задача выполнена, и они, прячась, под столомжимают друг другу руки и одобрительно кивают головами, хотя каждый понимает, что это еще не всё.

Через три минуты «Буран», лежавший на спине, на ра-

дость выдал первый корректирующий импульс. Он находился на промежуточной орбите с высотой 256 километров, что означало, что будет первый виток.

В 7.33 утра Толбоев посадил самолет на аэродром Юбилейный. Батя со своей командой забегался: наружный осмотр, проверка основных узлов, дозаправка. Магомед не снял комбинезон и стоял рядом. К нему подошли двое и что-то в спешке объясняют – Магомед, ни в коем случае ближе, чем двести метров не подходи: «Буран» видит и чувствует тебя. Я не могу знать, что он сделает, если почувствует опасность от твоего приближения. Пожалуйста, делай, как я говорю, и никакой самодеятельности. Ты на тренировках отработал сотни вариантов поведения машины, но не забывай, что возможен другой вариант, которого мы не знаем. Всё будет зависеть от тебя и твоего мастерства, в чем не сомневаюсь.

– Хорошо, Андрей. Сделаю, как ты говоришь.

Когда «Буран» пошел на второй виток, на командном пункте прокатился шумок: «Всё штатно, по данным телеметрии всё нормально, отклонений от работы аппаратуры посадки не видно, за исключением неисправности некоторых радио-ответчиков, которые не влияют на режимы посадки».

За «Бураном» следили шесть наземных станций слежения в разных точках страны и четыре плавучие станции; задействованы сеть наземных и спутниковых каналов связи – все

под контролем. Напряжение не спадает.

В 7.57 на взлетную полосу выкатывают МиГ-25: Толбоев и оператор Ждановский занимают свои места. На дорожках начала выстраиваться технический комплекс наземного обслуживания. Все разговоры шепотом.

В 8.51 «Буран» входит в атмосферу в районе Атлантики на расстоянии 8270 километров от Байконура.

Погода не меняется. «Буран» получает все параметры погоды на борт перед посылкой тормозного импульса.

В 8.47 Толбоев запускает двигатели перехватчика, через пять минут получает разрешение на взлет, и второй раз за утро стремительно и с ревом врывается в хмурое небо навстречу «Бурану». Задача перед ним непростая: предстоит выполнить необычный перехват воздушной цели. Обычно на практике перехватчик догоняет цель, а здесь объект прет на встречном направлении, причем его скорость стремительно падает, меняясь в широком диапазоне. Меняется и высота. С такими параметрами надо выйти на визуальное наблюдение в пределах пяти километров. К этому надо добавить: на самолете бортовой РЛС отсутствует из-за переделки в летающую лабораторию, таким образом, потеряны функции полноценного строевого перехватчика.

Владимир наблюдал за взлетом истребителя, стоя у окна в трехстах метрах от взлетной полосы. Дул сильный шквальный ветер, практически поперек полосы. «Хуже условий для бездвигательной и беспилотной посадки корабля “Буран”,

идущего с околоземной орбиты в заданную точку земной поверхности, трудно представить», – думал Владимир.

В это время «Буран» огненной кометой врежется в верхние слои атмосферы и в 8.53 на целых 18 минут диспетчеры теряют радиосвязь. Это время движения в плазме. В работу вступает система средств предупреждения о ракетном нападении, действует командный пункт Ракетных войск стратегического назначения. Пройден рубеж 80 километров, 65 километров... «Буран» использует режим погашения кинетической энергии за счет зигзагов маршрута движения и ему удается добиться снижения температуры на носовой части фюзеляжа до 907 градусов, что намного ниже расчетной.

Бортовая телекамера поймала попадание на лобовое остекление ошметков теплозащиты. Через секунды их сдуло встречным воздушным потоком.

Конструктор Глеб Лозино-Лозинский рядом с собой слышит шушуканье коллег, которые должны были готовить информацию для средств массовой информации – весь мир следит за полетом советского шаттла. Он услышал первые выражения: «...корабль, войдя в плазму, начал разрушаться...».

В 9.11 Буран целым и невредимым преодолел участок плазмообразования на высоте 50 километров и вышел на связь на удалении 550 километров от места посадки со скоростью, превышающую скорость звука в 10 раз, – гиперзвуковая скорость. Коллеги Лозино-Лозинского перестали вы-

думывать текст об аварии. В ЦУПе по громкой связи восклицание: «Есть прием телеметрии. Система работает штатно». Ура! До посадки остается чуть больше 10 минут. Буран находится в районе Кизляра. Через некоторое время на высоте 9 километров Толбоев встречает «Буран» со скоростью 1600 километров в час, а «Буран» несется сверху вниз со скоростью 5400 километров в час. В этой ситуации опасность заключалась в том, что компьютер вел корабль по своей траектории выхода на точку, а МиГ-25 наводился по командам с земли. Вероятность столкновения была высокой.

– Сейчас на встречных к вам будет выходить объект, – раздается голос штурмана оператора Корсака. – Выполняйте мои команды, высота с ним у вас одинаковая, снижайтесь...

* * *

955-й: – Снижаюсь. Между нами сколько? – спрашивает Магомед.

9-й: – Между вами порядка 20 километров. Навстречу идете.

955-й: – Понял.

9-й: – Сейчас на правой... километров смотри, 10 километров, влево, крен 60, курс 240! Влево выполняйте разворот!

* * *

Через секунду Толбоев и «Буран» встретились на встречных курсах. Магомед его еще не видел, потому что «Буран» летел сверху вниз и оказался сзади. Что делать? Его нельзя упускать. Для того чтобы не упустить «Буран», Толбоев принимает мгновенное интуитивное и единственно верное решение – свалить самолет в левый штопор, так как времени на разворот уже нет. Он совершает полупетлю для выхода из штопора, включает форсаж и догоняет корабль, садясь ему на хвост. Оператор Жадовский, не готовый к такой перегрузке во время выполнения маневра, качнулся и ударил видеокамеру об обшивку, но не сломал.

* * *

955-й: – Пошел на встречу с «Бураном» на высоте 7600 м.
Съемка С. Жадовского, сближение, визуально наблюдаю!

9-й: – У него высота 7600.

955-й: – Понял.

9-й: – Он идет на правый цилиндр!

955-й: – Пристроились. Между нами 3 километра.

9-й: – Понял.

955-й: – Визуально внешний обзор хороший. Тормоз ра-

ботает.

9-й: – Понял.

955-й: – Делает доворот вправо.

955-й – *Прошел контрольную точку, увеличивает угол.*

Закрылки работают.

955-й: – Шел с углом 19, уменьшает до 15.

9-й: – 955-й, проверьте выпуск шасси у себя!

955-й: – Идет со скоростью 580.

9-й: – Понял.

955-й: – Поближе подойдем, посмотрим хвост.

* * *

Вдруг полная слепота и какой-то неожиданный маневр корабля. Страх перед столкновением. От напряжения глаза мгновенно стали стеклянными.

* * *

955-й: – ...Вошли в облачность! Ничего не видим. Мы его упустили.

* * *

Вдруг 80-тонный «Буран», который несся к земле со ско-

ростью 120 метров в секунду, делает неожиданный разворот, меняя курс. В этот момент Буран выпадает из поля зрения Толбоева и антенн наземного слежения. Замешательство операторов наведения был настолько велико, что они забыли про Толбоева и прекратили наводку. Судьба «Бурана» повисла на волоске. Когда корабль заложил левый крен, первая осознанная реакция руководителей полета была однозначной: «отказ системы управления! Корабль нужно подорвать» Для этих целей на случай фатального исхода на борту корабля размещались тротиловые заряды системы аварийного подрыва. Они решили, что момент настал.

Андрей, доселе молча следивший за маневрами «Бурана», услышав намерение руководства, немедленно подошел к Микояну.

– Не вздумайте взорвать! – сказал он, – ни в коем случае. – Андрей отчетливо понимал, что самолет слежения, который пилотировал его друг, не сможет избежать катастрофы, с другой стороны, только он один мог догадываться о причинах неожиданного поведения аппарата «Буран». – Дайте время.

Заместитель Главного конструктора НПО «Молния» по летным испытаниям Степан Микоян, не долго думая, вмешался:

– Подождите с подрывом!

– А если случится трагедия? – взволнованные голоса коллег.

– На участке снижения и посадки я отвечаю за объект, – сказал он в ответ, глядя на Андрея, который с благодарностью за понимание кивал ему головой. – Подождите секунду, посмотрим, что он будет делать дальше.

– Спасибо, – произнес Андрей, вновь усаживаясь за монитор слежения.

Глеб Лозино-Лозинский с возмущением продолжал слышать выводы коллег о сообщении для ТАСС: «...к сожалению, из-за непредвиденных неполадок в бортовой системе управления корабля благополучно завершить эксперимент не удалось...». Он был согласен с предложением Микояна – подождать.

А дальше «Буран» вдруг неожиданно для всех сделал круг радиусом 6 километров и уверенно зашел на посадку с противоположной стороны. Какое чудо! Андрей не удержался и, подскочив на месте, первым проронил:

– Ура!..

Все остальные молчали и не понимали, что происходит до тех пор, пока «Буран» после отметки 10 километров не сел на знакомую тропу, которую проторила для него его аналог – летающая лаборатория Ту-154.

Радиосвязь с самолетом сопровождения возобновилась.

Андрей услышал уверенный голос Толбоева:

– Отлично идет! Тянет, ромба не долетает!

Система автоматической посадки четко выслеживала три основных навигационных параметра: азимут относительно

посадочной полосы, угол точки и дальность. При помощи этих переменных во времени и пространстве данных бортовой компьютер проводил непрерывную корректировку полета объекта. На высоте 4 километров корабль идет на крутую глиссаду. С этого момента его ловят телекамеры с земли. «Буран» появляется из облаков и несется к земле с пугающей скоростью.

Взгляды всех теперь были прикованы к серой пелене облаков в направлении, откуда должен был появиться корабль. А он несся по крутой глиссаде к полосе, видимый только радиолокаторами, которые говорили: «Все нормально! На курсе, на глиссаде!». И вот, как будто из ничего, плавно обрисовались контуры «птички», которая, казалось, камнем неслась к земле. В корабле были частички жизни всех, кто его создавал, строил, испытывал...

Первая мысль: «Шасси выпущены?». Потом – крутой перелом траектории снижения, высоко задранный нос, мастерская посадка и замедляющийся пробег, для которого хватило чуть более половины полосы! Выпуск шасси и снижение до мягкого касания. Ювелирная точность. Андрей подскочил в воздух первым. А потом началось! Бурные овации, крики «Ура!», все жмут друг другу руки, обнимаются.

– Сел отлично! На оба колеса! – докладывает Магомед.

* * *

РП: – 70 метров недолет!

955-й: – Идет по центру, переднее колесо держит!

955-й: – Опустил нос, по центру подрулил!

955-й: – От центра метров 100, сбросил парашют.

РП: – 955-й, как?

955-й: – Отлично, 600!

* * *

А Магомед Толбоев после прохода на бреющем полете выполняет крутой вираж на форсаже вокруг «птички» – круг почета, так сказать...

* * *

РП: – Уходить будете, или еще проход сделаете?

955-й: – У меня топлива много... Сейчас мы его заснимем и пойдём.

* * *

И вот «Буран» стоит посреди аэродрома, который замер,

как будто все вокруг остановилось, даже ветер, казалось за-
тих... Только в хвосте у корабля поыхивает пламя дожига-
ния топлива, нет – это не макет, как раньше – это он, – мо-
мент касания, настоящего «Бурана»!

* * *

Глядя на остановившийся корабль, Владимир подумал,
что он живой не только потому, что он приземлился в слож-
нейшую погоду, что это было ЧУДОМ, выстраданным неуда-
чами и трагическими событиями.

На площадке, где тяжело дышал «Буран» после стольких
испытаний, выпуская пар, продолжала работать вспомога-
тельная силовая установка, обеспечивая энергией бортовые
системы и, главное, гидросистему и тормозные устройства,
чтобы подключиться к наземным машинам обслуживания.

Вдруг началось невообразимое: море чувств и пережива-
ний у тысяч людей в один момент вырвалось наружу. Всё по-
путалось: восторг и смятение, радость и гордость, облегче-
ние. Одновременно заурчали моторы десятка автомобилей,
припаркованных к зданию управления и, догоняя друг дру-
га, помчались к полосе, чтобы первым прикоснуться к осты-
вающему «Бурану».

Владимир видел, как первым пересекла ленту машина ге-
нерала армии Александра Максимова, начальника Главного
управления космических сил, из второй машины вылезли:

Радомир Король, начальник главного управления Минавиапрома и Ювеналий Марчуков, главный конструктор вспомогательной установки.

Максимов пошутил:

– Король, а он у тебя не взорвется?

Король довольно сиял и добродушно улыбался.

– Да нет, Сан Саныч, – сказал он, – это пыхтит выхлопами моя установка...

Тут к ним примкнул Олег Рысев, начальник НИИ парашютостроения и Игорь Зверев, директор Тульского машиностроительного завода.

Порывы ветра срывали с голов шапки, ушанки, полковничьи папахи и генеральские фуражки, и никто на это не обращал внимания. Целовались, обнимались, кричали, перекривая друг друга. Глеб Лозино-Лозинский, стоявший недалеко от толпы, уголком носового платка вытирал глаз – такой ошеломительный итог десятилетней работы. Он, наверное, думал о бесспорном преимуществе страны в космосе и пилотируемых полетах и внедрении новых технологий в народное хозяйство. К нему приближался Игорь Волк, который через два месяца должен будет полететь на «Буране» в космос...

Владимир пришел в себя и стал осматривать толпу, высматривая Андрея Орлова. Его нигде нет. Он ощутил прилив тревожных чувств: неужели он остался на диспетчерском пункте. Зачем? Или что-то случилось. Владимир развернулся и поспешно зашагал в сторону административно-

го здания. Он открыл входную дверь и оцепенел. У подножия лестниц он увидел распластанное безжизненное тело. Из рта текла кровь.

– Андрей, – прокричал Владимир, пытаясь, просунув руки под плечи, приподнять голову все еще находящегося в сознании Андрея Орлова. – Что с тобой?

Андрей открыл тускнеющие глаза и еле пробормотал:

– Я упал. Меня... – и издал последний вздох.

Владимир замер, держа на руках разработчика системы автоматической посадки, отца, мужа и хорошего друга. Он думал о «проклятии “Бурана”».

«Его столкнули, но какая комиссия это докажет...»

Никакого человеческого фактора – это убийство и месть за спасение «Бурана» и друга.

Твой муж больше не придет

К концу второй декады ноября в Москве наступили первые зимние холода. Воздух сырой и холодный. Снег на тротуарах хоть как-то держался, а на проезжей части под действием химикатов растворялся, превращаясь в слякоть. Магомед стоял возле высотного дома на улице Вернадского, готовясь подняться на четвертый этаж, постучать в двери квартиры своего друга Андрея Орлова и сказать слова, которых он боялся больше всего на свете. Прежде чем сделать последние шаги и перешагнуть рубеж душевного равновесия, он сделал выдох, одернул воротник плаща и шагнул в подъезд. Он еще раз перевел дыхание, теперь уже стоя во весь рост перед дверью. Он уставил отсутствующий взгляд на маленький смотровой глазок посередине двери и застыл. Рука не поднималась к звонку – он не был готов увидеть реакцию на трагическую весть.

«И почему это должен сделать я? Потому что у него нет никого близкого, кроме меня? Надо отключить мозги от сопереживания, а то не смогу удержать себя в руках».

Он не успел нажать на звонок – дверь приоткрылась на цепи. За дверью стояла женщина с распущенными волосами, белой кожей лица с приветливым выражением на лице.

– Вам кого? – спросила она. Голос счастливый, ничего не подозревающий. «Вот она граница между...» – он не успел

додумать мысль.

– Па-па! – закричал малыш трех лет, втискиваясь между стенкой и ногами матери. – Папа!..

Сердце гулко застучало у него в груди и, когда Магомед опустил глаза, женщина, заподозрив неладное, отбросила цепь и открыла двери настежь.

– В чем дело? – ее глаза начали округляться. – Где Андрей, где мой муж?..

– Возьмите себя в руки, – произнес Магомед одеревеневшим голосом, которого не узнавал сам. – Ваш муж больше не придет.

– Нет!.. – завопила жена. – Нет!!! – она сжала руки в кулаки и в истерике стала стучать по своей голове.

На душераздирающий крик выбежали соседи и стали успокаивать ее. Малыш так и стоял, прислонившись к стене. Андрей его назвал Николой. Когда толпа ушла вглубь коридора, малыш робким голосом спросил:

– Дядя, а почему мой папа больше не придет?

Магомед поднял его на руки и прижал к щеке.

– Он погиб, спасая меня, малыш.